

УДК 34(476)(092)Юхо И.А.
ББК 67дЮхо И.А.
П15

Серыя заснавана ў 2003 годзе

Серыйнае афармленне: *Л. А. Стрыжак, Г. М. Раманчук*

Рэдакцыйная калегія:
С. А. Балашэнка, Л. Л. Голубева, Т. І. Доўнар, С. А. Калінін

Рэцэнзенты:
доктар юрыдычных навук, прафесар *А. Г. Цікавенка*;
доктар палітычных навук, прафесар *С. В. Рашэтнікаў*

Выкарыстаны фотаматэрыялы
сямейнага архіва *І. А. Юхо*,
а таксама асабістага архіва *Т. І. Макаравай*

Памяць і слава : Іосіф Аляксандравіч Юхо. Да 90-годдзя з дня
П15 нараджэння / рэдкал. : С. А. Балашэнка [і інш.]. — Мінск : БДУ,
2011. — 175 с. : іл. — (Memoria et Gloria).
ISBN 978-985-518-487-5.

Выданне прысвечана навуковай і педагогічнай дзейнасці выдатнага беларускага вучонага-юрыста, заснавальніка нацыянальнай гістарычна-прававой школы, прафесара І. А. Юхо. У кнігу ўвайшлі манаграфія даследчыка, бібліяграфія яго публікацый, звесткі аб навуковай школе, а таксама ўспаміны вучняў і калег.

Разлічана на шырокае кола чытачоў, якія цікавяцца лёсамі і дзейнасцю прадстаўнікоў айчыннай навукі.

УДК 34(476)(092)Юхо И.А.
ББК 67дЮхо И.А.

ISBN 978-985-518-487-5

© БДУ, 2011

MEMORIA ET GLORIA ПАМ'ЯЦЬ І СЛАВА

*Т*ак называецца серыя, якая прысвечана выдатным дзеячам навукі, вучоным, знакамітым людзям Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гэта даніна павагі тым, хто праславіў нашу Alma mater, нашу краіну, пакінуў аб сабе добрую памяць у айчыннай і сусветнай навуцы.

*В*ыданне прысвечана беларускаму вучонаму-юрысту, заснавальніку нацыянальнай гісторыка-прававой школы, прафесару і проста цудоўнаму чалавеку Іосіфу Аляксандравічу Юхо.

У кнігу ўключаны кароткі нарыс жыцця і дзейнасці Іосіфа Аляксандравіча Юхо, яго манаграфія, у якой праводзіцца даследаванне прававога становішча насельніцтва Беларусі ў XVI ст., а таксама ўспаміны яго вучняў і калег.

*Б*удзе карысна ўсім, хто цікавіцца лёсамі прадстаўнікоў айчыннай навукі, перш за ўсё тым, хто займаецца вывучэннем пытанняў дзяржавы і права Беларусі.

ПРАДМОВА

Шаноўнае спадарства, перад вамі выданне, якое прысвечана памяці прафесара Іосіфа Аляксандравіча Юхо, выдатнага беларускага вучонага-юрыста, выкладчыка і настаўніка з вялікай літары. У 2011 г. адзначаецца 90-гадовы юбілей І. А. Юхо. І хоць ужо сем гадоў прайшло, як Іосіф Аляксандравіч пакінуў нас, але працяг любых даследаванняў у галіне гісторыі дзяржавы і права Беларусі немагчымы без уліку распрацовак пажанага прафесара.

Вывучэнне гісторыі Беларусі мае шэраг цяжкасцей, на яе землі заўсёды прэтэндавалі моцныя суседзі, якія разглядалі Беларусь у якасці сваёй неад’емнай часткі.

Савецкі перыяд паспрыў стварэнню беларускім народам сваёй рэспублікі ў складзе СССР, якая пазней набыла незалежнасць. Аднак гэты час характарызаваўся як уздымам беларусізацыі, якая адмаўлялася падчас Расійскай імперыі, так і вынішчэннем нацыянальных асаблівасцей у мэтах хуткага фарміравання новай грамадскай супольнасці «савецкі народ». У выніку шматлікія пласты гісторыі беларускай дзяржаўнасці ігнараваліся і мала даследаваліся, бо з’яўляліся ідэалагічна спрэчнымі.

Безумоўна, сапраўдны вучоны заўсёды будзе шукаць ісціну, вывучаць факталогію, дакументы і рабіць адпаведныя вывады. Прадметам даследавання І. А. Юхо быў перыяд беларускага Сярэднявечча, час, калі беларускія землі першапачаткова ўваходзілі ў склад Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага, а пазней — у склад Рэчы Паспалітай. Традыцыйна ў рускай і савецкай гістарыяграфіі гэты факт разглядаўся як захоп літоўцамі і палякамі рускіх земляў, за вызваленне якіх Маскоўская дзяржава вяла доўгую барацьбу. Польская і літоўская гістарыяграфія традыцыйна акцэнтавала ўвагу на супрацьстаянні маскоўскаму дэспатызму, празмерна напіраючы на дэмакратычны лад як Вялікага Княства Літоўскага, так і Рэчы Паспалітай. У гэтых умовах вылучэнне і абгрунтаванне іншай думкі было б вельмі смелым учынкам.

Іосіф Аляксандравіч пачаў працаваць з дакументамі, вывучаць архіўныя матэрыялы, якія сведчылі аб адваротным. Старабеларускі элемент у гісторыі Вялікага Княства Літоўскага быў дамінуючым, старабеларуская мова з’яўлялася мовай велікакняжацкай канцылярыі, прававыя помнікі, створаныя нашымі продкамі, старанна вывучаліся і выкарыстоўваліся суседзямі. Фактычна нанава адкрылася дзяржаўна-прававая традыцыя,

што існавала паміж Захадам і Усходам. Аналіз прававых помнікаў, сярод якіх меліся старажытныя граматы, прывілеі і асабліва статуты, дазволіў зрабіць вывад аб іх крыніцах і паходжанні. Крыніцай жа з’яўлялася старажытнабеларускае, гэта значыць аўтахтоннае для гэтай зямлі, права, апрацаванае з прыцягненнем найноўшых традыцый юрыдычнай тэхнікі. Нездарма прафесар вылучаў гіпотэзу аб тым, што ў распрацоўцы Статута 1529 г. удзельнічаў Францыск Скарына, які меў ступень доктара права і жыў у той час у Вільні. У выніку былі створаны першыя ў Еўропе кадыфікаваныя акты.

Без сумнення, яскравай з’явай, якая аказала вельмі вялікі ўплыў на развіццё беларускай юрыдычнай гістарычнай навукі, была ініцыятыва І. А. Юхо па падрыхтоўцы юбілейнага выдання Статута 1588 г., прысвечанага 400-годдзю з даты яго прыняцця. Тэкст быў уведзены ў навуковы ўжытак, што дазволіла значна актывізаваць даследаванні на падставе гэтага дакумента. Дарэчы, прафесар вельмі сур’ёзна ставіўся да перавыдання крыніц і дакументаў, якія сведчылі аб своеасабліваасцях беларускай гісторыі.

Адначасова з гісторыяй беларускага права вельмі істотным напрамкам у навуковых інтарэсах Іосіфа Аляксандравіча было даследаванне дзяржаўнасці Беларусі ў межах Вялікага Княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай. Пры гэтым ён абгрунтоўваў думку аб тым, што Вялікае Княства Літоўскае было беларуска-літоўскай дзяржавай і аб’яднанне Жамойці і Русі адбывалася не ў якасці захопу, а як супрацоўніцтва ва ўмовах неяска-пекі варожых нападаў. Вядома, выключнымі па значнасці падзеямі ў беларуска-літоўскай гісторыі былі уніі і ўзаемаадносіны з Польшчай. Іосіф Аляксандравіч лічыў, што гэтыя уніі не парушылі суверэннасці і адасобленасці Вялікага Княства Літоўскага ад Польшчы, што Рэч Паспалітая была канфедэратыўнай дзяржавай, а Канстытуцыя 1791 г. спрыяла замацаванню федэратыўнай дзяржавы. Але ўзаемаадносіны Вялікага Княства Літоўскага з Польшчай і Расіяй былі вельмі складанымі і адлюстроўвалі шматбаковую барацьбу класаў і саслоўяў у дзяржаве. Адны прагнулі «залатой вольнасці» на ўзор польскай шляхты, другія жадалі абмежаваць уладу вялікага князя, іншыя абаранялі праваслаўную веру, знаходзячыся пад уладай гаспадара-каталіка, а нехта імкнуўся да пашырэння і дэманавання каталіцкай царквы. Даследаванне складанага сацыяльнага ладу знайшло сваё адлюстраванне ў змешчанай у гэтым зборніку манаграфіі «Правовое положение населения Белоруссии в XVI в.». Пазначаныя пытанні яшчэ чакаюць сваіх даследчыкаў, якія будуць выкарыстоўваць новыя метады і крыніцы.

Не засталіся без увагі прафесара і палітыка-прававыя погляды, якія ўзніклі на тэрыторыі Беларусі. Дарэчы, канцэпцыя прававой дзяржавы і роўнасці ўсіх перад законам, якая будзе тэарэтычна абгрунтоўвацца ў За-

ходняй Еўропе толькі з XVII ст., векам раней была практычна замацавана ў нарматыўных актах Вялікага Княства Літоўскага, а ідэя выбарнасці суддзяў была рэалізавана ўпершыню нашымі продкамі.

Як вучонага І. А. Юхо адрознівала актыўнае даследаванне пісьмовых і нарматыўных крыніц, а таксама любоў да Бацькаўшчыны. Дзякуючы гэ таму ён праводзіў пэўнае «вяртанне страчанай спадчыны», якую суседзі ўжо лічылі выключна сваёй. Напрыклад, у даследаванні назвы «Літва» прафесар падкрэсліваў нятоеснасць сучаснай Летувы-Жамойці і тагачаснай Літвы-Русі.

Амаль усё сваё жыццё Іосіф Аляксандравіч аддаў Беларускаму дзяржаўнаму ўніверсітэту, які не пакідаў нават калі быў запрошаны на дзяржаўную службу. Ён працаваў дацэнтам, загадчыкам кафедры гісторыі дзяржавы і права, прафесарам, намеснікам дэкана па навуковай працы. Прафесар І. А. Юхо з'яўляўся бліскучым арганізатарам і педагогам, пад яго кіраўніцтвам была створана нацыянальная школа гісторыі дзяржавы і права. Ён падрыхтаваў двух дактароў навук, дзевяць кандыдатаў юрыдычных навук, аднаго кандыдата філасофскіх навук. Пры гэтым амаль любое даследаванне ў галіне гісторыі дзяржавы і права не абходзілася без яго рэальнага кансультавання. Іосіф Аляксандравіч вельмі клапаціўся аб вывучэнні ўласнай гісторыі і заклаў тыя традыцыі, якія і зараз падтрымліваюцца і рэалізуюцца. Праблемы, што падняў прафесар, і зараз з'яўляюцца актуальнымі і чакаюць сваіх удумлівых і сумленных даследчыкаў.

Прафесар І. А. Юхо назаўсёды застанецца ў нашых сэрцах і памяці як выдатны вучоны-эрудыт, просты і дасціпны чалавек, таленавіты даследчык і педагог.

У кнігу ўключаны кароткі нарыс жыцця і дзейнасці І. А. Юхо, манаграфія, якая з'яўляецца бібліяграфічнай рэдкасцю, успаміны вучняў і калег, фотагалерэя, бібліяграфія і звесткі пра навуковую школу прафесара.

Асобна выказваем падзяку ўдаве І. А. Юхо Людміле Аляксандраўне і яго дачцэ Вользе Іосіфаўне, а таксама прафесару кафедры экалагічнага і аграрнага права юрыдычнага факультэта БДУ Т. І. Макаравай за дапамогу ў падборы фотаматэрыялаў.

С. А. Балашэнка,
дэкан юрыдычнага факультэта БДУ,
доктар юрыдычных навук, прафесар

С. А. Калінін,
загадчык кафедры тэорыі і гісторыі
дзяржавы і права юрыдычнага факультэта БДУ,
кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

ЖЫЦЦЁ І ДЗЕЙНАСЦЬ ЮСИФА АЛЯКСАНДРАВІЧА ЮХО

Нарадзіўся Іосіф (Язэп) Аляксандравіч Юхо 19 сакавіка 1921 г. у г. Мінску. Бацька Аляксандр Іосіфавіч працаваў на гарадской концы. Маці Ганна Канстанцінаўна вяла хатнюю гаспадарку. У сям’і былі тры старэйшыя сястры: Гэленя, 1899 года нараджэння, Луцыя, 1905 года нараджэння, якая працавала ў таварыстве «Чырвонага Крыжа», і Марыя, 1908 года нараджэння, што закончыла Мінскі медыцынскі інстытут і працавала ўрачом.

У 1928 г. сямігадовы Іосіф пайшоў у першы клас польскай васьмігадовай школы ў г. Мінску, пасля заканчэння якой працягваў вучобу ў школе № 4.

У 1938 г. Іосіф закончыў сярэдняю агульнаадукацыйную школу і паступіў у Беларускі політэхнічны інстытут. Аднак у 1939 г. пры ўвядзенні ўсеагульнага воінскага абавязку быў прызваны ў Чырвоную армію і пачаў службу ў Горкаўскім вышэйшым ваенным зенітна-артылерыйскім вучылішчы (сучасны Ніжні Ноўгарад), дзе і застала яго вайна. Скарочаны выпуск ваеннага вучылішча ў студзені 1942 г. быў кінуты пад Маскву.

Іосіф Юхо ўдзельнічаў у баях пад Сталінградам, на Паўднёва-Заходнім, Заходнім, 3-м Беларускім франтах, ва Усходняй Прусіі. Некалькі разоў быў цяжка паранены, а таксама аднесены да ліку прапаўшых без вестак.

Вялікім было здзіўленне маці Іосіфа Аляксандравіча, калі ў 1944 г., на другі дзень пасля вызвалення Мінска, раптоўна адчыніліся вароты і на матацыкле ў двор заехаў яе сын, жывы і здаровы. Ён удзельнічаў у вызваленні такіх беларускіх гарадоў, як Гомель, Шклоў, Рэчыцы і інш. У студзені 1946 г. пасля дэмабілізацыі вярнуўся дамоў і паступіў у Мінскі юрыдычны інстытут, які закончыў у 1949 г.

З 1949 па 1951 г. Іосіф Аляксандравіч працаваў народным суддзёй. Але былы студэнт-выдатнік прагнуў да навукі, таму адразу, як выпала магчымасць, у 1952 г. паступіў у аспірантуру Інстытута філасофіі і права АН БССР. Падчас вучобы ў 1954 г. абараніў кандыдацкую дысертацыю на тэму «Устанаўленне Савецкай улады ў Заходняй Беларусі ў 1939 г.» пад кіраўніцтвам члена-карэспандэнта АН БССР С. П. Маргунскага. Гэта дапамагло І. А. Юхо быць размеркаваным у Інстытут філасофіі і права АН БССР, дзе ён працаваў з 1954 па 1956 г. З 1956 г. Іосіф Аляксандравіч перайшоў працаваць на юрыдычны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, дзе як былы суддзя быў прызначаны на пасаду дацэнта кафедры грамадзянскага і грамадзянска-працэсуальнага права (1956—1961).

Канец 1950-х гг. адзначаўся тэндэнцыяй да шырокай кадэфікацыі савецкага заканадаўства. Праводзіліся навуковыя канферэнцыі, ствараліся рабочыя групы, веды навукоўцаў былі запатрабаваны ў праватворчай дзейнасці. Таму І. А. Юхо як прызнанага вучонага і спецыяліста-практыка накіравалі на працу ва ўрад рэспублікі, дзе з 1961 па 1964 г. ён працаваў намеснікам старшыні юрыдычнай камісіі пры Савеце Міністраў Беларускай ССР, прымаючы ўдзел у распрацоўцы Грамадзянскага і Грамадзянска-працэсуальнага кодэксаў БССР. Але выкладчыцкая дзейнасць не была пакінута: з 1963 г. Іосіф Аляксандравіч пачынае чытаць курс «Гісторыя дзяржавы і права Беларусі», які значна пазней прынясе яму славу пачынальніка нацыянальнай гісторыка-прававой школы Беларусі.

Пасля заканчэння кадэфікацыі былы намеснік старшыні юрыдычнай камісіі зноў вярнуўся ў 1965 г. да любімага занятку — выкладання ў БДУ, але ўжо на кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права. Працаваў загадчыкам кафедры гісторыі дзяржавы і права (1967—1974), намеснікам дэкана юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (1974—1982), прафесарам кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права БДУ (1980—2004).

Навуковая цікаўнасць да эпохі беларускага Сярэднявечча прывяла да абароны ў Кіеўскім дзяржаўным універсітэце ў 1980 г. доктарскай дысертацыі на тэму «Грамадска-палітычны лад і права Беларусі ў XVI ст.». У снежні 1983 г. Іосіфу Аляксандравічу было прысвоена вучонае званне прафесара.

Адным з найбольш значных дасягненняў прафесара, якое на доўгі час вызначыла напрамку беларускай гісторыка-прававой школы, стала ініцыятыва выдання поўнага каменціраванага тэксту Статута 1588 г. У далейшым І. А. Юхо вельмі дбаў пра перавыданне першакрыніц беларускага права, у тым ліку Статута 1566 г., які і быў перадрукаваны ў 2003 г.

Вялікі аўтарытэт І. А. Юхо быў прызнаны і ў працэсе працы ў складзе Канстытуцыйнай камісіі па падрыхтоўцы праекта Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь 1994 г.

Адным з галоўных навукова-педагагічных дасягненняў І. А. Юхо стала распрацоўка новага навуковага і навучальнага напрамку ў беларускай навуцы — гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Прафесар даследаваў паходжанне назваў «Беларусь», «Белая Русь», «Літва»; высветліў і даказаў, што Статуты Вялікага Княства Літоўскага 1529, 1566, 1588 гг., а таксама агульназемскія, абласныя і валасныя граматы мелі сваёй галоўнай крыніцай беларускае старажытнае права; даказаў, што гэтыя статуты з’яўляліся першымі ў Еўропе зводамі законаў (а не кодэксамі), створанымі на аснове мясцовага беларускага звычаёвага і пісанага права; правёў даследаванне прававых і палітычных поглядаў Францыска Скарыны і высветліў, што ён зрабіў значны ўплыў на распрацоўку Статута 1529 г.; даследаваў гісторыю паходжання дзяржаў на тэрыторыі Беларусі і Вялікага Княства Літоўскага і даказаў, што Крэўская 1385 г., Віленска-Радамская 1401 г., Гарadzельская 1413 г. і нават Люблінская 1569 г. уніі Вялікага Княства Літоўскага з Польшчай не прывялі да ліквідацыі Вялікага Княства Літоўскага і не парушылі яго адасобленасці і суверэннасці; абгрунтаваў сцвярджэнне, што Рэч Паспалітая была канфедэратыўнай дзяржавай, у склад якой уваходзілі дзве суверэнныя дзяржавы — Вялікае Княства Літоўскае і Польшча, а пасля прыняцця Канстытуцыі 1791 г. Рэч Паспалітая павінна была пераўтварыцца ў федэратыўную дзяржаву. Акрамя таго, Юсіф Аляксандравіч даследаваў паўстанне 1794 г. пад кіраўніцтвам Тадэвуша Касцюшкі, яго беларускае паходжанне і ўдзел у барацьбе паміж Злучанымі Штатамі Амерыкі і Англіяй.

І. А. Юхо — лаўрэат прэміі імя У. І. Пічэты, узнагароджаны ордэнамі Чырвонай Зоркі, Айчыннай вайны I ступені, дзевяццю медалямі. Ён з’яўляецца аўтарам больш за дзвесце навуковых прац, у якіх адлюстроўваецца гісторыя беларускай дзяржаўнасці ад самых вытокаў да сучаснасці. Прафесар І. А. Юхо падрыхтаваў двух дактароў юрыдычных навук, дзевяць кандыдатаў юрыдычных навук, аднаго кандыдата філасофскіх навук.

С. А. Балашэнка,
дэкан юрыдычнага факультэта БДУ,
доктар юрыдычных навук, прафесар

Л. Л. Голубева,
дацэнт кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права
юрыдычнага факультэта БДУ,
кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

Т. І. Доўнар,
прафесар кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права
юрыдычнага факультэта БДУ,
доктар юрыдычных навук, прафесар

С. А. Калінін,
загадчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права
юрыдычнага факультэта БДУ,
кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

УСПАМІНЫ ПРА ІОСІФА АЛЯКСАНДРАВІЧА ЮХО

ВЯЛІКІ НАСТАЎНІК

С. Ф. Сокал,

заснавальнік, старшыня Апякунскага
каардынацыйнага савета БІП —
Беларускага інстытута правазнаўства,
доктар юрыдычных навук, прафесар

Успамінаючы пра Язэпа Аляксандравіча Юхо, хочацца выказаць не толькі асабістыя ўражанні аб гэтым чалавеку, але і думкі пра яго пазітыўны ўплыў на лёсы, светапогляды многіх людзей: і тых, якія з яго благаслаўлення атрымалі званне навукоўцаў, і тых, хто сталі практыкуючымі юрыстамі.

Мае асабістыя адносіны да Язэпа Аляксандравіча складваліся пад уплывам студэнцкай навукі. Дзесці з трэцяга курса я папрасіўся ў яго навуковы гурток па гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Язэп Аляксандравіч яшчэ чытаў курс грамадзянскага працэсу. Ужо сёння, маючы ўласны вопыт, я захапляюся майстэрствам прафесара спалучаць першасную прававую матэрыю з агульначалавечымі каштоўнасцямі, будзіць у маладых юрыстаў цягу да ведаў. Але ўсё ж найбольш характэрнай яго асаблівасцю як вучонага была старанная, мэтанакіраваная праца над праблемамі гісторыі беларускай юрыспрудэнцыі. А ў сярэдзіне 1960-х гг. навуковыя веды і здабыткі ў гэтай галіне былі вельмі нязначнымі. Менавіта Язэп Аляксандравіч асабіста і разам са сваімі вучнямі зрушыў з месца і давёў да шырокай грамадскасці многія пласты беларускай гісторыі. У ліку яго вучняў і паслядоўнікаў апынуўся і я.

Пад кіраўніцтвам прафесара ў 1967 г. я напісаў і абараніў дыпломную работу, прысвечаную палітыка-прававым поглядам Ф. Скарыны і С. Буднага. Па яго ініцыятыве была арганізавана сустрэча з кіраўніцтвам Інстытута філасофіі і права АН БССР, вынікам якой было запра-

шэнне да паступлення ў аспірантуру. На падставе гэтага вучоны савет юрыдычнага факультэта БДУ рэкамендаваў мяне ў аспірантуру, праўда, на завочную форму навучання і ў сектар гісторыі філасофіі. Гэта не зусім супадала з маімі жаданнямі. Я пачаў працаваць памочнікам пракурора Чэрыкаўскага раёна Магілёўскай вобласці. І адразу ж выявілася амаль што поўная адсутнасць літаратуры па маёй тэме ў раённай і абласной бібліятэках.

І ўсё ж я ўдзячны лёсу і Богу за тое, што не адразу пасля студэнцкай лавы трапіў на стацыянарнае навучанне ў аспірантуру, бо менавіта гэты факт паспрыяў атрымання мною шматбаковай практычнай юрыдычнай падрыхтоўкі. Штат раённай пракуратуры быў невялікі: пракурор, памочнік пракурора, следчы і я. А паколькі следчым у нашай пракуратуры была жанчына, якая знаходзілася ў дэкрэтным водпуску, то практычна ўсю работу ў пракуратуры забяспечвалі мы ўдваіх з пракурорам. Але з пазіцыяй маёй аспіранцка-навуковай дзейнасці гэта было не зусім тое, што трэба. Праўда, за гады вучобы на завочнай форме аспірантуры (2,5 года) я здаў кандыдацкі мінімум, але праца над тэкстам дысертацыі не рухалася. Нават сама тэма даследавання насіла вельмі ўмоўны характар, толькі значна пазней яна была вызначана як «Сацыялагічная і палітычная думка Беларусі ў XVI ст.». І зноў дзякуючы Язэпу Аляксандравічу сітуацыя вырашылася ў пажаданым напрамку. Пасля здачы кандыдацкіх экзаменаў ён стаў актыўна хадайнічаць перад кіраўніцтвам аб пераводзе мяне на стацыянарнае навучанне, што адбылося ў пачатку сакавіка 1970 г. Гэты факт паклаў пачатак новаму этапу супрацоўніцтва з Язэпам Аляксандравічам і выклікаў незвычайныя падзеі, што паўплывалі на мой лёс.

Я ўжо казаў, што дзякуючы выпадковасцям, а можа Божаю промыслу, я стаў аспірантам сектара гісторыі філасофіі, што вызначыла напрамак маёй навуковай дзейнасці. Я не хачу прынізіць заслугі сектара тэорыі і гісторыі права, які займаўся распрацоўкамі па гісторыі савецкага перыяду Беларусі, але ж творчы пошук у гэтым плане быў у многім абумоўлены палітыкай партыі. Пры гэтым сам склад сектара, яго метадалагічна-ідэалагічная скаванасць не садзейнічалі б рэалізацыі маіх навуковых інтарэсаў і каштоўнасцей. Загадчык сектара Сцяпан Парфёнавіч Маргунскі, член-карэспандэнт Акадэміі навук БССР, доктар юрыдычных навук, меў пэўныя негатыўныя адносіны да распрацоўкі дасавецкай гісторыка-прававой праблематыкі. Я не жадаю чымсьці абразіць памяць Сцяпана Парфёнавіча, з якім у мяне былі добрыя чалавечыя адносіны і пад кіраўніцтвам якога былі праведзены важныя і неабходныя для Беларусі даследаванні («История государ-

ства и права БССР» у 2 тамах). Але ў асабістых размовах ён нярэдка выказваўся: «Навошта табе займацца такой праблематыкай? Дарэвалюцыйную гісторыю Беларусі тварылі толькі папы, ксяндзы, панскі гнёт і бот».

Сектар жа гісторыі філасофіі веў распрацоўкі менавіта па дарэвалюцыйным перыядзе Беларусі, шукаў і працаваў над малавядомымі крыніцамі, рабіў пераклады з польскай, лацінскай моў і, вядома ж, вывучаў беларускамоўныя і царкоўна-славянскія крыніцы. Важна было выпрацаваць новыя метадалагічныя падыходы, якія б дазволілі паказаць прагрэсіўныя тэндэнцыі і зрухі, што адбываліся на Беларусі перш за ўсё з пазіцый духоўных, нацыянальна-беларускіх каштоўнасцей. Супрацоўнікамі сектара быў выдадзены шэраг, як цяпер кажуць, эксклюзіўных манаграфій. З таго складу сектара, у якім пэўны час я працаваў, многія навукоўцы пазней сталі дактарамі філасофскіх навук (А. С. Майхровіч, У. М. Конан, С. А. Падокшын, Э. К. Дарашэвіч). Найбольш бліжэй да мяне па навуковых інтарэсах быў С. А. Падокшын, мой пазнейшы сааўтар. Адзначу, што Язэп Аляксандравіч адпавядаў духоўным настройам навуковага асяроддзя, дзе ён часта бываў, дзяліўся думкамі і разважаньнямі. Прафесар любіў слухаць іншых, радаваўся новым знаходкам і цікавым думкам аб поспехах беларускай культуры ў тым ці іншым стагоддзі.

Незвычайны момант меў месца падчас прызначэння Язэпа Аляксандравіча маім навуковым кіраўніком, бо я рыхтаваў дысертацыю па праблемах гісторыі філасофіі, а Юхо быў кандыдатам юрыдычных навук. Такая сітуацыя была выключнай рэдкасцю і сведчыла аб вельмі высокім аўтарытэце кіраўніка ў навуковых кругах. Неяк пазней хтосьці з маіх калег-навукоўцаў вельмі прыгожа сказаў, што ў працэсе прызначэння Язэпа Аляксандравіча маім навуковым кіраўніком ўлічвалася не толькі тое, што менавіта ён прывёў мяне ў навуку, але і вера ў тое, што толькі ён здолее стварыць умовы, каб яго аспірант з юрыдычнай адукацыяй авалодаў ведамі ў галіне філасофіі, развіваў сябе на стыку гісторыі філасофіі, сацыялогіі і права і выйшаў на арганізацыю даследаванняў па гісторыі палітыка-прававой думкі Беларусі. Больш таго, вельмі прыемна было адзначыць, што не толькі ў маю свядомасць, а і ў свядомасць іншых навукоўцаў, з якімі быў звязаны мой асабісты лёс, Бог уклаў такія думкі. Гэта сапраўдная ісціна. Я і сёння і заўжды бязмерна ўдзячны Язэпу Аляксандравічу за тое, што менавіта ён прывёў мяне на гэты навуковы шлях, якому радуся, служу і ганаруся.

Мнагапланавая, творчая і канструктыўная складвалася мае адносіны з Язэпам Аляксандравічам і ў працэсе падрыхтоўкі маёй дысертацыі. Тут таксама было нямала складанасцей. З цяжкасцю ішло вызначэнне самой тэмы. Яшчэ больш складаным было пытанне па структуры, змесце дысертацыі. Як кажуць па-руску, «поле было совсем непаханаваны», і змест працы залежаў ад таго, якія крыніцы будуць прааналізаваны. Не ведаў многіх з іх і Язэп Аляксандравіч, але ён падказаў шляхі пошуку матэрыялу. Так я стаў даследаваць погляды Радзівілаў, Яўстафія Валовіча, асабліва плённа — погляды Льва Сапегі, якія, па сутнасці, уводзіліся ў навуковы ўжытак упершыню. Даследаванне матэрыялу паказала, што гэта былі даволі адукаваныя і прагрэсіўныя для свайго часу людзі, якія садзейнічалі распаўсюджванню новых ідэй і плыняў, падтрымлівалі навуку і адукацыю, разумелі неабходнасць рэформ, кадэфікацыі, падрыхтоўкі і прыняцця зводаў законаў — статутаў Вялікага Княства Літоўскага. Гэта ў пэўнай ступені прычыла савецкім уяўленням аб усіх магнатах як цемрашальніках і прыгнятальніках. Праўда, былі і такія, што стаялі на рэакцыйных, шляхецка-эгаістычных пазіцыях. Але грэх было не заўважыць і абыходзіць тых, чые дзейнасць і думкі былі арыентаваны на прагрэсіўныя шляхі развіцця беларускага грамадства. Гэта сапраўды гістарычны падыход, пошук, метады, якога трымаўся і сам Язэп Аляксандравіч.

Не магу не сказаць і яшчэ аб адной плённай ідэі, якую выказаў мне Язэп Аляксандравіч: аб тым, што ў навуковых распрацоўках па гісторыі права трэба аналізаваць і выяўляць узаемадзеянні ідэйных рухаў і норм пазітыўнага права. Кіруючыся гэтай думкай і ў дысертацыі, і ў сваіх публікацыях, я засяродзіў увагу на адлюстраванні ідэй еўрапейскага гуманізму, Рэфармацыі ў прававых актах Вялікага Княства Літоўскага ў XVI ст.

Пастаянная творчая падтрымка Язэпа Аляксандравіча дала свой плён. У вызначаных тэрміны я закончыў работу над дысертацыяй, якую абараніў у сакавіку 1972 г., а ў канцы чэрвеня 1972 г. ВАК СССР зацвердзіў мяне ў званні кандыдата філасофскіх навук.

Творчыя і сяброўскія адносіны з Язэпам Аляксандравічам працягваліся ў мяне і ва ўсе наступныя гады. Праўда, з рознай інтэнсіўнасцю і ў розных формах. З 1973 па 1981 г. я выкладаў філасофію ў ВДУ Мінска і пяць гадоў працаваў у Міністэрстве вышэйшай і сярэдняй спецыяльнай адукацыі БССР. У гэты перыяд у мяне з’явіліся публікацыі палітычнага зместу, што і зараз уваходзіць у прадмет маіх навуковых інтэрэсаў, бо тэорыя палітыкі, тэорыя і гісторыя права маюць нямала агульных праблем. У гэтым сэнсе першы напрамак маёй дзейнасці як быццам падмацоўваецца другім і наадварот.

З Язэпам Аляксандравічам мяне звязвалі шчырыя сяброўскія адносіны. Мы абмяркоўвалі самыя шырокія грамадскія, палітычныя, эканамічныя і асветніцкія праблемы. Я падтрымліваў прафесара ў яго захапленнях Л. М. Талстым, хоць сам заўзятым таўстоўцам не стаў — нашы погляды ў гэтам напрамку не заўсёды супадалі. Мяне ў пэўнай ступені засмучае ўспамін, што дзесьці ў 2000 г. Язэп Аляксандравіч прапанаваў мне стварыць у Мінску музей Л. М. Талстога. Практычна я мог бы рэалізаваць гэту ідэю. Але іншыя злабадзённыя пытанні, звязаныя са станаўленнем Беларускага інстытута правазнаўства, не далі мне магчымасці яе падтрымаць. Язэп Аляксандравіч не ўмеў і не любіў навязвацца, хоць меў маральнае права настаць на сваім. Пры тым, што мы неаднаразова ўспаміналі філасофскі тэзіс, што для добрай справы трэба заўсёды знайсці час і сілы.

У жніўні 1981 г. я вярнуўся ў Інстытут філасофіі і права ў якасці старэйшага навуковага супрацоўніка аддзела тэорыі і гісторыі права, дзе побач з планавымі навуковымі распрацоўкамі, працягваў даследаваць пытанні развіцця палітыка-прававой думкі Беларусі XVI—XVII стст. Гэта зноў актывізавала мае кантакты з Язэпам Аляксандравічам. У канцы мая 1985 г. мая доктарская дысертацыя была рэкамендавана да абароны. Але афіцыйная яе абарона адбылася, калі я ўжо працаваў дэканам факультэта правазнаўства Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта. У Беларусі ў той час не было адпаведнага доктарскага савета, і я паспяхова абараніўся ў спецыялізаваным савеце пры Інстытуце дзяржавы і права АН Украіны.

З Язэпам Аляксандравіча мяне звязвае ўдзел у сумесных навуковых распрацоўках. Ён запрасіў мяне да працы над выданнем энцыклапедычнага даведніка «Францыск Скарына і яго час». Яшчэ больш істотным быў мой удзел у рэалізацыі задумкі прафесара аб выданні ў Беларусі Статута Вялікага Княства Літоўскага 1588 г. на мове арыгіналу (старабеларускай), беларускай і рускай з каментарыямі. Гэту ідэю Язэп Аляксандравіч выказаў мне яшчэ дзесьці ў 1985 г. і вельмі хацеў, каб выданне з'явілася на свет ў 1988 г. у знак святкавання 400-годдзя беларускай прававой святыні. Але так здарылася, што Статут быў апублікаваны ў 1989 г., што трохі засмучала Язэпа Аляксандравіча, але ў цэлым ён быў рады гэтаму выданню.

І ў наступныя гады ад Язэпа Аляксандравіча паступала нямала прапаноў і ідэй аб распрацоўцы праблем гісторыі права, палітыка-прававой думкі. На жаль, далёка не ўсе яны былі рэалізаваны. Тое нешматлікае, што ўдалося ажыццявіць, гэта невялічкая кніжка «Істория юридической науки Беларуси» (2000), якая магла быць значна большых памераў. Мы гэта добра разумелі. Але на большае не хапіла

часу і сіл. Думаю, што ў бліжэйшыя гады гэты прабел неабходна ліквідаваць нам, яго вучням.

Я ўдзячны Язэпу Аляксандравічу за яго працу з моманту заснавання і да сваёй смерці ў Беларускам інстытуце правазнаўства, заснавальнікам якога я стаў у 1990 г. Як прафесар кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права гэты чалавек уносіў у яе работу шмат новага і цікавага, у сааўтарстве з іншымі выкладчыкамі (у тым ліку з загадчыкам кафедры Л. К. Сокал) падрыхтаваў і выдаў некалькі прац па гісторыі дзяржавы і права. Яго заўсёды ўважліва слухалі, любілі і цанілі студэнты нашага інстытута.

У цэлым я вельмі ўдзячны лёсу, што ён звёў мяне з такім незвычайным чалавекам, які стаў не толькі маім настаўнікам, а нават вельмі істотнай часцінкай маёй уласнай чалавечай гісторыі. Жыццё і дзейнасць Язэпа Аляксандравіча Юхо — прыклад любові да Бацькаўшчыны, яе народа і гісторыі, адданасці прынцыпам агульначалавечай, хрысціянскай маралі, веры ў тыя каштоўнасці, якія з'яўляюцца здабыткам нашых продкаў.

**ПРАФЕСАР І. А. ЮХО — УДЗЕЛЬНІК
КАНСТЫТУЦЫЙНАГА ПРАЦЭСУ**

Р. А. Васілевіч,

Генеральны пракурор Рэспублікі Беларусь,
доктар юрыдычных навук, прафесар,
заслужаны юрыст Рэспублікі Беларусь

Профессор И. А. Юхо — выдающийся белорусский ученый, труды которого по вопросам развития и становления государства и права Беларуси не только восполняли пробелы исторической науки, но и оказывали непосредственное влияние на развитие современного белорусского права, в том числе конституционного.

Прежде всего хочу отметить роль профессора И. А. Юхо в формировании состава Конституционной комиссии, которая была создана Верховным Советом БССР 12-го созыва 1990 г. (как известно, БССР была переименована в Республику Беларусь 19 сентября 1991 г.), а также рабочей группы по подготовке проекта новой Конституции Беларуси.

Верховный Совет Республики Беларусь принял решение об образовании Конституционной комиссии 22 июня 1990 г., а ее состав был определен 20 июля 1990 г.

Автору этих строк с 1986 по 1989 г. довелось работать в юридическом отделе аппарата Верховного Совета, при этом с октября 1989 г. — возглавлять этот отдел уже образованного Секретариата Верховного Совета. Председателем Верховного Совета было поручено внести предложения по формированию упомянутых выше органов, которые бы занимались подготовкой новой Конституции. Буквально через несколько дней после принятия Верховным Советом 22 июня 1990 г. решения о создании Конституционной комиссии в Доме Правительства, где тогда размещался Верховный Совет, состоялась встреча с уважаемым профессором И. А. Юхо, на которой определили предложения по кандидатурам юристов в состав Конституционной комиссии. Отличительной особенностью созданной в 1990 г. Конституционной комиссии было то, что изначально предполагалось включить в нее как депутатов, так и иных лиц. В итоге в комиссию вошел 61 народный депутат БССР, а также ученые в области права и другие специалисты в количестве 13 человек. Перечислим всех представителей поименно: В. А. Боровцов — заведующий юридическим отделом Управления Делами Совета Министров БССР; Г. А. Василевич — заведующий отделом по вопросам законодательства и правопорядка Секретариата Верховного Совета БССР; В. Н. Годунов — декан юридического факультета Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина, кандидат юридических наук; С. Г. Дробязко — профессор кафедры теории и истории государства и права Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина, доктор юридических наук; Н. А. Кудинов — начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Минской высшей школы МВД СССР, профессор; С. Ф. Сокол — декан факультета правоведения Гродненского государственного университета, доктор юридических наук; Г. С. Тарнавский — Прокурор БССР; В. Г. Тихиня — Министр юстиции БССР; В. Ф. Чигир — заведующий кафедрой гражданского и семейного права Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина, профессор, доктор юридических наук; М. Ф. Чудаков — доцент кафедры государственного права и советского строительства Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина, кандидат юридических наук; В. И. Шабайлов — заведующий отделом государственного права и управления Института философии и права Академии наук БССР, член-корреспондент Академии наук БССР, доктор юридических наук; И. А. Юхо — профессор кафедры теории и истории государства и права Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина, доктор юридических наук. В. И. Гончарик был включен в состав комиссии как председатель Белорусского республиканско-

го совета профессиональных союзов. Несколько юристов было и среди народных депутатов Республики Беларусь — Д. П. Булахов, В. И. Гончар, М. И. Гриб, Л. П. Козик, В. А. Пискарев.

В выборе указанных лиц со стороны профессора И. А. Юхо была оказана неопределимая помощь: ведь он хорошо знал тех, кто склонен к такой работе, может конструктивно взаимодействовать с иными субъектами этого важного законотворческого процесса при подготовке и обсуждении текста новой Конституции, пользуется авторитетом среди своих коллег по юридическому «цеху». К сожалению, в состав Конституционной комиссии в силу его ограниченности не смогли войти и многие другие известные в Беларуси специалисты в области права. Однако те, кто все же попал в ее состав, в рамках Конституционной комиссии подготовили добротный текст новой Конституции. Многие юристы из состава указанной комиссии были включены в рабочую группу, которая уже непосредственно готовила новую Конституцию и по мере этой подготовки представляла ее в Конституционную комиссию для последующего рассмотрения и возможного одобрения.

Поэтому лица, которым посчастливилось оставить свой след в истории развития национального конституционного права, в значительной степени могут быть благодарны уважаемому профессору И. А. Юхо.

В. А. Боровцов, Г. А. Василевич, С. Г. Дробязко, М. Ф. Чудаков, В. И. Шабайлов, И. А. Юхо, а в составе рабочей группы — С. Е. Левшунов, В. А. Кучинский — вот те юристы, которые наиболее активно работали над текстом, что называется занимались «черновой» работой — анализировали международные документы, касающиеся прав и свобод человека, тексты действующих конституций стран с давними демократическими традициями, а также проекты готовящихся конституций государств молодой демократии, в том числе появившихся на просторах бывшего СССР, «шлифовали» формулировки.

Именно эти лица с участием нескольких депутатов (В. Ф. Голубева, Е. М. Глушкевича) в 1991—1994 гг. на одну-две недели периодически выезжали в резиденцию «Заславль», где с отрывом от своей непосредственной деятельности занимались доработкой проекта.

В большинстве таких выездов принимал участие и И. А. Юхо. Ему принадлежит значительная роль в консолидации позиций, нахождении приемлемых формулировок. Спокойный тон и мудрые доводы позволяли порой выйти из сложных ситуаций: ведь нередко разработчики заходили в тупик и по причинам не только правового, но и политического характера. В течение 1990—1991 гг. «рушился» Советский Союз, было много споров относительно политической системы, формы правления, экономической основы, местного самоуправления.

Профессор И. А. Юхо принимал активное участие в работе над текстом Конституции. Показательно его влияние на содержание ее преамбулы, той части Основного Закона, которой порой мы уделяем меньше внимания. Но теперь, со временем, полагаю, мы все больше понимаем, что преамбула Конституции имеет такое же нормативное содержание (обязательную юридическую силу), что и ее основная часть или переходные положения, ведь преамбула — это часть Конституции, в которой отражается исторический путь государства и определяется вектор его развития.

С учетом имеющихся у меня вариантов проектов Конституции упоминание в преамбуле статутах ВКЛ и уставных грамот БНР сохранилось с момента их включения в проект по состоянию на 30 сентября 1991 г. и до 1993 г. (в проекте по состоянию на 04.05.1993 г. эти позиции еще были). В проекте от 06.07.1993 г. ссылки на указанные документы были изъяты, как впрочем, и на Декларацию о государственном суверенитете.

Именно профессор И. А. Юхо разъяснял и членам рабочей группы, и членам Конституционной комиссии значимость упоминания этих важных исторических документов в преамбуле Конституции.

Конечно, для начала 1990-х гг., когда только набирали обороты свобода слова и право на получение альтернативной информации, с представлениями многих граждан, в том числе и ряда народных депутатов, диссонировали положения преамбулы, где речь шла о статутах Великого Княжества Литовского, Русского, Жемойтского, Уставных грамотах Белорусской Народной Республики. Сегодня среди историков, юристов, других исследователей практически нет отрицания огромной роли статутах ВКЛ для развития правовой мысли не только на белорусских землях, но и в Европе в целом.

Однако со временем, полагаем, все больше можно убеждаться в правильности предложений профессора И. А. Юхо и тех, кто его поддерживал, по включению в преамбулу Конституции указания на статуты Великого Княжества Литовского, отдельные из которых применялись на белорусских землях более 200 лет и представляли для своего времени шедевры правовой мысли.

Авторитет профессора И. А. Юхо среди своих коллег был очень высок. Для нас, студентов, которым он читал свои лекции по истории государства и права БССР, профессор был интересен и как человек, и как педагог, обладавший обильной и интересной информацией, способный рассказать об истории белорусского города или иного населенного пункта, обращаясь к фамилии того или иного человека. Большой интерес представляют факты его практической работы в качестве за-

местителя председателя юридической комиссии при Совете Министров. Все это создавало ореол особенного преподавателя (профессора) на юридическом факультете. Будучи заместителем декана юридического факультета БГУ, уважаемый профессор И. А. Юхо, который курировал работу вечернего отделения, сыграл важную роль и в моей судьбе. Учебу на вечернем отделении я совмещал с работой, но относился к учебе ответственно; к госэкзаменам удалось подойти, претендую на диплом с отличием. Но... на экзамене по научному коммунизму получил четыре (не смог рассказать, что опубликовано в вышедших в день экзамена газетах). Безусловно, было огорчение. Но именно профессор И. А. Юхо перед выдачей диплома по-человечески мне посочувствовал и сориентировал поступать в очную аспирантуру БГУ, что и было сделано. Для меня Иосиф Александрович так навсегда и остался педагогом и просто мудрым человеком, с которым можно было посоветоваться по многим вопросам.

17 октября 1991 г. уважаемый Иосиф Александрович подарил мне прекрасную книгу, содержащую богатую информацию о правовом наследии белорусского народа эпохи феодализма «Крыніцы беларуска-літоўскага права». В ней освещены очень важные аспекты: роль и значение грамот, статутов, государственное и военное право, судебная власть, гражданское и семейное право, уголовное право, источники права в XVII—XVIII вв.

В 2001 г. вышла совместная книга И. А. Юхо, Т. И. Довнар и автора этих воспоминаний, посвященная истории конституционного права Беларуси. Инициатором ее издания был профессор Иосиф Александрович. В работе раскрыты основные этапы развития конституционного права Беларуси, начиная с грамот XIV—XV вв., статутов ВКЛ, советских конституций и заканчивая Конституцией 1994 г.

Знакомство с текстами этих документов позволяет студентам, преподавателям, научным работникам судить о том, как развивались право, идеология, взаимоотношения власть имеющих и простых людей, представить целостную картину правового развития белорусской государственности.

Конечно, о таком выдающемся ученом и прекрасном человеке, как профессор Иосиф Александрович Юхо, можно говорить очень долго. Уверен, что коллеги, которые чаще встречались с ним по работе и вне ее, могут еще больше рассказать об этом человеке. Но несомненно одно: в памяти любого, кто хоть немного знал Иосифа Александровича, он навсегда останется неординарной личностью, человеком, внесшим значительный вклад в историю белорусского государства.

ПРЫКЛАД СЛУЖЭННЯ НАВУЦЫ, ПРАВУ І АЙЧЫНЕ**Т. І. Доўнар,**прафесар кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права юрыдычнага факультэта БДУ,
доктар юрыдычных навук, прафесар

Калі я паступіла вучыцца на юрыдычны факультэт БДУ, мне пашчасціла слухаць лекцыі выдатнейшых выкладчыкаў, аднак асаблівы ўплыў на многіх студэнтаў аказвалі лекцыі прафесара Іосіфа Аляксандравіча Юхо, які з 1963 г. першым на юрыдычным факультэце пачаў выкладаць гісторыю дзяржавы і права Беларусі. Іосіф Аляксандравіч належаў да пакалення выкладчыкаў, якія самааддана абаранялі Айчыну, а пасля вайны бескарысліва, у поўную сілу працавалі на ніве падрыхтоўкі прафесійных юрыстаў.

Іосіф Аляксандравіч з'яўляўся выдатным, таленавітым педагогам, які любіў і паважаў моладзь. Ён выхаваў не адно пакаленне студэнтаў у дусе добра і справядлівасці і імкнуўся абудзіць у кожным з іх самастойнасць мыслення, актыўную жыццёвую пазіцыю, любоў да роднай Беларусі. Патрабавальнасць і прынцыповасць сумяшчаліся ў ім з клопатамі аб кожным студэнце. Іосіф Аляксандравіч унёс значны ўклад не толькі ў падрыхтоўку шматлікіх юрыстаў — прафесіяналаў сваёй справы, але прыкладваў значныя намаганні, каб яны сталі сапраўднымі патрыётамі сваёй Айчыны. Патрэбна падкрэсліць, што ён сам быў бязмежна адданым сынам роднай Беларусі.

На лекцыях і семінарах прафесар выказваў і абгрунтоўваў уласныя думкі па праблемных пытаннях айчынай гісторыі, часам такія, што супярэчылі афіцыйным поглядам савецкай гістарычнай навукі. Гэта служыла падставай для асаблівай зацікаўленасці студэнтаў і захвочвання іх да навуковых даследаванняў. Да таго ж, ён не баяўся выйсці за межы свайго прадмета. Так, асабістай зацікаўленасцю Іосіфа Аляксандравіча (яго хобі) было даследаванне творчай і грамадскай дзейнасці вялікага рускага пісьменніка Л. М. Талстога. Частку асабістай бібліятэкі прафесара складаў амаль што самы значны ў рэспубліцы збор кніг Льва Талстога (у тым ліку няпоўнае 90-томнае выданне), а таксама кніг, прысвечаных творчасці і грамадскай дзейнасці пісьменніка. Пошукам такіх выданняў і камплектаваннем уласнай бібліятэкі Іосіф Аляксандравіч займаўся на працягу амаль што ўсяго жыцця. Не шкадуючы сіл і часу, у асяроддзі выкладчыкаў і студэнтаў, у любой аўдыторыі прафесар актыўна прапагандаваў творчасць Льва Талстога і яго неўміручую ідэю аб непраціўленні злу насіллем.

Дзякуючы Іосіфу Аляксандравічу, я таксама стала выкладчыкам юрыдычнага факультэта. Шмат чаму навучылася ў яго, у тым ліку памяркоўнай, добразычлівай манеры абыходжання са студэнтамі, цярылі-васці і стрыманасці. Колькі я памятаю Іосіфа Аляксандравіча, не магу ўзгадаць ні аднаго выпадку непавагі да студэнтаў ці калег па працы і падначаленых (некалькі гадоў ён працаваў намеснікам дэкана па навуковай рабоце). Прафесар заўсёды быў ветлівым, простым у абыходжанні, спагадлівым чалавекам. Будучы вельмі сціплым, ён шчодро дзяліўся сваім вопытам педагога, лектара, даследчыка. І сёння я вельмі ўдзячна гэтаму чалавеку за набытыя веды, дабрыню і цеплыню душы.

Іосіф Аляксандравіч унёс вялікі ўклад у развіццё беларускай гісторыка-прававой навукі. У сваіх працах ён выказваў і абгрунтоўваў цікавыя думкі, уласныя меркаванні па праблемных пытаннях айчынай гісторыі. Так, прафесарам упершыню была выказана думка аб непасрэдным удзеле вялікага беларускага гуманіста і мысліцеля Ф. Скарыны ў падрыхтоўцы знакамітага зводу законаў — Статута 1529 г. Навуковыя працы Іосіфа Аляксандравіча былі прысвечаны самым розным і вельмі актуальным праблемам гісторыі дзяржавы і права Беларусі — паходжанню назвы «Беларусь», помнікам айчыннага права, прававому становішчу насельніцтва, уніям Вялікага Княства Літоўскага з Польшчай, уплыву Польшчы і Расіі на гісторыю беларускага народа, прававым поглядам беларускіх мысліцеляў, значэнню гісторыка-прававой навукі і інш. Ён выказаў уласныя пазіцыі па праблеме фарміравання тэрыторыі Беларусі, абгрунтаваў тэзіс аб значна больш старажытным паходжанні беларускай дзяржаўнасці, чым было афіцыйна вызначана ў савецкай гістарычнай навуцы, аб пераважна беларускім этнічным характары Вялікага Княства Літоўскага і г. д. Некалькі навуковых прац прафесар прысвяціў выдатнаму дзеячу нацыянальна-вызваленчага руху XVIII ст. Тадэвушу Касцюшку, які пакінуў значны след у палітычным жыцці шэрагу іншаземных дзяржаў. Іосіф Аляксандравіч не баяўся крытыкаваць недахопы папярэдняй савецкай сістэмы і тых асоб, якія тармазілі прагрэсіўнае развіццё дзяржаўнасці, аднак выступаў супраць агульнага ахайвання мінулага.

Іосіф Аляксандравіч быў лідэрам у адносінах да ўсіх пытанняў, якія датычыліся Беларусі і яе гісторыі. Так, ён стаў ініцыятарам выдання першага на беларускай мове юрыдычнага слоўніка. Іосіф Аляксандравіч удзельнічаў у падрыхтоўцы большасці энцыклапедычных выданняў, у тым ліку прысвечаных жыццю і навуковай творчасці беларускіх мысліцеляў: «Мысліцелі і асветнікі Беларусі» (Мінск, 1995), «Асветнікі зямлі беларускай» (Мінск, 2003) і інш. Па ініцыятыве Іосіфа Аляксандравіча і

дзякуючы яго намаганням быў перавыдадзены шэраг помнікаў права Беларусі, у тым ліку Статут ВКЛ 1588 г. (Мінск, 1989), Статут ВКЛ 1566 г. (Мінск, 2003). Я памятаю расказ прафесара аб тым, як ён падняў пытанне аб перадрукаванні Статута 1588 г. і пайшоў з гэтай ініцыятывай спачатку да кіраўніцтва Беларускай Савецкай Энцыклапедыі, а потым з хадайніцтвам — у ЦК КПБ. Больш за паўгода мы ездзілі з ім у Нацыянальную бібліятэку і перакладалі Статут на рускую мову, а таксама пісалі кароценькія (бо на большае ўжо не хапала часу) каментарыі да артыкулаў Статута. Шмат навукоўцаў прыклалі намаганні ў справе выдання Статута. І як жа ганарыўся Іосіф Аляксандравіч, калі Статут быў надрукаваны на выдатнай паперы ў прыгожым аздабленні. «Якое шыкоўнае выданне!» — казаў ён. Дарэчы, некалькі пазней прафесар адмовіўся прыкласці напісаныя намі каментарыі да выдання Статута ў перакладзе на сучасную беларускую мову, бо лічыў непатрэбным перакладаць тэкст са старажытнай беларускай мовы на сучасную.

Для Іосіфа Аляксандравіча заўсёды былі характэрнымі творчыя і адказныя адносіны да працы, патрабавальнасць перш за ўсё да сябе. Ён паўтараў словы Л. М. Талстога: «Нельга нікога перавыхаваць, акрамя сябе самога». Яго эрудыцыя, разнастайныя веды, працавітасць, педагогічны такт, бездакорныя адносіны да грамадскіх даручэнняў, актыўная грамадзянская пазіцыя з'яўляліся прыкладам як для выкладчыкаў, так і для студэнтаў. Многіх з іх Іосіф Аляксандравіч заахвоціў да навукі, даследчай дзейнасці, падштурхоўваў да большай актыўнасці на ніве навукі, амаль што прымушаў ездзіць на канферэнцыі, хадзіць у архіў, выступаць з дакладамі, многім прапаноўваў навуковыя тэмы даследаванняў. На мой погляд, ён быў найлепшым навуковым кіраўніком, бо не ўмешваўся ў працэс напісання дысертацый і адначасова ахвотна адказваў на ўсе пытанні.

Іосіф Аляксандравіч любіў жыццё ва ўсіх яго праяўленнях, быў сціплым, сумленным і незайздрослівым чалавекам, умеў ладзіць з людзьмі і знаходзіць з імі агульную мову. Дзяліўся не толькі ведамі, але і сардэчнай цеплынёй. Падкуплялі яго адкрытасць, даверлівасць, гатоўнасць прыйсці на дапамогу кожнаму. Ніколі не забудуся: у той час, калі я нарадзіла другое дзіця і не ўсім гэта падабалася, бо павялічвалася нагрузка на выкладчыкаў, Іосіф Аляксандравіч сказаў: «Гэта лепшая Тасіна дысертацыя». Яго словы мяне настолькі ўразілі, што нават пачала думаць, як бы назваць дачку імем, падобным да слова «дысертацыя».

Самай адметнай рысай прафесара была вера ў лепшыя бакі складанай чалавечай натуры. Такая яго якасць абумоўлівала асабістую патрабавальнасць да сябе тых, хто ўзаемадзейнічаў з Іосіфам Аляксандраві-

чам. На грубасць ён адказваў толькі добрымі словамі. Я памятаю расказ прафесара аб тым, як ён хадзіў хадайнічаць за дацэнта Алу Мікалаеўну Рамановіч адносна атрымання ёю жылля. Калі былы студэнт, ужо начальнік, нават не прапанаваў ім прысесці, Іосіф Аляксандравіч суцяшаў Алу Мікалаеўну: «Ну, выслухаў жа, можа што і зробіць па тваім пытанні». Такого чалавека няёмка было ў чымсьці падвесці. Калі на мяне часам звальвалася дадатковая чарговая праца і я пачынала незадаволена бурчаць, ён казаў: «Зараз трэба табе яшчэ што-небудзь даручыць». І пасміхаўся: «Пабачыш, адразу папярэдня праца стане лягчэйшай». Што і адбывалася на самай справе. Сам прафесар ніколі не адмаўляўся ад працы і калі атрымлівалася так, што чытаць лекцыі патрэбна было на некалькіх патоках, толькі махаў рукой і казаў: «А нічога страшнага, працуем». Увогуле ён служыў прыкладам адданасці сваёй працы. Гэта быў адзін з нешматлікіх выкладчыкаў, які мог (і любіў) размаўляць са студэнтамі ў любы час, па любым пытанні і нягледзячы на гадзіннік.

Іосіф Аляксандравіч шмат зрабіў для стварэння сапраўднага педагогічнага калектыву кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права, а таксама і ўсяго юрыдычнага факультэта. Разам з іншымі старэйшымі і паважанымі прафесарамі ён клапаціўся аб пераемнасці і захоўванні ў калектыве духу высокага прафесіяналізму, сяброўства, узаемадзеяння, дэмакратызму ў адносінах са студэнтамі. Падчас дыскусій і спрэчак, якія часам узнікалі не толькі па прававых і вучэбна-метадычных пытаннях, але і па жыццёвых праблемах, Іосіф Аляксандравіч, будучы вельмі тактоўным чалавекам, згладжваў процілеглыя меркаванні, прыводзіў адпаведна канкрэтным пытанням філасофскія і біблейскія прытчы. Увогуле ён быў вельмі памяркоўным чалавекам і валодаў рэдкай здольнасцю, не павышаючы голасу, добразычліва і тактоўна вырашаць спрэчныя пытанні. Я памятаю характэрны жэст рукой і словы: «Ат, глупства ўсё гэта і не заслугоўвае ўвагі». Аднак у тых пытаннях, адносна якіх у Іосіфа Аляксандравіча склалася пэўнае меркаванне, ён не ішоў на ўступкі. Калі я вярнулася з адной з навуковых канферэнцый, якая адбылася ў Вільні (куды прафесар прыныцова не захацеў паехаць), ён спытаўся: «Ну як, усе нервы там парвала?». Усё гэта незабыўна...

Памятаю, як на афіцыйнай сустрэчы мае аднакурснікі шмат цёплых слоў сказалі Іосіфу Аляксандравічу, узгадваючы яго лекцыі і пастаянны напамін аб тым, каб чыталі Льва Талстога. І ведаецца, з гадамі некаторыя з іх сталі прыхільнікамі творчасці гэтага выдатнага пісьменніка. Прафесар быў упэўнены ў марнасці фантастычнай літаратуры, якой цікавілася я. Аднак адзначу, што ён быў прыхільнікам творчасці Уладзіміра Высоцкага.

Іосіф Аляксандравіч быў прыкладам добрага і клапацілівага сем'яніна. Вельмі паважаў і любіў жонку, дачку і ўнучак. Ён быў стойкай па натуре — і ніякія хваробы, часам вельмі цяжкія, не выбівалі яго з жыццёвага сядла, не адбіваліся на ўзаемаадносінах з калегамі і студэнтамі. Сабранасць і вытрымка Іосіфа Аляксандравіча ўражвалі. Усе бачылі яго заўжды добразычлівым, з ветлівай усмешкай на вуснах. Нават у апошнія, вельмі цяжкія дні жыцця, будучы ўжо зусім нямоглым, Іосіф Аляксандравіч заставаўся такім. Ён амаль нікога ўжо не прымаў, аднак пажадаў мне і маёй дачцэ ўласнаручна падпісаць на ўспамін аб сабе кнігі. Гэта назаўсёды застанеца ў нашай памяці, як і светлыя думкі пра Іосіфа Аляксандравіча Юхо.

Усё яго жыццё і навуковая спадчына будуць яшчэ доўга ўплываць на развіццё гісторыка-прававой навукі Беларусі і з'яўляцца прыкладам служэння навуцы, праву і Айчыне.

СВЕТЛЫ ВОБРАЗ НАЗАЎСЁДЫ Ў ПАМЯЦІ

В. Ф. Шалькевіч,

доктар філасофскіх навук, прафесар

Мое знааомство с Іосифом Александровичем Юхо произошло в самом начале 1970-х гг. Не могу назвать точную дату, но обстоятельства, которые привели к знакомству с этим человеком хорошо отложились в моей памяти.

В 1970 г. я закончил аспирантуру БГУ по специальности «История философии» и был оставлен на кафедре истории философии для преподавательской деятельности. В то время кафедрой руководил доктор философских наук, профессор, член-корреспондент АН БССР юрист по образованию, кандидат юридических наук И. Н. Луцицкий. Кафедра обеспечивала учебный процесс на отделении философии БГУ, которое входило в состав исторического факультета (философского факультета тогда еще не было). На философском отделении я начал читать довольно сложный курс истории западноевропейской философии XIX в., а также историю философской и общественно-политической мысли Беларуси. На отделении философии этот курс начал читаться с 1970 г. Поскольку с 1963 г. на юридическом факультете уже читались лекции по истории государства и права Беларуси, И. Н. Луцицкий

посчитал необходимым использовать опыт, накопленный Иосифом Александровичем и на нашем отделении. Так я познакомился с этим человеком. Это произошло не позже 1973 г., так как в этом году ушел из жизни И. Н. Луцицкий.

Развитая эрудиция, исключительная вежливость, доброжелательность безграничное желание Иосифа Александровича помочь мне в преподавательской деятельности способствовали быстрому установлению между нами самых теплых и добрых отношений. Насколько сильным было влияние Иосифа Александровича на мои взгляды в то время, можно судить по содержанию написанной мной брошюры «Скарына і наш час» (Минск, 1979, с. 36—37), где я полностью излагаю гипотезу Иосифа Александровича о том, что в составлении и редактировании Статута Великого Княжества Литовского 1529 г. участвовал белорусский гуманист и первопечатник Франциск Скорина.

Ощутимую помощь со стороны Иосифа Александровича испытывал я и в последующее время, когда в середине 1990-х гг. начал читать на юридическом факультете курс лекций по истории политической и правовой мысли Беларуси.

Нельзя также не вспомнить о нашем совместном участии в различных научных конференциях, к которым Иосиф Александрович всегда относился с большой ответственностью. Его доклады, написанные на высоком теоретическом уровне, всегда несли в себе элементы бесспорной научной новизны и несомненного творчества. Вспоминаю, в частности, научную конференцию, посвященную 200-летию Конституции 3 Мая 1791 г., которая проходила в Минске в мае 1991 г. Помню, что после содержательного доклада И. А. Юхо в перерыве конференции к нему подошел присутствующий там глава Римско-католической церкви Беларуси, архиепископ-митрополит минско-могилевский (впоследствии кардинал) Казимир Свентак. Приятно было наблюдать за научной беседой этих замечательных представителей нашей белорусской культуры.

Иосифу Александровичу одному из первых (возможно, самому первому) была присуждена премия БГУ имени В. И. Пичеты за новаторские исследования в области истории государства и права Беларуси. Немногом позже, в 1996 г., подобная премия была присуждена и мне. Процедура предусматривала, чтобы содержание и оценку работ соискателя премии на ректорате представлял известный ученый в области гуманитарных наук. Приятно вспомнить, что содержание моих работ и их оценку перед высокой комиссией представлял Иосиф Александрович.

В орбиту наших разговоров наряду с белорусской культурой часто вовлекались и проблемы нравственной философии великого русского

писателя Л. Н. Толстого, но эта тема заслуживает особого, более пространный изложения.

Светлый образ этого замечательного человека и ученого навсегда сохранился в моей памяти.

**ПРАФЕСАР Я. А. ЮХО — АРЫЕНЦІР
У БЕЗДАРОЖЖЫ ГІСТОРЫІ ПРАВАВОЙ НАВУКІ**

А. Ф. Вішнеўскі,

прафесар кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы
і права Акадэміі МУС Рэспублікі Беларусь,
доктар гістарычных навук, прафесар

Гісторыя беларускай навукі і культуры ведае цэлы шэраг асоб, без якіх немагчыма ўявіць у поўнай меры ўвесь ход развіцця юрыдычнай навукі, а значыць, і духоўнага ўмацавання беларускай нацыі. У гэтым шэрагу знаходзіцца імя прафесара Язэпа Аляксандравіча Юхо.

З навуковымі працамі прафесара, яго поглядамі на гісторыю развіцця дзяржаўнасці беларускага народа я быў знаёмы ўжо ў 1970—1980-я гг. Але асабіста з ім пазнаёміўся толькі пасля абвяшчэння суверэнітэту Беларускай ССР восенню 1991 г. Справа ў тым, што ў 1991/92 навучальным годзе ў Акадэміі міліцыі МУС Рэспублікі Беларусь, як і на юрыдычных факультэтах іншых навучальных устаноў, згодна з вучэбным планам уводзіўся курс «Гісторыя дзяржавы і права Беларусі».

Было вядома, што на той момант у Беларускай дзяржаўнай універсітэце склалася гісторыка-прававая школа, заснавальнікам якой і быў Язэп Аляксандравіч. З 1963 г. па яго ініцыятыве ў вучэбных праграмах з'явіўся спецыяльны курс «Гісторыя дзяржавы і права Беларусі».

Не памятаю, у які дзень верасня 1991 г. я ўпершыню сустрэўся з прафесарам Язэпам Аляксандравічам Юхо, але дакладна магу сцвярджаць, што адбылося гэта ў першай дэкадзе месяца. Мы пагаварылі аб праграме курса, вучэбных дапаможніках, дакументах па гісторыі дзяржавы і права Беларусі і дамовіліся ў перспектыве згодна з планам падрыхтаваць хрэстаматыю па названым курсе. Пачалі падбіраць найбольш цікавыя дакументы, якія адлюстроўваюць гісторыю права краіны і гістарычны шлях яе дзяржаўнасці. Гэта праца закончылася выданнем кнігі «Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах» (1998).

Рэгулярныя сустрэчы з Язэпам Аляксандравічам далі мне магчымасць намалюваць вобраз гэтага чалавека як з пункту гледжання навукоўца, так і з пункту гледжання звычайнага суразмоўцы. Па-першае, у дзень сустрэчы з Язэпам Аляксандравічам мне кінулася ў вочы яго грунтоўная падрыхтоўка па праблемах гісторыі дзяржавы і права ў шырокім сэнсе, уменне красамоўна выказаць свае думкі. У яго, як кажуць, на кожнае слова адказ гатовы. Відаць было, што гэта чалавек надзвычай высокага інтэлекту.

Нягледзячы на свой паважаны ўзрост, Язэп Аляксандравіч вызначаўся неверагоднай працаздольнасцю. Ён мог сядзець над шматлікімі дакументамі, у тым ліку над архіўнымі, якія я яму прыносіў, літаральна суткамі, складаючы з разрозненых гістарычных фрагментаў стройны малюнак гісторыі нашай Айчыны. Было зразумела, што гэта праца прыносіць яму вялікае задавальненне. Язэп Аляксандравіч неаднойчы казаў мне, што мы робім для краіны вялікую справу.

Сумесная праца, цікавыя размовы і нават навуковыя спрэчкі (дыскусіі) даюць права сцвярджаць: мне таксама пашчасціла быць вучнем гэтага выдатнага даследчыка і педагога. На мой погляд, Язэп Аляксандравіч з таго шэрагу падзвіжнікаў, чыя праца абумоўлівала стан навукова-педагагічных дасягненняў як на кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права, так і ў цэлым у БДУ.

Гадзіны, праведзеныя з мудрым прафесарам, далі магчымасць зрабіць выснову аб тым, што ісці за думкамі гэтага чалавека, асэнсаваннем яго ідэй (напрыклад, пра час узнікнення нашай дзяржаўнасці, месца статутаў ВКЛ у еўрапейскім культурным кантэксце і інш.) — гэта таксама навука нялёгкая, але вельмі займальная. Паўсядзённыя размовы, пытанні, якія мне даводзілася ставіць Язэпу Аляксандравічу, і адказы на іх служаць павучальным і аўтарытэтным прыкладам арыентацыі ў бездарожжы многіх актуальных навукова-педагагічных праблем. Адсколь вынікае, што ўплыў і значнасць найбольш вядомых навуковых прац Язэпа Аляксандравіча дапаўняюцца вялікай прыцягальнай сілай іх аўтара, яго стылем жыцця і паводзін. Для мяне, як, мабыць, і для тых, хто блізка ведаў Язэпа Аляксандравіча, ён увайшоў у паўсядзённасць у вобразе мудраца, тонкага і іранічнага суразмоўцы, лагоднага чалавека.

Стыль жыцця гэтага чалавека, глыбіня думкі, веліч духу, маральныя і палітычныя калізіі ў яго лёсе, любоў да ісціны і справядлівасці, манера яго філасофствавання — узор для сучаснікаў і тых, хто будзе вызначаць развіццё навукі і педагагічнага майстэрства ў XXI ст.

У Язэпа Аляксандравіча было яшчэ шмат задумак і планаў, але рэалізаваць іх ён, на вялікі жаль, не паспеў. Цяпер працу даследчыка працягваюць яго вучні, і перш за ўсё — прафесар Таісія Іванаўна Доўнар.

З ЦЕПАЫНЁЙ І ЎДЗЯЧНАСЦЮ...

В. А. Шалкапляс,

кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

Более 40 лет я знала Иосифа Александровича Юхо. И благодаря судьбу за то, что мне посчастливилось на протяжении длительного времени общаться с ним и открывать его для себя как преподавателя, научного руководителя, заведующего кафедрой истории государства и права БГУ, коллегу по профессии и просто человека, который сыграл значительную роль в моей жизни и которого я всегда вспоминаю с большой теплотой и благодарностью.

Впервые я познакомилась с Иосифом Александровичем в 1963 г., будучи студенткой вечернего отделения юридического факультета Белорусского государственного университета, когда он вошел в аудиторию и просто представился как преподаватель, который будет вести у нас учебный курс «История государства и права Белоруссии». Читал он легко и интересно, с первых минут завладев вниманием сложной аудитории студентов-вечерников. Он хорошо чувствовал группу и по необходимости «вкраплял» в лекцию, семинар материал о ярких исторических событиях по теме, приводил интересные факты из истории государственных деятелей Великого Княжества Литовского и Польши. И как результат — аудитория немедленно оживлялась. Обычно после каждого занятия к Иосифу Александровичу обращались с различными вопросами как по теме лекции, так и с другими, например о жизни и творчестве Л. Н. Толстого, о текущих событиях в стране и т. п. И никогда он не уклонялся от беседы. Меня удивляло тогда не только спокойствие профессора, доброжелательность и готовность к общению со студентами, но и глубина его эрудиции в области читаемого им учебного курса, классической литературы и самой жизни. Вместе с тем он открыто высказывал свое мнение по обсуждаемым вопросам, доходчиво аргументируя свою позицию. Иосиф Александрович никогда не навязывал своих взглядов, но при этом заставлял задумываться. И это у него всегда хорошо получалось... Значительно позднее, когда сама стала преподавателем, я узнала, какой ценой это ему доставалось. Ведь Иосиф Александрович был первопроходцем в создании учебного курса «История государства и права Белоруссии», который одновременно читал студентам на всех отделениях юридического факультета.

Я благодарна Иосифу Александровичу за предоставленную возможность посещать его лекции и семинары на дневном отделении. И если я состоялась как преподаватель вуза, то в этом есть и его заслуга.

После завершения учебы на юридическом факультете ученый совет рекомендовал меня для поступления в очную аспирантуру и моим руководителем был назначен Иосиф Александрович. Это был самый сложный, поворотный этап в моей жизни. Только спустя десятилетия могу сказать, что если бы в то время моим научным руководителем был не Иосиф Александрович, у которого профессиональные качества сочетались с такими личностными чертами, как деликатность, чуткость и глубокое понимание всех жизненных хитросплетений, то вряд ли я успешно завершила бы диссертационное исследование. Именно в тот период общения с Иосифом Александрович я узнала его как научного руководителя.

Вспоминается такой эпизод. Проработав литературные, нормативные и архивные материалы, однажды я села за рабочий стол, чтобы начать изложение материала по 11-й главе кандидатской диссертации. Просидев несколько часов, я так и не смогла ничего написать. Мною овладела паника, так как ранее подобного со мной не случалось. Я пыталась сама справиться с этим состоянием, но не смогла. С тревогой позвонила Иосифу Александровичу, заранее предвидя его обеспокоенность о соблюдении сроков подготовки диссертационного исследования и стыдясь своего беспомощного состояния. Но быстрота, с которой профессор среагировал на мое сообщение, и сказанные им слова меня особенно ошеломили. Он внимательно выслушал и спокойно ответил: «Не пишется? И не надо. Возьмите коляску и идите гулять с ребенком в парк. И садиться за работу не надо — отдыхайте. Вы переутомились. Пройдет несколько дней и вы не будете успевать записывать свои мысли. Только не волнуйтесь. Все будет хорошо».

Я уже не помню, сколько дней прошло, но когда я начала вновь работать, то действительно произошло так, как говорил Иосиф Александрович. Уж очень «нестандартным» он был человеком в решении любых вопросов, а потому с ним всегда было интересно и люди к нему тянулись.

После завершения аспирантуры я была оставлена в должности преподавателя на указанной кафедре, которой и заведовал Иосиф Александрович. Как заведующий кафедрой профессор был прост, тактичен, интеллигентен. Он всегда был спокоен. Я никогда не видела профессора раздраженным, только порой озабоченным. Ему всегда удавалось «гасить» готовые иногда вспыхнуть конфликты на заседаниях кафедры при обсуждении открытых занятий преподавателей или научных работ. Иосиф Александрович обычно тяготел к позитивным эмоциям, разговорам и действиям, не любил интриг и конфликтов. Его авторитет среди коллег был высоким.

В связи с переходом на работу в Высшую школу милиции (ныне Академия МВД Республики Беларусь) в 1976 г. я реже общалась с

Иосифом Александровичем. Но одно знаю: общение с ним помогло моему становлению как администратора и члена нового коллектива, где я проработала почти 30 лет. И я всегда буду благодарна своему Учителю. Жаль только, что об этом никогда не говорила ему при жизни, зная о его обостренной скромности и боясь показаться в его глазах банальной.

За несколько дней до смерти Иосифа Александровича я говорила с ним по телефону. И когда мне позвонили и сообщили, что 29 июля 2004 г. в 4 часа утра умер Иосиф Александрович, я не могла в это поверить. Меня охватило оцепенение и из глаз скупом покатались обжигающие слезы, а затем, как в калейдоскопе, сменяя друг друга, неслись строчки, которые и легли в основу стихотворения на смерть Иосифа Александровича Юхо, прочитанные на его похоронах 30 июля 2004 г.

Звенит в ушах, как эхо:
 — С нами нет Юхо...
 В это поверить трудно,
 Хотя болел он давно.
 Но разум не мог смириться,
 Что Косая за ним пришла
 И молча у изголовья
 Последнего вдоха ждала.
 Здесь, в траурном зале, сегодня
 Собрались, кто мог,
 Кому он был мужем, отцом,
 Коллегой иль просто кому помог.
 Горячие слезы катятся,
 И губы вздрогнут вдруг,
 И слов сказать не хватит —
 Они вмиг пропадут.
 Уж нет тебя. И больно,
 И невозможно осознать...
 Но на земле нет силы,
 Чтоб повернуть все вспять.
 И пусть душа твоя спокойно
 Витает в небе над землей,
 Твои родные и друзья
 В мыслях всегда с тобой.
 А если память будет жить,
 То ты не умер: Косая тело забрала,
 А дочь, жена, родня, друзья
 С душой твоей будут всегда.
 А если их черед придет,
 То память все же не умрет:
 Ведь памятник ты сам воздвиг,
 Оставив людям много книг.

Да... Конечно, Иосиф Александрович не был идеальным человеком, ибо таковых не существует. У него были свои слабости, приоритеты, но они никогда не затрагивали его стержня как личности, преподавателя, ученого. Об этом свидетельствуют не только многочисленные научные труды Иосифа Александровича, научные звания, запоздавшие высокие правительственные награды и большое число успешно состоявшихся под его руководством молодых ученых, но и глубокая скорбь в связи с его уходом из жизни, горечь безвозвратной утраты, а также добрая память тех, кому посчастливилось общаться с ним. И проводимые кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета БГУ мероприятия, посвященные 90-летию со дня рождения И. А. Юхо, — яркое доказательство того, что он не забыт, его помнят.

УСПАМІНЫ ПРА НАСТАЎНІКА

Т. І. Макарава,

прафесар кафедры экалагічнага
і аграрнага права БДУ,
доктар юрыдычных навук, прафесар

В жизни каждого человека, серьезно и профессионально занимающегося своим делом, как правило, бывает Учитель, который приобщил к этому делу, стал проводником знаний, идей, да наконец, любви к деятельности, которой себя посвятил. Для меня таким проводником в мир науки, моим Учителем на всю жизнь был и остается Иосиф Александрович Юхо. Прошло немало лет с момента, как он покинул этот мир, но для меня он сам, система его жизненных ценностей остаются нравственным мериллом моих поступков, моей работы в науке.

Вспоминая сейчас Иосифа Александровича, я мысленно возвращаюсь в те уже далекие времена, когда я стала студенткой юридического факультета и мне казалось, что весь мир открывается передо мной. Одно обстоятельство стояло на моем пути: я окончила школу в России и поэтому не знала белорусского языка, да и культура, и история, и мир традиций белорусского народа не были мне близки. Тогда в 1970-х гг. Иосиф Александрович, как и все остальные преподаватели юридического факультета, читал лекции на русском языке, но его статьи, составлявшие современную основу научного материала по истории государства и права Беларуси, были написаны, конечно, по-белорусски.

Может быть, из какого-то врожденного чувства упрямства, не позволявшего мне ощущать себя хоть в чем-то отстающей от своих однокурсников, подсмеивавшихся надо мной из-за неправильного произношения белорусских слов, а скорее всего, потому что так было мне суждено судьбой, я пошла к Иосифу Александровичу и попросила его быть моим научным руководителем по курсовой работе. При этом я честно объяснила ему причину, по которой собираюсь писать по истории государства и права Беларуси: хочу изучить белорусский язык и белорусскую историю, узнать ближе белорусскую культуру. Теперь с высоты прожитых мною лет я понимаю, что наивная девочка, которой я была тогда, нуждалась в мудром наставнике... Его я и встретила в лице Иосифа Александровича.

У профессора было правило: всех студентов, пришедших к нему в научный кружок, обучать читать по-польски, поскольку значительное число литературных источников по истории Беларуси периода Речи Посполитой (XVI—XVIII вв.), в том числе и правовые документы, написаны на польском языке. Иосиф Александрович сам проводил эти занятия, собирая студентов прямо в помещении кафедры. Однако со мною он занимался белорусским языком. В моей домашней библиотеке как дорогие реликвии хранятся подаренные им мне, студентке, «Вянок» Максима Богдановича и «Песня пра зубра» Микола Гуссовского в переводе Язепа Семежона.

Когда мы обсуждали направление моей будущей студенческой научной работы, Иосиф Александрович сказал, что надо взять такую тему, которая помогла бы мне раскрыть сущность исторического процесса белорусской государственности, и рекомендовал писать по истории сейма Великого Княжества Литовского. Он сказал тогда: «В истории сейма, как в капле воды, отразились все взлеты и падения государственности на белорусских землях». С этих его слов началось мое изучение истории государства и права Беларуси, вылившееся в написание дипломной работы на тему «Статут Великого княжества Литовского в XVI в.», за которую я получила диплом на республиканском конкурсе студенческих научных работ. Потом была аспирантура и работа над кандидатской диссертацией на тему «Присоединение Белоруссии к России в конце XVIII в. (государственно-правовой аспект)», последующая научная и педагогическая деятельность... И конечно, Иосиф Александрович критиковал и подкашивал направление поиска, радовался успехам ученицы и защищал ее от нападок. И даже когда я сама стала доцентом и начала разрабатывать новые для нашей правовой системы направления — экологическое право и международное право окружающей среды, его одобрение оставалось для меня наивысшей похвалой...

Одно я знаю точно — моя научная работа не была бы столь плодотворной, если бы не дружеские отношения с Иосифом Александровичем, которые я с гордостью несу через всю жизнь. Наше общение не было просто общением научного руководителя и ученицы. Я была вхожа в дом Иосифа Александровича, дружна с его дочерью Ольгой. Мы с моим мужем и сыном, ровесником его внучек, бывали в гостях у семьи Юхо. И конечно, Иосиф Александрович рассказывал о своем увлечении творчеством Льва Толстого и показывал нам коллекцию книг о нем, среди экспонатов которой есть и подарки от нашей семьи. Мой муж — художник-живописец Юрий Макаров — не мог не заинтересоваться многогранной личностью профессора. Этот творческий интерес вылился в написание портрета Иосифа Александровича. Достаточно большая по размерам картина (более одного метра по высоте) написана в технике «гризайль», т. е. практически монохромной живописи, выполненной разными оттенками черного и белого цветов. Когда я смотрю на этот портрет, то понимаю, что художник посредством общения с портретируемым (а возможно, и через мое личное отношение к Учителю, которое я смогла внушить мужу) донес до нас, зрителей, и работу мысли этого талантливого человека, и присущие ему личные черты характера, а также сумел минимальными изобразительными средствами создать образ великого ученого и педагога. Для меня в этом портрете ближе и дороже всего руки, которые бережно держат книгу, те самые так узнаваемые руки Иосифа Александровича. Надо сказать, что он был очень добросовестной «моделью»: приходил в мастерскую моего мужа и проводил в заданной позе под пристальным взглядом художника столько времени, сколько требовалось для работы; будучи сам творческим человеком, он хорошо понимал трудности творческого процесса. Этот портрет находится в собрании живописи Белорусского союза художников. Один за другим ушли из жизни и автор портрета, и его персонаж, а память о них обоих соединилась в красках на холсте...

Иосиф Александрович был человеком мягким, он никогда не позволил бы себе разговаривать с кем бы то ни было на повышенных тонах, более того система его нравственных ценностей, опиравшаяся на учение Льва Толстого о «непротивлении злу насилием», диктовала его своеобразное отношение к жизни как в принципиальных ситуациях, так и в бытовых, житейских. Но именно эта система нравственных ориентиров делала его особенно стойким к разным, не самым приятным проявлениям человеческих отношений. Те, кто лично знал Иосифа Александровича, согласятся со мной в том, что он обладал тем внутренним стержнем, который превращает обыкновенного человека в личность высочайших нравственных достоинств.

Так часто бывает среди нас — ученых-правоведов: мы осознаем, что в чем-то правотворческий процесс идет не совсем так, как нам видится, что научно обоснованные, выработанные нами предложения по совершенствованию законодательства не восприняты. Это вызывает досаду. Иосиф Александрович в этом случае вспоминал притчу о плоте, который плывет по реке. Одни люди, сидящие на нем, работают веслами и помогают продвижению в нужном направлении, другие — в силу непонимания либо сознательно — тормозят и мешают совместной работе... И делал вывод: «Все равно раньше или позже плот приплывет к своей конечной цели...». Многолетняя работа «в стол» укрепила в нем этот философский взгляд на вещи, позволявший даже в сложнейших для свободного научного труда условиях сохранять достоинство и не изменять своим убеждениям...

Теперь я сама — профессор. На моих плечах, как когда-то на плечах моего Учителя Иосифа Александровича Юхо, лежит нравственный долг не просто научить — дать систему знаний, а воспитать нравственную личность, а это, согласитесь, намного труднее. Опираясь на то, что дал лично мне профессор, я понимаю, что талант вузовского преподавателя состоит в том (и только в том), чтобы в еще незрелом, по сущности, детском уме первокурсника пробудить научный интерес, развить и проявить его в определенных научных формах, воспитать на здоровой нравственной почве высокогуманную личность, т. е. поступить так, как велит долг родителя, который берет свое дитя за руку и выводит его в большой мир...

НАЗАЎСЁДЫ Ё НАШЫХ СЭРЦАХ

Л. Л. Голубева,

дацэнт кафедры тэорыі
і гісторыі дзяржавы і права БДУ,
кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

Яшчэ нядаўна мы маглі сустракацца з выдатным чалавекам, знакамітым вучоным, доктарам юрыдычных навук, прафесарам Іосіфам Аляксандравічам Юхо. Сёння, на жаль, мы толькі ўскладаем кветкі на яго магілу і дзелімся ўспамінамі пра чалавека, які ўсё сваё жыццё прысвяціў даследаванню гісторыка-прававой спадчыны беларускага народа, служэнню ўніверсітэту і навуцы.

Цудоўны чалавек, выдатны навукоўца, адданы грамадзянін сваёй Радзімы. Будучы равеснікам Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, ён усё жыццё працаваў на ніве ўніверсітэцкай адукацыі. Іосіф Аляксандравіч быў не проста выкладчыкам, прафесарам, а сапраўдным майстрам абранай справы. Ён працаваў у нашай навучальнай установе, аддаючы трывалыя веды і цяпло свайго сэрца студэнтам і калегам. Сваім багатым вопытам ён шчодро дзяліўся з намі, студэнтамі. Іосіф Аляксандравіч даваў мудрую падказку калегам, добразычліва і прыязна ўсміхаўся, многа і цікава расказваў... Творчая праца не засталася незаўважанай. Іосіф Аляксандравіч Юхо — лаўрэат прэміі імя У. І. Пічэты. Вельмі важна ў віхуры спраў не абмінуць увагай чалавека, якога ўжо няма з намі, і аддаць даніну павагі таму, хто ўсё сваё жыццё прысвяціў навуцы, служэнню свайму народу, Айчыне, Бацькаўшчыне.

ВЯЛІКІ БЕЛАРУСКІ ВУЧОНЫ-ПРАВАВЕД

В. У. Сажына,
дацэнт кафедры тэорыі
і гісторыі дзяржавы і права БДУ,
кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

Заочное знакомство с одним из самых известных и уважаемых профессоров права нашей страны состоялось у меня незадолго до поступления в вуз. Средняя школа № 4, расположенная в центре Минска, — это школа, которую Иосиф Александрович Юхо заканчивал накануне Великой Отечественной войны. И конечно, старое здание имело свою историю, в том числе и историю своих выпускников. Не то, чтобы в школе был специальный музей — мы, ее ученики, знали бы об этом — но в ней «жили» предания учителей о давней школьной жизни...

Когда я решила поступать в БГУ на юридический, моя любимая учительница сообщила, что замдекана этого факультета, Иосиф Александрович — не просто выпускник нашей школы, а еще и герой войны. Из ее устных воспоминаний следовало, что Иосиф Александрович в 1940-х гг. служил в разведротте, однажды спас жизнь своего командира и был представлен к награде...

Впоследствии я познакомилась с Иосифом Александровичем, подружилась с его дочерью и стала бывать в их гостеприимном доме, но никогда не слышала воспоминаний профессора о военных годах и тем

более о его личном вкладе в победу. В какой-то степени это была запретная тема, и деликатность, с которой Иосиф Александрович уходил от, несомненно, тяжелых воспоминаний, стала штрихом к портрету этого потрясающе скромного, интеллигентного человека с богатейшим внутренним миром. Его увлеченные рассказы о Льве Толстом, иногда облакавшиеся в просьбы вроде: «А вдруг тебе в московских букинистических лавках попадет такой-то том полного собрания сочинений Льва Николаевича (тут же назывался и записывался номер тома, недостающего в домашней библиотеке)...». Раритетный том, конечно же, не попадался, а так хотелось, чтобы чудо произошло...

Талант, эрудиция, профессиональный дар Иосифа Александровича, его любовь к национальной правовой культуре своей Родины были неповторимыми. Его присутствие в жизни нескольких поколений невозможно переоценить. Этот человек обладал чутьем на людей и оказывал на них порой определяющее влияние, таким образом создавая свою школу, в которой много достойных ученых-юристов. Иосиф Александрович был цельной личностью и великолепным разносторонним собеседником. У него был неподдельный интерес и вкус к жизни, ко всему новому в ней.

В наши дни характеристика «великий» стала, к сожалению, расхожей. Мне хочется применить к профессору это определение в его концептуальном историческом значении. Иосиф Александрович Юхо — великий белорусский ученый-правовед.

ПРА ЧАЛАВЕКА З ВЯЛІКАЙ АІТАРЫ

А. І. Арлоўская,

дацэнт кафедры тэорыі
і гісторыі дзяржавы і права БДУ,
кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

Когда я собралась писать статью-воспоминание об Иосифе Александровиче Юхо, то подумала о том, будут ли отличаться мои мысли от множества других. Ведь каждый из нас обязательно расскажет о выдающемся белорусском ученом Иосифе Александровиче Юхо — основоположнике целой научной школы истории государства и права Беларуси. Действительно, охватывая ретроспективно творческое наследие профессора, нельзя не удивляться широте спектра научных и практических

ких проблем, которые нашли отражение в его трудах. Перечень этих вопросов занял бы не одну страницу и включил бы в себя все разделы белорусской современной исторической науки.

Однако есть нечто самое главное, что позволяет говорить об Иосифе Александровиче как об ученом, который внес огромный вклад в развитие белорусской юридической науки: он разработал методологические основы изучения истории государства и права Беларуси, основные стратегические направления исследования этой науки, определившие ее развитие на многие годы вперед. Иосиф Александрович первым заложил основу науки. А насколько прочен фундамент — настолько прочным будет и сам храм. Но об этом, я думаю, более подробно напишут его ученики, которым он подарил путевки в научное плавание. Я хотела рассказать немного о другом — о человеке Иосифе Александровиче Юхо. Бесспорно, об этом тоже будут писать, отмечая его уникальные человеческие качества — простоту, доступность, доброжелательность. Но у каждого из нас в памяти остался свой облик профессора, у каждого свои мысли о нем...

В качестве примера приведу лишь одну встречу с этим удивительным человеком. Почему-то именно она запомнилась мне больше всего. Это был последний год работы профессора. Перед летними каникулами мы встретились с Иосифом Александровичем на кафедре. Я, в мыслях о будущем отпуске, поделилась с ним своими планами:

— Счастливо отдохнуть, Леночка, — улыбнулся профессор. — Давай с нового года возьмемся за науку. Есть у меня для тебя очень интересная тема. Будет хорошая работа. Я помогу.

— Спасибо, Иосиф Александрович, Вам также хорошего отдыха. Уезжаете куда-нибудь?

— Да нет. Куда-то далеко ехать нет сил и средств, буду сидеть дома.

— Так Вы же заядлый дачник, Иосиф Александрович. На даче, на природе и отдохнете.

— Нет, я без работы не могу. А быть на даче — значит физически работать. А работать физически я уже не в состоянии. И без работы не могу. Буду работать летом дома за письменным столом. Пока живу — буду работать.

Думаю, в этом заключается сходство Иосифа Александровича с его кумиром — великим писателем и философом Львом Толстым. Не нам сравнивать масштабы талантов, да этого делать и не стоит. Но сравнивать масштабы человеческих личностей, думаю, уместно. Неистовое стремление к труду, любовь к людям, человечность и любовь к науке — именно таким мне и запомнился Иосиф Александрович Юхо.

ВЯЛІКІ ВУЧОНЫ І СЦІПЛЫ ЧАЛАВЕК**С. А. Калінін,**загадчык кафедры тэорыі
і гісторыі дзяржавы і права
юрыдычнага факультэта БДУ,
кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

З прафесарам Іосіфам Аляксандравічам Юхо я першапачаткова пазнаёміўся ў 1992 г., завочна, праз яго твор «Крыніцы беларуска-літоўскага права». На першым курсе першую частку «Гісторыі дзяржавы і права Беларусі (дасавецкі час)» нам выкладала тады яшчэ дацэнт Т. І. Доўнар. Яна і паведаміла, што выйшла кніга вядомага вучонага, якая дапаможа нам больш сур'ёзна падрыхтавацца да экзамену. Аб'ехаўшы амаль што ўсе кнігарні Мінска, мы знайшлі выданне толькі ў невяліччай краме каля Трактарнага завода, прычым забралі апошнія экзэмпляры. На жаль, гэта кніга не захавалася ў мяне, бо хтосьці ўзяў яе для падрыхтоўкі і так і не вярнуў...

Вочнае знаёмства адбылося ўжо на другім курсе, калі другую частку «Гісторыі дзяржавы і права Беларусі» выкладаў ужо сам прафесар. Сухаваты пажылы чалавек, які размаўляў на беларускай мове, даваў нам (трэба памятаць, што ў пачатку 1990-х гг. многія «белыя плямы» айчыннай гісторыі сталі выкрывацца) настолькі новы матэрыял, што гэта ўражвала сваёй незвычайнасцю. Ён быў вельмі дасціпны і ветлівы са студэнтамі. Адразу адчувалася, што гэты чалавек (а на шостым паверсе можна было бачыць стэнд з яго фотакарткай як франтавіка) шмат чаго пабачыў, асабліва гора і бяды, і таму без належнай прычыны не будзе рабіць непрыемнасці іншым людзям.

Хоць на гэта нам звярталі ўвагу і раней, але толькі вочнае знаёмства дазволіла зразумець, колькі сіл і здароў'я патрабавалася Іосіфу Аляксандравічу, каб выцягнуць на свет Божы тое, што зараз успрымаецца як звычайныя банальныя факты нашай гісторыі. Толькі дбанню прафесара, які не пабаяўся паставіць пытанне і арганізаваць у Савецкім Саюзе выданне Статута 1588 г., шматлікія вучоныя-гісторыкі права абавязаны будучай абаронай. Іосіф Аляксандравіч падняў шырокі пласт крыніц нашага права, пры гэтым ён даказаў і пераканаў усіх, што гэта НАША права, што беларусы (тады літвіны) гэта не гістарычны матэрыял у дзяржаўным фарміраванні іншых народаў, а самастойная нацыя. Прафесар не баяўся ставіць пытанне аб «вяртанні гіс-

тарычнай спадчыны», на той час «прыватызаванай» літоўскай, польскай, расійскай навукай.

З выданнем Статута 1588 г. быў звязаны такі выпадак. Маці падарыла мне гэты фаліянт на дзень нараджэння ў апошні год школы, бо я збіраўся паступаць на юрыдычны факультэт. Я паспрабаваў чытаць, але гэта было новае і незвычайнае выданне, якое настолькі не адпавядала савецкай школьнай гісторыі Беларусі, што я кінуў яго з думкай, што гэта сапраўдная лухта. Якія Жыгімонт, Сапега, якая Літва, калі мы, беларусы, заўсёды імкнуліся жыць у Расіі, калі нас адарвалі ад адвечнай Русі палякі і літоўцы! Потым, пасля экзамену я падышоў да прафесара і папрасіў падпісаць выданне. Зараз мне вельмі прыемна, што я маю Статуты 1566 і 1588 гг. з аўтарскімі подпісамі.

Больш цесныя адносіны пачаліся з 1996 г., калі я стаў працаваць на кафедры. Гэта быў цудоўны час, штат кафедры налічваў пяць прафесараў. Паслухаць іх прафесійныя размовы значыла для мяне тое ж самае, што і правесці не менш тыдня ў бібліятэцы. Тут яшчэ больш праявілася любоў Іосіфа Аляксандравіча да гісторыі сваёй краіны. Размаўляючы амаль што з усімі аспірантамі і сталымі вучонымі па тэмах іх даследаванняў, ён раіў уключаць у іх і пэўныя пытанні з гісторыі Бацькаўшчыны.

Прафесар быў вельмі просты чалавек, і кожны мог падысці да яго, папрасіць пачытаць свае тэзісы або матэрыялы, чым я даволі часта карыстаўся, бо адначасова з кансультацыяй можна было пачуць шмат чаго цікавага. Дарэчы, Іосіф Аляксандравіч параіў мне змяніць мадальнасць сваіх рэкамендацый для практыкаў, не пісаць «трэба», «неабходна», «належыць», бо маладому выкладчыку не па чыне даваць практыкам міністэрскія рэкамендацыі. Больш правільна казаць «на маю думку», «было б карэктна», «больш мэтазгодна». Я вельмі ўдзячны прафесару за дэталёвае азнаямленне з рукапісам маёй кандыдацкай дысертацыі і за тыя парады, якія ён мне даў пасля афіцыйнага абмеркавання. Дарэчы, прафесар вельмі паважліва ставіўся да любых даследчыкаў.

Любыя ўспаміны пра Іосіфа Аляксандравіча будуць няпоўныя без апісання яго стаўлення да Л. М. Талстога. «Чытайце Льва Талстога» — можна было часта чуць ад яго. Сярод студэнтаў нават хадзіла байка, што здаць прафесару экзамен зусім нескладана. Трэба проста паразмаўляць з ім аб творчасці гэтага выдатнага пісьменніка. Але Іосіф Аляксандравіч цікавіўся не столькі літаратурнымі творами, колькі даволі супярэчлівай (на маю думку) філасофіяй.

Прафесар адносіўся да таго пакалення людзей, якія заваявалі для нас свабоду. Таму заўсёды на ваенныя святы мы віншавалі яго, а ён расказваў розныя здарэнні са свайго ваеннага жыцця. Ад некаторых фактаў валасы станавіліся дыбам. Адна справа чытаць аб гэтым у кнізе, зусім іншая — слухаць відавочца. Напрыклад, падчас бітвы пад Масквой на гармату (а Іосіф Аляксандравіч быў артылерыстам) дазвалялася выпусціць два снарады за дзень, калі выпусціш больш — трыбунал, прапусціш танкі — таксама. Але аб гэтым апавадалася дастаткова проста, без залішняй асабістай гераізацыі, як аб звычайным жыццёвым выпадку. Таму нашы ветэраны і выстаялі, і падаравалі нам свабоду.

За год ці за два да смерці прафесар хацеў пачаць выданне крыніц нацыянальнага права, але не паспеў, бо не знайшлося папличнікаў. Гэту ідэю я ўспрымаю фактычна як завяшчанне дастойнага чалавека, якое трэба выканаць. Таму і гэта выданне, і правядзенне адпаведнай канферэнцыі, прысвечанай 90-годдзю з дня нараджэння, я лічу вельмі невялікай часткай таго, што заслужыў **ВЯЛІКІ ВУЧОНЫ І СЦІПЛЫ ЧАЛАВЕК** — прафесар Іосіф Аляксандравіч Юхо. Нам нельга забывацца пра нашых настаўнікаў, бо без іх не было б і нас, а наша стаўленне да гэтых людзей — гэта ўзор таго, як нашы вучні павінны ставіцца ўжо да нас. Канечне, можна не згаджацца з пэўнымі навуковымі пазіцыямі, бо з’яўляюцца новыя факты і гіпотэзы, але юрыдычная тэарэтыка-гістарычная навука Беларусі павінна заўсёды памятаць аб чалавеку, які заклаў аснову і сфарміраваў школу нацыянальнай гісторыі права.

З ЛЮБОЎЮ ДА БЕЛАРУСІ І БЕЛАРУСКАГА НАРОДА

М. А. Дзенісенка,
дацэнт кафедры міжнароднага
прыватнага і еўрапейскага права
факультэта міжнародных адносін БДУ,
кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

Иосиф Александрович был патриотом, очень любил Беларусь, свой народ. Мог говорить о Беларуси, об истории белорусского народа со студентами и коллегами часами. Причем его патриотизм не был конъюнктурным, поскольку не мог быть таким в 1970—1980-х гг.

Профессора интересовали события, люди, традиции — абсолютно все, имеющее отношение к белорусской истории. Он хорошо знал архивные материалы, постоянно занимался все более глубокой их разработкой, имел собственную точку зрения и всегда был готов ее отстаивать. Сегодня особенно очевидно, насколько весомый вклад внес Иосиф Александрович в сохранение и приумножение знаний о белорусской государственности, в сохранение памяти о выдающихся деятелях Беларуси.

ПАДЗВІЖНІК НАШАЙ ГІСТОРЫ

А. Я. Ляскоў,

кандыдат юрыдычных навук

Дома зазваніў тэлефон. Падыходжу і чую спакойны і добразычлівы голас Іосіфа Аляксандравіча: «Віншую! Ваш артыкул выйшаў у новым нумары “Беларускага гістарычнага часопіса”». Ён — настаўнік, навуковы кіраўнік. Я — вучань, малады аспірант. Паміж намі ніколі не было дыстанцыі. Як не было і панібрацтва.

Іосіф Аляксандравіч — сціплы, адкрыты, мудры — умеў налаodziць даверлівыя ўзаемаадносіны, накіраваныя на дасягненне патрэбнага рэзультату. Ён дапамагаў, далікатна падказваў, вучыў... І заўсёды — з цяпеннем, вытрымкай і павагай да свайго суб’ядніка, хай нават і значна маладзейшага за яго. У гэтым праяўляліся глыбокі жыццёвы вопыт і асабліва чалавечая годнасць выдатнага навукоўца, педагога і патрыёта сваёй краіны.

У студэнцкія гады Іосіф Аляксандравіч запамніўся мне і маім аднакурснікам як выкладчык, лекцыі якога было не прынята прапусікаць. Аўтарытэт яго ў студэнцкім асяроддзі быў, можна сказаць, абсалютным. Прафесар адкрываў для нас новы, таямнічы кантынент — сапраўдную, нескалечаную гісторыю Беларусі, глыбокія карані беларускай дзяржаўнасці і дасягненні нацыянальнага права. Па яго ініцыятыве праводзіліся студэнцкія канферэнцыі, вечарыны, прысвечаныя забароненым раней тэмам. Мы, студэнты, бачылі сапраўднае захапленне Іосіфа Аляксандравіча навукай, якое натуральным чынам перадавалася і нам. Пад уплывам (і кіраўніцтвам) прафесара многія мае аднакурснікі

рыхтавалі курсавыя і дыпломныя работы менавіта па гісторыі дзяржавы і права Рэспублікі Беларусь.

У той час (а гэта быў пачатак 1990-х гг.) пабачылі свет важнейшыя кнігі Іосіфа Аляксандравіча — «Крыніцы беларуска-літоўскага права» і «Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі». Пра апошнюю трэба сказаць, што яна і сёння з'яўляецца, на маю думку, лепшым падручнікам для студэнтаў. «Кароткі нарыс...» насычаны лаканічнай, цікавай і актуальнай навуковай інфармацыяй. Ён характарызуецца дакладнай структурай, канцэптуальнай цэласнасцю і да таго ж напісаны крышталёва чыстай літаратурнай мовай — у выніку не ўзнікае ніякага дысанансу пры ўспрыняцці навуковага тэксту.

Іосіф Аляксандравіч валодаў энцыклапедычнымі ведамі па гісторыі дзяржавы і права. У той самы час у яго былі любімыя тэмы, якім навуковец надаваў асаблівую ўвагу. Сярод іх трэба назваць «статутавы» перыяд развіцця заканадаўства Вялікага Княства Літоўскага і гістарычныя падзеі канца XVIII ст., у тым ліку паўстанне пад кіраўніцтвам Тадэвуша Касцюшкі. Асоба правадыра паўстання настолькі захапляла Іосіфа Аляксандравіча, што пошук і збор інфармацыі пра жыццё і дзейнасць Касцюшкі сталі для яго сапраўдным хобі. Але ж і хобі часам дае добры плён — у акадэмічнай серыі «Нашы славутыя землякі» выйшла кніга Іосіфа Аляксандравіча (у сааўтарстве з У. Емяльнянчыкам) «Нарадзіўся я ліцвінам...», прысвечаная кіраўніку паўстання 1794 г.

Заслугі прафесара ў даследаванні трох статутаў ВКЛ прызнаюцца не толькі беларускімі вучонымі, але і іх польскімі і літоўскімі калегамі. Наш слынны навуковец здолеў, у прыватнасці, пераканаўча даказаць, што галоўнай крыніцай пры падрыхтоўцы праектаў статутаў было мясцовае звычайнае права.

Іосіф Аляксандравіч не баяўся вылучаць смелыя наватарскія ідэі, якія трывала замацаваліся ў айчынай гістарыяграфіі. Так, ён выказаў думку, што сярод складальнікаў Статута 1529 г. быў беларускі і ўсходнеславянскі першадрукар Францыск Скарына. Прафесар прапанаваў таксама свой падыход да вызначэння даты нараджэння Тадэвуша Касцюшкі — насуперак склаўшымся раней меркаванням даказаў, што гэта падзея адбылася 30 лістапада 1745 г. Навукоўцам былі вылучаны і іншыя арыгінальныя ідэі, што, канечне, сведчыць пра творчае асэнсаванне ім беларускай гісторыі.

Пра сябе ён чамусьці не любіў расказаць. Яшчэ раз падкрэслаю — быў прафесар надзвычай сціплым чалавекам. Вельмі рэдка распавядаў пра фронт, пра вайну. З таго, што было пачута і запомнілася, — успамін Іосіфа Аляксандравіча пра бацькоўскі дом у Мінску, які стаў на беразе Свіслачы ў раёне сучаснага тэлецэнтра на вуліцы Камуністычнай. Калісьці здзівіў прызнаннем, што ў маладосці хацеў стаць святаром — каталіцкім ксяндзам.

Такім — неардынарным вучоным, таленавітым педагогам, сапраўдным падзвіжнікам гісторыі Беларусі — гэты чалавек застаўся ў маёй памяці і памяці многіх іншых людзей. Упэўнены — Іосіф Аляксандравіч Юхо годны і нашай памяці, і нашага ўшанавання.

И. А. ЮХО

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССИИ В XVI в.*

ВВЕДЕНИЕ

Население белорусских земель с древнейших времен тесно связано с литовским народом общностью экономической, культурной и военно-политической жизни. Особенно взаимосвязи усилились в конце XII — первой половине XIII в., когда на исторической арене появилось новое крупное государство — Великое княжество Литовское, сложившееся как результат белорусско-литовского общественного синтеза¹. Общность белорусского народа с литовским была настолько близкой, что в летописях, хрониках, мемуарах, официальных документах того времени, а также в позднейших источниках Белоруссия, и в первую очередь ее западные области, именовалась Литвой, а население — литвинами². Территориальную, этнографическую и культурную основу Великого княжества Литовского составляли белорусские земли, а белорусский город Новогородок (Новогрудок) был первой столицей государства³.

Все это в значительной степени предопределило историческую преемственность политического строя Великого княжества Литовского, в котором сохранялись «главнейшие черты удельно-земского строя древнерусской истории»⁴, что в свою очередь позволило многим историкам называть это государство Литовско-Русским⁵.

Правовая система Великого княжества Литовского явилась результатом синтеза правовых систем Белоруссии (Западной Руси), Литвы и Украины, норм древнерусского права и правовых норм отдельных княжеств, она складывалась во взаимосвязи с церковным правом (русско-византийским и римско-католическим) и правом соседних государств. Однако подавляющую часть земского права составили нормы, выработанные законодательной практикой XV—XVI вв. под воздействием экономических условий жизни, классовой борьбы и борьбы отдельных группировок внутри господствующего класса.

Избирая предметом своего исследования правовое положение населения Белоруссии и основные черты права в XVI в., автор исходил из того, что в этот период было проведено закрепощение крестьян, наиболее полно оформлены права и привилегии класса феодалов и сословия шляхты, юридически оформлялось сословие мещан, окончательно сложилась система земского права, единая для всего государства.

Анализ правового положения классов и социальных групп населения, а также изучение основных отраслей права, действовавшего в Белоруссии в

* Друкеуца па кнізе: Юхо И. А. Правовое положение населения Белоруссии в XVI в. Минск: Изд-во БГУ, 1978.

XVI в., позволяет полнее познать историю белорусского народа, его мировоззрение и культуру, историю классовой борьбы.

Первым белорусским ученым, начавшим разработку правовых проблем, был Франциск Скорина. В своих высказываниях о праве он выдвигал идею о том, что в каждом государстве право создается народом со «своими старейшими», и тем самым подрывал религиозную теорию о божественном происхождении и неизменности права. Он считал: в целях лучшего общественного устройства необходимо добиваться, чтобы все право в целом и каждый закон в отдельности были добропорядочными, справедливыми, могущественными, полезными, изданными в соответствии с обычаями данной земли, временем, не имели двусмысленного значения и были направлены на достижение общего блага, а не к выгоде отдельных лиц⁶.

Государственно-правовые проблемы освещались в произведениях философов, историков и политических мыслителей XVI—XVII вв. С. Будного⁷, А. Волана⁸, Л. Гусовского⁹, Михалона Литвина (М. Тишкевича)¹⁰, К. Лыщинского¹¹, Л. И. Сапеги¹² и др.

Присоединение Белоруссии и Литвы к России во второй половине XVIII в. создало благоприятные предпосылки для быстрого роста экономики и культуры белорусского народа. На развитие правовой науки плодотворное влияние оказали прогрессивные идеи русских юристов С. Е. Десницкого и А. Н. Радищева. Развитию юридической науки способствовало преобразование в 1803 г. Виленской духовной академии в университет и открытие ряда лицеев и университетов в западных губерниях Российской империи, в которых велось преподавание юридических наук. Издававшиеся в Петербурге, Москве, Харькове, Киеве, Казани и других городах труды по юридическим наукам получали известность и в Белоруссии.

Таким образом, к началу XIX в. уже была подготовлена почва для начала научной разработки истории права.

Первым научным исследованием, посвященным истории права Великого княжества Литовского, была работа профессора Кременецкого лицея Т. Чацкого «О литовском и польском праве, его духе, источниках, связях и о содержании первого статута, изданного для Литвы в 1529 г.», опубликованная впервые в Варшаве в 1800—1801, а затем в 1844—1845 и 1861 гг.¹³

В исследовании Т. Чацкого дан общий обзор истории законодательства и предпринята попытка определить источники права Польши и Великого княжества Литовского, изложено содержание некоторых грамот (привилеев) Великого княжества Литовского, рассмотрены порядок летоисчисления и монетно-денежная система. Основное место в работе занимает пересказ текста Статута 1529 г. и обширные комментарии и исторические справки к нему. Чацкий первым подверг критике ошибочные взгляды польских юристов XVII—XVIII вв., которые, находясь под влиянием католического духовенства, считали, что право Польши и Великого княжества Литовского имело своим источником римское право, и начал исследование права Великого княжества Литовского в его историческом развитии. Вместе с тем он исходил из ошибочной, норманнской теории происхождения славянских государств и права, утверждая, что главным источником права,

содержащегося в статутах, были «обычаи и традиции северных народов и германцев»¹⁴.

Ошибочные и тенденциозные утверждения Т. Чацкого подверглись критике в трудах русских и некоторых польских ученых. Так, уже в 1816 г. Самуэль Линде издал в Варшаве книгу «О литовском статуте, изданном и опубликованном на русском языке»¹⁵, в которой дал анализ языка первоначальных текстов статута, их историю, сравнил и выявил ошибки в польских переводах. С. Линде первым правильно указал, что белорусский текст статутов является подлинным, а польские переводы — только «частным делом», содержат ряд непонятных и даже бессмысленных выражений, причем некоторые нормы вообще противоречат оригиналу.

Ошибочные взгляды Т. Чацкого о заимствовании германского права славянскими народами подверг обстоятельной критике И. Б. Раковецкий в двухтомном труде «Русская Правда, или Права великого князя Ярослава»¹⁶, изданном на польском языке в Варшаве в 1820—1822 гг. По его мнению, сходство норм славянского права с правом других народов вытекает не из заимствования права, а из сходных условий жизни, которые порождают подобные нормы. Другой причиной подобия норм он считал происхождение их из общих для нескольких народов источников. И. Б. Раковецкий полагал, что все славянские народы в древности имели единый сборник правовых норм, который впоследствии был утрачен, но некоторые его нормы сохранились в Русской Правде. Он допускал также возможность рецепции отдельных норм права одними народами у других. Основной вывод И. Б. Раковецкого о том, что право славянских народов имеет своим источником древние народные обычаи и правила, послужил основой для нового направления исследований истории права всех славянских народов. Он первым начал вести научные исследования по сравнительной истории права славянских народов.

Значительный вклад в изучение права Белоруссии и Литвы внес И. Данилович, работавший в Виленском, Харьковском, Киевском, Московском университетах и в комиссии Сперанского, в которой занимался составлением свода местных законов западных губерний. В Виленском университете И. Данилович читал курс лекций по русскому и местному (т. е. Белоруссии и Литвы) праву. Ему принадлежит заслуга открытия и публикации ряда памятников права Белоруссии и Литвы. Так, в 1826 г. он опубликовал текст Судебника 1468 г., подготовил к печати Статут 1529 г. на белорусском языке, сборник документов «Скарбец дипломатов» («Сокровищница актов»), в котором сохранились выдержки и описи 2383 актов по истории государства и права Белоруссии и Литвы. И. Даниловичем написано ряд работ по истории права: «Взгляд на литовское законодательство и литовские статуты», «Кодекс Наполеона в сравнении с польским и литовским правом»¹⁷.

Вопросам гражданского и уголовного судопроизводства в Белоруссии и Литве были посвящены изданные на польском языке в первой половине XIX в. работы А. Коровицкого¹⁸.

В развитие науки истории государства и права значительный вклад внесли историки права Московского, Петербургского, Киевского и других универ-

ситетов: М. Ф. Владимирский-Буданов¹⁹, Г. В. Демченко²⁰, М. В. Довнар-Запольский²¹, И. И. Лаппо²², Ф. И. Леонтович²³, М. К. Любавский²⁴, Н. А. Максимейко²⁵, И. А. Малиновский²⁶, М. Н. Ясинский²⁷ и др. Они дали научный анализ норм феодального права Белоруссии, Литвы и Украины, выявили, проанализировали и опубликовали значительное количество законов, судебных решений и другого актового материала.

Идейная слабость работ буржуазных историков права заключалась прежде всего в том, что в своих исследованиях они оставляли вне поля зрения классовую борьбу, игнорировали роль народных масс в истории государства и права, преувеличивали политическую роль князей и королей, восхваляли мнимую демократию шляхетства в Великом княжестве Литовском.

Значительное число трудов по истории феодального права Великого княжества Литовского опубликовали польские историки права Я. Адамус²⁸, Ю. Бардах²⁹, Ю. Вольф³⁰, С. Кутшеба³¹, Г. Ловмянский³², которые собрали и исследовали ценные документальные источники по истории общественного и государственного строя Великого княжества Литовского, о его уния с Польшей, о судостроительстве, процессуальном и материальном праве.

Историко-юридические исследования в Советской Белоруссии начали проводиться в 1922—1923 гг. после открытия в Минске университета. Первые труды по истории феодального права Белоруссии и социально-правовому положению населения в период феодализма принадлежат В. И. Пичете³³ и его ученикам А. Бурдзейко³⁴, В. Д. Дружчицу³⁵, Т. И. Забелло³⁶.

Социально-политическая история Белоруссии и Литвы и правовое положение населения освещались и другими советскими историками³⁷. Общие вопросы истории феодального права Белоруссии и Литвы изложены в учебниках по истории государства и права СССР³⁸. Отдельные вопросы феодального права Белоруссии и Литвы освещены в Большой советской энциклопедии, Советской исторической энциклопедии, Белорусской советской энциклопедии, а также в периодической печати Белоруссии, Литвы и Украины.

Для изучения истории права и правового положения населения имеет важное значение публикация источников права.

Начало публикации правовых актов относится к 80-м годам XVI в., когда были опубликованы закон о главном трибунале и Статут 1588 г. Статут неоднократно переиздавался в XVII и XVIII вв. В XVIII в. было осуществлено издание сборника законов, известного под названием «Волюмина легум»³⁹. Большое количество правовых актов по истории права Белоруссии было опубликовано в XIX—XX вв. в многочисленных трудах, издававшихся в Петербурге, Вильно, Киеве и других городах.

В Советской Белоруссии публикация документов осуществлялась в сборнике «Белоруссия в эпоху феодализма»⁴⁰, в «Беларускім архіве»⁴¹, «Гісторыі Беларусі ў дакументах і матэрыялах»⁴². Академией наук БССР в 1960 г. было осуществлено издание Статута Великого княжества Литовского 1529 г. с вводящей статьей академика В. И. Пичеты.

В настоящей книге исследуются не все отрасли права, не все источники права получили исчерпывающее освещение, так как ряд вопросов, особенно

тех, которые касаются государственного и уголовного права, были рассмотрены в работах других ученых. Многие правовые институты, нормы права и источники, рассмотренные в работе, были общими для Белоруссии, Литвы и Украины, поэтому во многих случаях, когда автор говорит о праве, действовавшем в Белоруссии, сказанное относится к праву Литвы и Украины.

Глава I СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Основные черты экономики

Характерной чертой всей феодальной экономики являлось «мелкое производство, основой которого была частная собственность работников на их средства производства: в деревне — земледелие мелких крестьян, свободных или крепостных, в городе — ремесло»¹. Основным производителем всех необходимых продуктов продолжал оставаться крестьянин в селе и мелкий ремесленник в городе.

В первой половине XVI в. феодальное сельское хозяйство приобрело черты, связанные с развитием товарно-денежных отношений и увеличением спроса на сельскохозяйственные продукты в городах, а также для вывоза за границу. По всей Белоруссии стали насаждаться феодальные фольварки, в которых основные работы выполнялись феодально зависимыми крестьянами или даже свободными людьми по принудительному или вольному найму. Главное их отличие от старых имений заключалось в том, что основная часть продукции, полученной в фольварке, не предназначалась для обеспечения личных нужд феодала и его двора, а в качестве товара вывозилась на местный или заграничный рынок. Развитие фольварков шло особенно быстро после издания закона 1557 г. «Устава на волоки господаря короля его милости во всем Великом князстве Литовском», которым предписывалось создавать новые фольварки при всех замках и дворах. Эта система хозяйствования повлекла за собой усиление гнета и эксплуатации всех категорий крестьян и мелкой безземельной и малоземельной шляхты.

Имение феодала состояло из одного или нескольких землевладений, расположенных в разных местностях. В него включались земли, непосредственно принадлежавшие пану (барская запашка), земли, переданные во временное пользование другим, более мелким феодалам или сданные в аренду, а также крестьянские земли, собственником которых в XVI в. стал считаться уже феодал. Государственными или великокняжескими землями признавался весь земельный фонд, не находящийся в собственности отдельных феодалов или горожан. Государственными имениями великий князь мог распоряжаться только с согласия панов-рады, но четкого разграничения личных владений великого князя от государственных в XVI в. еще не существовало².

Основным занятием большинства населения городов стали ремесло и торговля. Появились новые профессии. В исторических источниках названо около 200 профессий, существовавших в то время в Белоруссии. Для защиты своих интересов против насилия феодалов и конкуренции со стороны крепостных ремесленников городские ремесленники объединялись в союзы по профессиям — цехи. Некоторые цехи в крупных городах объединяли по 200—300 мастеров, подмастерьев и учеников³, но чаще всего это были малочисленные цехи с 5—10 человеками. Совершенствовались орудия труда ремесленников. Развернулось производство бумаги, стеклянных изделий, кирпича, шире стали применяться водяные мельницы.

Характерной чертой ремесленного производства в XVI в. становится производство продукции не только на заказ, но и на рынок, причем в реализации продукции видное место начинает играть торговец — перекупщик, а в финансировании ремесленника — ростовщик. О значении внутренней торговли ярко свидетельствует тот факт, что только в Могилеве в конце XVI в. насчитывалось свыше 400 лавок⁴. Белорусские купцы поддерживали постоянные торговые связи с городами России, Украины, Литвы, Польши, Прибалтики, а через них — с купцами других стран.

Быстро развивалось книгопечатание. Были созданы типографии в Вильно, Бресте, Несвиже, Слуцке, Заблудове, Лоске, Ивье, Заславле и других городах и местечках. Книгопечатание и водяные мельницы, по мнению К. Маркса, послужили предпосылками буржуазного развития⁵.

В связи с развитием товарно-денежных отношений и ростом торговли были приняты законы по обеспечению надлежащего состояния дорог, мостов, судоходных и сплавных рек, водяных мельниц и иных сооружений на реках, законы против самовольного установления феодалами платы за проезд через их владения или по их мостам и дорогам, запрещалось передавать одному лицу монопольное право на аренду или заведывание государственными доходами, была сделана попытка установить единые для всего государства меры длины, веса, объема, а также урегулирования цен на товары⁶.

Разделение труда между городом и деревней способствовало росту товарного производства и рыночных отношений, что в значительной степени оказало влияние на разрушение замкнутости крестьянского натурального хозяйства. Для успешного ведения хозяйства и выполнения повинностей перед феодалом и государством необходимы были деньги. Крестьянин мог добыть их только за счет продажи продуктов своего труда или своей рабочей силы. Но для этого он вынужден был увеличивать интенсивность и производительность своего труда или наниматься на работу. Феодал стремился получить необходимые ему денежные средства за счет усиления эксплуатации крестьян, увеличения размера взыскиваемого с крестьян денежного оброка (чинша), а также за счет увеличения товарности своего имения. В конце XV в., по словам Ф. Энгельса, «деньги уже подточили и разъели изнутри феодальную систему»⁷. Стремление к наживе стало основным стимулом в деятельности феодалов. Они увеличивали повинности крестьян, стали принимать активное участие в различных торговых и финансовых сделках.

Изменения в экономике городов сказались в росте количества городов и местечек и численности городского населения, которое в XVI—XVII вв. составляло примерно 16 % всего населения Белоруссии, а число городских поселений, по подсчетам З. Ю. Копысского, к середине XVII в. превышало 350⁸. Города были основными центрами ремесла и торговли. В них же размещались органы государственной власти и суда, религиозные и культовые учреждения. Местечком именовалось небольшое поселение городского типа, как правило, не являвшееся административным центром данной местности и не имевшее постоянных (действующих) оборонительных сооружений, замков.

Развитие городов Белоруссии, хотя и медленно, но неуклонно оказывало большое влияние на все феодальное общество, заставляя его переходить на более высокую ступень общественного развития.

Правовое положение класса феодалов и сословия шляхты

В феодальном обществе социальный состав населения характеризовался наличием двух основных классов: феодалов и феодально зависимых крестьян.

Класс феодалов, составлявший небольшую часть населения, занимал господствующее положение в экономической, политической и идеологической жизни общества. Экономическое господство феодалов основывалось как на феодальной собственности на землю, так и, по словам К. Маркса, на «внеэкономическом принуждении»⁹ и присвоении классом феодалов прибавочного продукта в виде различных форм феодальной ренты. В XVI в. в Белоруссии сочетались три формы ренты: отработочная (барщина), рента продуктами (натуральный оброк) и денежная рента. Кроме этих повинностей крестьяне вынуждены были платить серебщину, нести военную, сторожевую, подводную повинности в пользу государства, поставлять духовенству часть своих продуктов, а также содержать местную администрацию.

Политическое господство феодалов определялось тем, что все важнейшие должности государственного аппарата как в центре, так и на местах занимались феодалами. Они определяли направление всей внутренней и внешней политики государства.

Идеологическое господство феодалов выражалось прежде всего в религии господствующей церкви, нормах феодального права и морали, было отражено в летописях, хрониках, песнях, легендах и т. д. Например, в белорусских летописях обращает на себя внимание подчеркивание величия и знатности фамилий крупных феодалов, воинской доблести и государственной мудрости великих князей. Приданию ореола знатности феодалам, а также обоснованию необходимости укрепления связей с католическим Римом служила легенда о переселении из Древнего Рима в Литву и Белоруссию аристократической верхушки Великого княжества Литовского. Этой цели служили «Похвала великому князю Жигимонту»¹⁰ и рассказ о поведении поляков во время Грюнвальдской битвы. Так, летописец писал, что со стороны поляков в битве учас-

твовал только коморный отряд Ягайло, т. е. его личная гвардия, «а прочие польские войска им ничем не помогали, только на это смотрели»¹¹. Господствующая феодальная идеология распространялась и поддерживалась духовенством, которое обосновывало необходимость повиновения трудящихся господам ссылками на библейские тексты и сочинения средневековых богословов, отстаивало верховенство церковной власти над светской, поддерживало притязания папы римского на руководство всеми католическими государствами. Кроме того, духовенство, удерживая монополию на руководство учебными заведениями, не допускало простых людей к образованию, даже чтение Библии было запрещено простым людям. Поэтому борьба с церковной идеологией была вместе с тем борьбой за раскрепощение и просвещение народа.

Кроме светских феодалов к господствующему классу принадлежали и церковные феодалы, т. е. верхушка католического и православного духовенства. В их владении находились целые районы, население которых фактически было исключено из общегосударственной юрисдикции и находилось в ведении церковных властей.

Класс феодалов в экономическом и правовом отношениях не представлял собой единого целого. Он подразделялся на ряд групп в зависимости от количества феодально зависимых людей, размера землевладений, занимаемой в государственном аппарате должности, родственных связей.

К наиболее привилегированной группе относились князья, паны радные и паны хоругвные. Панами радными именовались крупные феодалы, входившие в раду (совет), в ведении которой находились все важнейшие государственные дела. Панами хоругвными назывались паны, выезжавшие во время сборов ополчения со своими отрядами и под своими знаменами и не становившиеся под знамена поветов. Чаще всего панами радными и панами хоругвными были представители одних и тех же фамилий. Эту группу феодалов составляли наиболее богатые лица, владевшие целыми поветами, княжествами или наместничествами. Например, князь Олельковичи владели обширным Слуцким княжеством, Радзивиллы — Несвижским поветом и многими землями по всей Белоруссии и Литве, Сапегы — Ружанами, Лепелем, Череей. Князь Иван Андреевич Можайский в 1465 г. получил в отчину, т. е. в частное владение, все брянские земли.

К менее знатным феодалам относились собственники небольших и средних имений, которые владели «доброй оселостью», имели собственные землевладения и зависимых от себя крестьян.

Промежуточное положение между классом феодалов и классом крестьян занимала малоземельная и безземельная шляхта, которая по своему имущественному положению смыкалась с классом крестьян, а по правовому положению входила совместно с феодалами в одно сословие шляхты.

Сословие шляхты в зависимости от правового и материального положения подразделялось на две части: феодалов и военно-служилых людей, не имевших зависимых от себя крестьян. Все феодалы входили в сословие шляхты и именовались в зависимости от того, к какой группе принадлежали, князьями, панами, боярами-шляхтой, землянами или шляхтой «добра оселой». Они, как правило, имели свои гербы или наделялись таковыми, получив шляхетство от

государя¹². К военно-служилым людям относились: шляхта, не имевшая феодально зависимых людей, владевшая небольшими участками земли на праве собственности и обрабатывающая их собственным трудом (застенковая, или загородная, шляхта); безземельная шляхта, или служилая шляхта, жившая за счет службы у крупных феодалов или аренды у них небольших участков земли, которые обрабатывала собственным трудом.

Процесс становления и правового выделения феодалов и военно-служилых людей в привилегированное сословие шляхты протекал на протяжении нескольких веков. Начальные моменты юридического (законодательного) закрепления прав и привилегий класса феодалов можно проследить уже в источниках права XIII—XIV вв., а окончательное оформление правового закрепления льгот и преимуществ сословия шляхты было осуществлено в общеземских грамотах XV в. и статутах 1529, 1566 и 1588 гг. Следует иметь в виду, что употребление термина «шляхта» на территории Белоруссии закрепилось в законодательной практике только в XVI в., а до этого времени чаще всего употреблялся термин «бояре». В XVI в. боярами, боярами путными, боярами панцирными стали именовать особую категорию служилых крестьян, не вошедших в сословие шляхты. В актах XIV—XV вв. чаще всего для обозначения привилегированного сословия употреблялись термины «бояре», «земяне», «рыцари», «шляхта». Например, в общеземском привилее 1447 г., термины «рыцари», «шляхтичи», «бояре» обозначали одну и ту же категорию сословия шляхты, в подобном значении эти термины употреблены и в Статуте 1529 г.

Из правовых актов, летописей, хроник и других источников видно, что весь класс феодалов и свободные военно-служилые люди занимали привилегированное положение как в XIV, так и в XV в. Поэтому следует признать ошибочным утверждение М. К. Любавского о том, что сословие шляхты было учреждено одним актом — Городельским привилеем 1413 г.¹³ Это сословие начало складываться задолго до 1413 г. М. К. Любавский исходил из того, что, по его мнению, принятие католической веры и гербов было необходимым атрибутом шляхетства, а в 1413 г. 47 семей феодалов и приняли польские гербы. То есть он считал, что сословие шляхты было создано волею этих семейств и они составляли все сословие. На самом же деле привилей 1413 г. не был главным актом, учредившим сословие шляхты, им была сделана только попытка создания формальных условий для зачисления лиц в сословие шляхты. Наоборот, этот привилей тормозил процесс консолидации сословия, так как в нем была предпринята попытка исключить православных военно-служилых людей из состава привилегированного сословия шляхты. Поэтому формальные условия Городельского привилея были отменены уже привилеями 1432, 1434 и 1447 гг., после издания которых всеми привилегиями сословия бояр-шляхты могли пользоваться все феодалы и часть свободных военно-служилых крестьян независимо от вероисповедания и наличия гербов. В 1563 г. ограничительные статьи Городельского привилея еще раз были отменены в законодательном порядке.

Для признания лица шляхтичем, или по терминологии XV — начала XVI в. боярином, первоначально не требовалось наличия каких-либо формальных ус-

ловий, для этого достаточно было нести военную повинность в ополчении великого князя или иного крупного феодала.

Переход простого свободного человека или даже зависимого крестьянина в сословие бояр-шляхты мог осуществляться различными путями. Чаще всего великий князь или иной пан переводил зависимого от себя человека с крестьянской повинности на военно-служилую. Например, в грамоте, выданной от имени великой княгини Боны в 1526 г. пинскому крестьянину Лукьяну Полоховичу Дмитровичу и его братьям, говорилось: «На его чоломбитье то есмо вчинили и службы тяглое их есмо вызволили и казали есмо им нам службою военною, часу войны, з их отчизны поспол з иншими бояры нашими Пинскими, межы которых их на боярство поличаем, як на то служить; а службы тяглое им не знати, а ни поплатов платити»¹⁴.

Звание шляхтича могло быть пожаловано великим князем независимо от наличия имения и несения военной службы. Это чаще всего делалось в отношении лиц, служащих непосредственно князьям и имевших особые заслуги перед государством. В случае возникновения сомнений или спора о принадлежности к сословию шляхты заинтересованное лицо могло доказать свое шляхетство в судебном порядке¹⁵. В таком случае основными доказательствами могли служить показания родственников-шляхтичей или соседей-шляхтичей, а также грамоты и решения судов. Это позволяло воеводам, старостам, державцам и их наместникам, а также судьям земских судов признавать шляхтичами лиц, принадлежность которых к шляхетскому сословию была сомнительной. Еврей или еврейка, перешедшие в христианскую веру, автоматически признавались шляхтичами вместе со своим потомством¹⁶. Простая женщина, вышедшая замуж за шляхтича, приобретала достоинство шляхтянки, а их дети считались шляхтичами. Но мужчина-нешляхтич, женившись на шляхтянке, не становился автоматически шляхтичем, не приобретали шляхетства и их дети. Утрата шляхетского достоинства могла произойти по суду за совершенное уголовное преступление, при изгнании из царства (баниция или выволанье), а также в случае профессионального занятия ремеслом или торговлей. В последнем случае шляхетское достоинство восстанавливалось автоматически после оставления этих занятий¹⁷. Возможность перехода простых людей в сословие шляхты была в значительной степени ограничена во второй половине XVI в. ст. 26 раздела III Статута 1588 г., в силу которой простые люди не имели права приобретать шляхетские имения и тем самым самовольно присваивать себе честь именоваться шляхтой.

Правовое положение всего сословия шляхты резко отличалось от правового положения простых людей. Все шляхтичи могли владеть землей в неограниченных размерах на праве собственности, были освобождены от налогов и повинностей, кроме обязанности несения военной службы во время войны и уплаты денег на военные нужды, собираемых по решению сейма, имели право беспрошлинно вывозить за границу продукты своих хозяйств, беспрепятственно выезжать за границу. В законодательных актах провозглашалась неприкосновенность личности и имущества шляхтичей. Они оставались вольными людьми независимо от того, сколько времени находились в услужении у пана

или жили на арендованной у него земле. Они имели право оставить службу у одного пана и перейти на службу к другому. Только шляхтичи имели право занимать должности в государственном аппарате и участвовать в заседаниях сейма.

Крупные феодалы (магнаты) выделялись из общей массы шляхты тем, что они не только имели права, но и фактически ими пользовались. Кроме того, их юридические права были несколько шире, чем права рядовой, и особенно малоземельной и безземельной, шляхты. Они занимали все важнейшие должности в государстве, заседали в раде и сейме, руководили внешней и внутренней политикой, осуществляли правосудие. Их имения-отчины представляли собой государства в государстве, где полноправным государем был хозяин. Магнаты осуществляли властные полномочия над всем населением, проживающим в пределах их владений, независимо от его классовой и сословной принадлежности. Они имели собственные войска, которые комплектовались из зависимых от них шляхтичей, бояр и частично простых крестьян. В отряды таких феодалов, как князя Слуцкие, Радзивиллы, Ходкевичи, иногда собиралось по несколько тысяч человек.

Значительно ограниченнее было фактическое и правовое положение мелкой шляхты, особенно безземельной. Она не могла занимать выборных должностей, на нее не распространялось правило о недопустимости тюремного заключения без суда, суд над мелкими шляхтичами могли осуществлять не выборные суды, а паны. Служащий у пана мелкий шляхтич не имел права без согласия хозяина оставить у него службу. В случае самовольного ухода он наказывался по закону арестом на трое суток, а фактически пан мог с ним расправиться по своему усмотрению¹⁸. Если же шляхтич за службу получил у пана имение, а затем без ведома и воли господина перешел на службу к другому пану, то он подлежал заключению в тюрьму на четверть года¹⁹. Имущественное положение малоземельной и безземельной шляхты было хуже положения некоторых категорий крестьян, а своими правовыми привилегиями она фактически не могла пользоваться. Некоторые безземельные и малоземельные шляхтичи-однодворцы обязаны были выполнять даже такие крестьянские повинности, как несение сторожевой службы в замках, косить сено для великокняжеских дворов и т. д. В 1551 г. шляхта обращалась с просьбой к великому князю и раде об освобождении ее от этих повинностей, на что был дан отказ: «...кто перед тым сено кошивал, замков и Москвы стерегивал, и подводы даивал, тот тое и теперь и на потом полнити повинен, а хто перед тым не был на то повинен, тот и теперь от того волен»²⁰. Все это в значительной степени сближало мелкую шляхту с простыми крестьянами.

Особое положение в социальной структуре общества занимало духовенство. Его верхушка — митрополит, епископы, настоятели монастырей, владея имениями, имели своих зависимых людей — шляхту, бояр, простых крестьян и входили в класс феодалов. Низы духовенства относились либо к простой шляхте, либо примыкали к мещанам или свободным крестьянам. Но все духовенство (католическое и православное) составляло привилегированное сословие, права и льготы которого во многом совпадали с правами шляхты. Особен-

ностью сословия духовенства было то, что его сословные права не передавались по наследству и для вступления в это сословие необходимо было выполнить определенный обряд посвящения в духовный сан. Их не могли судить низшие государственные суды, а католических ксендзов и епископов — даже великий князь с панами-радой. Для них высшей судебной инстанцией была римская курия.

Анализ источников права и иных документов позволяет сделать вывод, что классовая и сословная дифференциация общества в Белоруссии не заимствована из-за границы, как об этом утверждали буржуазные историки (И. Данилович²¹, Н. Дашкевич²², Т. Чацкий²³), и не явилась результатом принятия какого-либо юридического акта (М. Ф. Владимирский-Буданов²⁴, М. К. Любавский²⁵), а возникла в процессе длительного исторического развития производительных сил и сложившихся на их базе феодальных производственных отношений.

Крестьяне, их имущественное и правовое положение

Феодальное крестьянство Белоруссии было главным производителем продуктов. Крестьяне вели мелкое хозяйство и обслуживали в порядке барщинных повинностей хозяйство феодалов. Они же составляли и значительную часть армии во время сбора ополчений (посполитого ружения). В правовых и иных актах того времени крестьян именовали селянами, людьми, а также простыми людьми и подданными. Эти термины охватывали всех вообще крестьян или даже всех простых людей без учета их имущественного и правового положения.

Все зависимые крестьяне подразделялись на людей господарских, зависимых непосредственно от великокняжеской хозяйственной администрации, людей панских (владельческих), зависимых от отдельных феодалов, и церковных, зависимых от церквей, монастырей и высшего духовенства. Наиболее зажиточные крестьяне, выполнявшие военную повинность или несшие другую службу (езда гонцами, участие в охоте и т. д.), именовались боярами, боярами путными, панцирными, боярами-слугами. Они за свою службу могли пользоваться двумя волоками (около 42 гектаров) земли и не обрабатывали барщину. Если в какой-либо год они не несли военной или иной службы при имении, то обязаны были вносить денежную подать (чинш) в размере до 60 грошей и оброк натурой. Они признавались свободными и при определенных условиях имели право перехода к другому феодалу. В случае убийства боярина виновный обязан был по Статуту 1566 г. уплатить семье убитого головщину в размере от 30 до 50 коп грошей, а за убийство женщины из семьи боярина — в двойном размере.

Основную массу зависимых от феодала крестьян составляли люди тяглые, осадные и огородники. Тяглый крестьянский двор мог пользоваться одной волокой пахотной земли и обязан был нести следующие повинности: обрабатывать барщину по два дня в неделю со своими орудиями труда и дополнительно

еще обрабатывать летом четыре дня толок, ремонтировать и строить мосты, дорогу, замки, нести сторожевую службу, косить сено для имения, выполнять подводную повинность, платить денежный налог — серебцину и некоторые мелкие подати натурой. Если в имении для всех крестьян не было необходимых работ, то некоторые из них освобождались от барщины и переводились в разряд осадных крестьян, которые вместо барщины обязаны были платить 30 грошей осадного и обрабатывать 12 дней толок или взамен толок вносить 12 грошей. Кроме того, они должны были нести и другие повинности: платить серебцину, косить сено и т. д.

Имущественное положение осадных и тяглых крестьян не было равным. Некоторые из них имели не только наемных работников, но и зависимых от себя крестьян-огородников. Расслоение крестьянства и эксплуатация богатыми бедных крестьян были распространенным явлением, материальное положение богатых крестьян — более устойчивым, чем безземельной шляхты.

В наиболее тяжелом положении находились крестьяне-огородники. Их земельные наделы равнялись трем моргам земли (немного больше двух гектаров). Если они увеличивались, то возрастали и повинности. Основной повинностью были барщинные работы по одному дню в неделю и дополнительно в течение лета шесть дней на жатве или прополке. В связи с тем что одна волока земли делилась на 9—10 семей огородников, они отбывали 9—10 дней барщины с одной волоки в неделю, в то время как тяглые крестьяне — только по 2 дня.

Основными источниками пополнения числа огородников были перевод невольной челяди на землю, разорение и ограбление крестьян во время войн и феодальных междоусобиц, эксплуатация крестьян феодалами и местной администрацией. Законодательные акты второй половины XVI в. прямо предписывали великокняжеской администрации и даже отдельным феодалам переводить челядь в разряд огородников. Так, в ст. 21 раздела XII Статута 1588 г. говорилось: «Челядь невольная и теж дети потомки полонеников мають быти осаживаны на землях и разумены быти за отчичов, а татарские невольники мають быти осаживаны на их землях».

Для того чтобы заставить крестьян своевременно выполнять все повинности, устанавливались различные имущественные взыскания и телесные наказания. Например, в законе о волоках 1557 г. предусматривалось наказание для государственных и великокняжеских крестьян за невыход на барщину без уважительных причин: за первый день — штраф в один грош, за второй — отдать барана, за третий — телесные наказания плетью.

В зависимости от того, имели или не имели право перейти от одного феодала к другому, крестьяне подразделялись на похожих и непохожих. Похожие крестьяне могли оставить одного феодала и перейти к другому при условии, что они не «заседали» срока давности в десять лет и при уходе рассчитаются с феодалом²⁶. Повинности похожих крестьян в основном совпадали с повинностями той категории зависимых крестьян, к которой они присоединялись. Они обязаны были отдавать господину одну четвертую часть продуктов своего труда или отбывать барщину не менее двух дней в неделю. Если похо-

жий человек осаживался на целине («на сыром корени»), то он освобождался от повинностей на пять лет²⁷.

Переход непохожих крестьян (отчичей) от одного феодала к другому рассматривался как противоправное действие, но если господин знал о новом месте пребывания своего самовольно ушедшего крестьянина и в течение определенного срока не потребовал его возвращения, то утрачивал право на его истребование²⁸. Сбежавшая челядь невольная подлежала возврату господину независимо от сроков давности.

Особое положение среди сельского населения занимали крестьяне-данники. Размер их пахотных земель не был определен и зависел только от количества трудоспособных членов двора, наличия орудий производства и скота в хозяйстве, а также от возможности освоения целинных земель в данной местности. Повинности их определялись независимо от размера пахотных земель и налагались на деревню или волость в целом. Сами крестьяне на общей сходке избирали старца, который являлся местным должностным лицом, разверстывали повинности по крестьянским хозяйствам (дымам). Собираемые с крестьян-данников подати сохраняли старинные названия: полюдье, дякло, куница, серебщина, стаии. Например, простые люди Чечерской волости вносили полюдье по 1 грошу. Дякло вносилось натурой — овсом, сеном. Куница — денежный взнос, который равнялся 6—12 грошам. Серебщиной назывался денежный налог, собираемый на военные нужды. Стация — повинность доставки продуктов питания великому князю или его представителям во время их пребывания в данной местности. В XVI в. вместо поставок продуктов питания администрация стала взыскивать с крестьян стаии деньгами. Крестьяне-данники вносили дань медом, шкурками бобров, куниц и других животных, а также обязаны были выполнять работы по содержанию и строительству замков, мостов, дорог, нести сторожевую службу, принимать участие в военных походах. Собранные с данников денежные и натуральные подати старцы обязаны были отвозить в казну или сдавать местным представителям государственной администрации. Крестьяне-данники непосредственно какому-либо феодалу не были подчинены и феодальные повинности несли только в пользу великого князя или феодального государства, т. е. присвоение феодальной ренты носило централизованный характер.

Создание новых фольварков и приписка к ним бывших свободных крестьян-данников, а также пожалование целых деревень и волостей отдельным феодалам привели к тому, что количество крестьян-данников в XVI в. резко сократилось, а количество тяглых крестьян, обязанных отбывать барщину, возросло.

Наиболее бесправными в Белоруссии в XVI в. продолжали оставаться холопы — челядь невольная. Количество их значительно сократилось, так как феодал считал содержание челяди невольной в имении неприбыльным делом и предпочитал переводить их на положение огородников. На уменьшение числа холопов повлияло и законодательство второй половины XVI в., направленное на ограничение источников пополнения челяди невольной²⁹.

Кроме указанных категорий крестьян в селах проживали безземельные лица — халупники, имевшие только свое жилье (хату, халупу), и кутники, ютившиеся по чужим углам (куткам). Не имея своих средств производства, они вынуждены были наниматься в работники к феодалам, состоятельным горожанам и крестьянам или заниматься ремеслом (гончарным, портняжным, сапожным), а состарившись — нищенствовать.

Правовое положение всех категорий крестьян характеризовалось их политическим бесправием, ограниченной гражданской правоспособностью. Им запрещалось занимать более или менее значительные должности в государственном аппарате. Они не допускались на сеймы. Их участие в политической жизни ограничивалось только местными волостными делами.

Основное ограничение прав крестьян заключалось в отрицании их права собственности на землю и запрещении им приобретать имения и земли. Так, в ст. 26 раздела III Статута 1588 г. было записано: «Простаго стану человек не осегнувши первой от нас господара вольности шляхетское имений и кгрунтов шляхетских ни которым обычаем поседати, а ни куплею своею на вечность держати не можеть». Собственником всех крестьянских земель признавался только феодал, о чем четко было записано в ст. 29 закона 1557 г. о волоках. Вместе с тем обычное право, административная и судебная практика в некоторой степени признавали права крестьян на землю, особенно в XV в. и первой половине XVI в.³⁰

Монополизировав право собственности на землю, феодалы пытались запретить крестьянам свободно продавать свои продукты на рынке. Например, в соглашении землевладельцев Витебского воеводства 1531 г. устанавливался штраф в размере 3 руб. за покупку у крестьян их продуктов без разрешения господина³¹. Однако такие ограничения вызывали недовольство не только крестьян, но и части феодалов, которая втягивалась в товарно-денежные отношения, а поэтому правящая верхушка вынуждена была издавать специальные законы, стимулирующие торговлю и обеспечивающие право крестьян свободно продавать продукты своего труда³². Например, в грамоте 1540 г., выданной крестьянам Свислочской волости, говорилось, что они могут свободно «всякое збожье и зверь мохнатый кому хотя продати, тамож мед пресный и быдло: врдники того им боронити не мають»³³. Все это свидетельствовало о том, что товарно-денежные отношения проникли в среду не только феодалов и мещан, но и крестьян, которые были основными поставщиками продуктов на местных рынках.

Личные права крестьян во многом зависели от усмотрения господина и его дворовой администрации. Зависимые крестьяне не могли без разрешения господина изменять или свободно избирать себе местожителство, род занятий. Они обязаны были выполнять все повинности, налагаемые на них феодалом и феодальным государством, подлежали суду феодала или его дворовой администрации. В отдельных случаях феодал мог освобождать крестьян от несения некоторых повинностей и предоставлять им более широкие права. Особенно широко такие льготы устанавливались для крестьян-данников и жителей приграничных областей, с тем чтобы они не уходили за границу или на юг, в

украинские степи. Определенные права и льготы государственных крестьян были закреплены в областных и волостных привилегиях. Например, привилеем, выданным в 1511 г. для крестьян поднепровских и задвинских волостей, запрещалось представителям великокняжеской администрации въезжать в эти волости и взимать с крестьян подати, которые они сами должны были в определенные сроки доставлять в казну³⁴.

Определенные права крестьян были закреплены и в статутах. Так, в Статуте 1588 г. предусматривалась уголовная ответственность шляхтича за убийство простого человека, устанавливались размеры имущественных взысканий в порядке возмещения вреда за убийства и ранения, нанесенные простым людям³⁵. Тем самым феодальное государство в целом, а также и отдельные феодалы вынуждены были в определенной степени несколько ограничивать произвол и издевательства над крестьянами. В этом отношении характерно распоряжение одного из крупных феодалов Белоруссии Льва Сапеги, требовавшего от своих управляющих, чтобы они берегли крестьян. Он писал: «Для вас крестьянин это холоп холопом, а у меня вельможным, ясновельможным потому, что если я крестьян не буду иметь, то и сам ясновельможным паном не буду»³⁶.

Анализ правового положения крестьян Белоруссии в XVI в. позволяет сделать вывод, что феодалы вынуждены были пойти на некоторые уступки крестьянам и принять законы более гуманные и прогрессивные, чем во многих странах Европы, в том числе и в Польше.

Социальное и правовое положение горожан (мещан)

Время возникновения городов на территории Белоруссии точно не установлено. По сведениям географа Баварского, писавшего в середине IX в., бужане имели к тому времени 231 город, свиряне — 325, туричане — 104, пружане — 70, наровляне — 78 городов. О лукомлянах говорится, что они имели города, но число их не указано³⁷.

Вначале города представляли собой небольшие укрепленные поселения, которые служили и административными центрами для данной местности. В период развития феодальных отношений происходит процесс укрупнения городов, рост разделения труда как внутри города, так и между городом и деревней, отделение города от деревни, выделение городов в самостоятельные административно-хозяйственные объединения с обособленными органами управления и суда, со своими особыми правовыми актами. Феодальный город Белоруссии XIV— XVI вв., как и во всей Европе, представлял «собой факт концентрации населения, орудий производства, капитала, наслаждений, потребностей, между тем как в деревне наблюдается диаметрально противоположный факт — изолированность и разобщенность... Отделение города от деревни можно рассматривать также и как отделение капитала от земельной собственности...»³⁸. Процесс роста различий между городом и деревней был определяющим для экономической истории всего феодального общества. Поэтому изучение правовых актов, юридически оформивших отделение города от

деревни и закрепивших сословные противоположности между населением городов — мещанами и другими группами населения, необходимо для всестороннего анализа общественных отношений в феодальном обществе.

В буржуазной историко-правовой литературе господствующим было мнение, что отделение города от деревни и возникновение между ними различий было вызвано случайным явлением — введением в городах так называемого магдебургского (майдеборского) права. М. Ф. Владимирский-Буданов писал: «Князья, короли и паны вводят в своих владениях все порядки немецкого права», которое, по его мнению, «ослабило княжескую власть... решительно изменило быт сельских обывателей... создало новое понятие о городе и городском сословии»³⁹. То есть он считал, что право повлекло к значительным изменениям в социально-экономическом строе. В действительности же развитие феодальных отношений и изменения в социально-экономической структуре общества послужили причиной появления юридических актов, оформивших и закрепивших эти отношения.

Развитие ремесла и торговли в городах превратило их в центры хозяйственной деятельности. В городах работали ремесленники, велась торговля, проводились ярмарки, на которые съезжались жители окружающей местности, а также купцы всего государства и из-за границы. Рост хозяйственного значения населения городов повлек за собой выделение городских купцов и ремесленников в особое сословие мещан.

Выделение горожан в особое сословие получило отражение в закреплении термина «мещане». Он получил устойчивое распространение во второй половине XV в. В договорах Полоцка с Ригой записано: «мы горожане» (1330 г.), «мы мужи полочане» (1407 г.)⁴⁰. В решении 1456 г. уже сказано «жаловали нам мещане и дворяне»⁴¹. Термин «мещане» записан и в Полоцкой грамоте в Ригу 1465 г.⁴²

Все это позволяет сделать вывод о том, что в середине XV в. уже сложилось сословие мещан и шел быстрый процесс его правового оформления. Во всех городах, где мещане получили грамоты на магдебургское право, они освобождались, как правило, от власти и суда воевод, старост и других должностных лиц общего управления. Властные полномочия в отношении мещан передавались в руки городского войта, лент-войта, бурмистров, радцев (советников) и лавников (заседателей).

Мещане Вильно, Полоцка и Трок освобождались от уплаты мыта на территории всего Великого княжества Литовского. Горожанам разрешалось строить и получать доходы с гостиных домов, крамниц, важниц, ятак, воскобоен, городской общественной бани, для чего разрешалось брать строительные материалы в государственных лесах и пущах. Устанавливалось, что все иногородние купцы, кроме виленских, в чужих городах могли вести в обычное время, кроме ярмарок, только оптовую торговлю. Мещане крупных городов пользовались различными льготами в отбывании феодальных повинностей. Например, в Новогрудской грамоте 1511 г. говорилось, что мещане обязаны давать подводы только великокняжеским гонцам, вносить в казну ежегодно 50 золотых, платить серебщину, ордынщину и другие денежные взносы, но освобож-

дались от иных повинностей. В Пинской грамоте 1581 г. указывалось, что мещане освобождаются от обязательных отработок (толок и гвалтов), кроме необходимых работ в Пинском замке.

Вместе с тем имелись грамоты, в которых предусматривались отработочные повинности горожан и доставка продуктов. Так, в грамоте жителям Волковыска 1507 г. говорилось: «Они мають с того места пререченого давати на наш приезд с каждого двора по бочце овса, а будет мало, ино по две, а сена за каждою бочкою по возу. А пашню нашу толокою два дни мають орати и два дни жати. А к Берестью, в заставу, мають ходити водле давного обычаю... А под послы и гонцы наши мають на своей недели подводы давати... на службу свою, на войну, ходити, водле уставы, как и з иных мест»⁴³. В грамотах прямо или косвенно признавалось право мещан владеть и распоряжаться принадлежащими им землями. Но это были в основном земли, расположенные внутри городской черты, и земли, непосредственно примыкающие к городу. Мещанам запрещалось приобретать имения с феодальнозависимыми крестьянами⁴⁴.

Изучение грамот, выданных городам на магдебургское право, свидетельствует о введении немецкого права, но в них не содержится ни одной нормы этого права, не указывается, какими немецкими кодексами или сборниками следует пользоваться. Нет в грамотах норм уголовного, гражданского, семейного, земельного и других наиболее важных отраслей права, в соответствии с которыми складывались правоотношения в городах и которыми руководствовались в своей деятельности городские органы.

Все это позволяет сделать вывод, что подлинное немецкое право в городах Великого княжества Литовского в XVI в. населению не было известно и почти не применялось. Поэтому с небольшой оговоркой следует согласиться с В. Б. Антоновичем, который считал, что «магдебургское право — в значении Кодекса законоположений остается в городах мертвою буквою» и сам свод как Саксонских законов вообще, так и городского Магдебургского уложения в частности горожанам положительно не были известны⁴⁵. Действительно, в городах Белоруссии редко пользовались «Саксонским Зерцалом», «Вейхбильдом», хотя эти сборники немецкого права составляли основу магдебургского права, и в этой части В. Б. Антонович полностью прав.

Но следует иметь в виду, что начиная со второй половины XVI в. в городских магистратах Белоруссии стали пользоваться сочинениями Бартомея Гроицкого, изданными в Кракове в 1558—1567 гг., и Павла Щербича, изданными во Львове в 1581 г. В них излагалась практика применения немецких норм в магистратах городов Польского королевства, а также пересказывались нормы немецкого права на польском языке, с учетом польского городского обычного и писаного права. Но книги Б. Гроицкого и П. Щербича не стали и не могли стать основой, на которой бы сформировались правосознание и правоотношения населения белорусских городов, так как здесь имелось хорошо известное населению свое право, изложенное в писаных актах и местных правовых обычаях. Однако эти книги в отдельных случаях использовались в качестве вспомогательного источника действующего права, но только тогда, когда их положения не противоречили нормам местного права и правосознанию местных должностных лиц.

Прав С. А. Бершадский, который писал: «А так как подлинные положения Магдебургского права в Литве не только в XV в., но и даже в XVI в. были плохо известны, то суд по Магдебургскому праву был, собственно говоря, судом по обычному праву»⁴⁶.

Ранние источники немецкого права, такие как «Саксонское Зерцало» и «Вейхбильд», ни разу не издавались на белорусском или литовском языках. Изданные же в Польше в 1535 г. Н. Яскером на латинском языке, они не могли получить распространения в Великом княжестве Литовском и, конечно, не попали в Статут 1529 г. Не могли оказаться в нем и нормы «Каролины», введенной в действие в Германии в 1532 г., и сочинения Б. Гроицкого и П. Щербича, вышедшие во второй половине XVI в. Все это не исключает возможности использования в праве Великого княжества Литовского научных достижений и теоретических обобщений, имевших место в праве иностранных государств, тем более, что многие уроженцы Белоруссии получали в то время образование в заграничных университетах.

На основе местного права строились все хозяйственно-экономические и имущественные отношения, которые регулировались нормами местного писаного и обычного гражданского, брачно-семейного и наследственного права.

Как правильно отметил З. Ю. Копыцкий, городское самоуправление и права горожан в восточноевропейских городах сложились еще задолго до появления магдебургского права. «Когда магдебургские патриции только собирались выкраивать из феодального права — «Саксонского Зерцала» — юридические одежды своему городу, на берегах Западной Двины и Днепра — в Полоцке и Киеве — давно уже шумело древнерусское вече, правили городами «мужи», старшины, тысяцкие, сотники, десятники»⁴⁷.

Белорусские города не утрачивали своего права и некоторой автономии и в XIV—XV вв. Например, договор с Ливонией в 1338 г. был заключен «с согласия короля Литвы и его детей и всех его бояр... и с согласия епископа Полоцка, короля и города Полоцка и короля Витебска и города Витебска»⁴⁸. Специальные органы городского управления продолжали существовать в Полоцке и других городах в XV и XVI вв.

В XVI—XVII вв. в городах Белоруссии и Литвы не произошло коренных изменений в экономических отношениях. Поэтому и право в своей основе оставалось прежним. Имевшиеся заимствования из немецкого (магдебургского) права касались в основном административных отношений и частично уголовно-процессуальных норм, которые были приспособлены к местным условиям и правосознанию горожан.

Имущественные права горожан обеспечивались древним обычным правом и в значительной степени гарантировались различными правовыми актами. Мещане Вильно, Полоцка и некоторые купцы других городов персонально обладали правом беспозышной торговли. Наиболее богатые мещане крупных городов владели и именьями, обязаны были нести военную службу наравне с феодалами-шляхтой. Поэтому они фактически пользовались теми же имущественными правами, что и феодалы. Основная масса населения городов и городские низы обладали значительно меньшими имущественными правами.

Они не имели землевладений за городской чертой и не могли их приобретать. Их имущественные права регулировались общими законами государства. Так, в областных и общеземских грамотах, а затем и в статутах говорилось об обеспечении государством прав собственности на имущество горожан наравне с боярами-шляхтой. Наследование имущества мещанами, как мужчинами, так и женщинами, осуществлялось на основе обычного права, а не немецкого.

Личные права мещан, их объем и реальное осуществление в феодальном обществе во многом зависели от города, в котором проживал мещанин и от его имущественного положения и личных связей. Наиболее богатые мещане городов Вильно, Полоцка, Бреста, Гродно, Минска, Витебска, Слуцка, Новогрудка пользовались правом судиться только в магистратском или господарском суде. Дела простых мещан более мелких и частновладельческих городов были подсудны как магистратскому суду, так и старосте либо наместнику, или их феодалам. Мещане крупных городов были освобождены от всех барщинных работ за исключением работ по строительству и ремонту замков, вносили подати, взыскиваемые с города, в казну или в частновладельческих городах — в доход феодала. За побои, нанесенные шляхтичу, мещанин мог быть наказан отсечением руки, но если побои шляхтичу нанес виленский мещанин, находящийся в должности бурмистра, то он отделялся только выплатой денежного возмещения (навязки)⁴⁹.

Наиболее четко правовое неравенство городских жителей зафиксировано в ст. 6 раздела XII Статута 1588 г., в которой говорится о выплате денежного возмещения за убийство мещанина, не пользовавшегося правами шляхтича. Так, в случае убийства войта, бурмистра, лавника, писаря уплачивалась головщина в размере 50 коп грошей (т. е. 3000 грошей), за убийство рядового мещанина, проживающего в городе с магдебургским правом, — 30 коп грошей, а за убийство мещан, из города, в котором не было магдебургского права, — войту и лавнику по 30 коп грошей, мещанам таких городов — по 24 копы грошей, женам же всех мещан головщина определялась в двойном размере⁵⁰. Головщина мещанам городов, не имевших привилеев на магдебургское право, была даже ниже, чем тяглым крестьянам, за которых выплачивалось 25 коп грошей. Все это свидетельствует о том, что в период феодализма личные права простых людей, даже мещан привилегированных городов, были значительно меньшими, чем шляхты.

Политическими правами мещане белорусских городов не обладали. Они не имели своих представителей ни в раде, ни в сейме, не участвовали в работе местных поветовых сеймов. Основным способом их влияния на законодательство были подача правительству челобитных и восстания. Мещане имели право объединяться в союзы по профессиям — цехи и религиозно-просветительные и благотворительные общества — братства.

Краткий обзор правового положения мещан белорусских городов позволяет сделать вывод о том, что, выделившись в обособленные городские корпорации и получив грамоты на магдебургское право, они продолжали руководствоваться в своей повседневной жизни местным правом. Их имущественные права были значительно шире, чем у крестьян, хотя и не равнялись правам шлях-

ты. Личные и политические права мещан также были отличны от прав шляхты и крестьян, что свидетельствует о сложившемся в XV—XVI вв. в феодальном обществе особом сословии мещан.

Глава II ИСТОЧНИКИ ПРАВА

Систематизация права

В социально-экономической, политической и религиозно-идеологической жизни в Белоруссии, как и во всей Восточной Европе, в XV—XVI вв. отразился переход от средневековья к новому времени. В этот период осуществлялся интенсивный захват, освоение и раздача великим князем земель в собственность феодалам, шло быстрое развитие ремесла, торговли, росло количество городов и городского населения¹. В процессе централизации государства местные княжества превращались в наместничества, воеводства, поветы либо держания (волости). Получили распространение идеи Реформации и гуманизма.

Эти изменения в материальной и духовной жизни людей вызвали необходимость перестройки правовых отношений и самого права. Если до середины XV в. в каждой земле (местном княжестве) действовало свое местное обычное право, то в результате всех этих изменений возникла потребность в едином для всего государства праве и приведении его в определенную систему. «...Ход «правового развития» состоит по большей части только в том, — писал Ф. Энгельс, — что сначала пытаются устранить противоречия, вытекающие из непосредственного перевода экономических отношений в юридические принципы, и установить гармоническую правовую систему, а затем влияние и принудительная сила дальнейшего экономического развития опять постоянно ломают эту систему и втягивают ее в новые противоречия...»² Этот вывод Ф. Энгельса в полной мере применим и к развитию системы права в Великом княжестве Литовском. Так, в XIV—XVI вв. законодатель стремился только юридически оформить сложившиеся экономические и политические права всего класса феодалов или его отдельных групп, а также жителей отдельных земель и городов.

Первые попытки систематизации права относились к праву отдельных земель и были осуществлены в Полоцком и Витебском привилеях, в которые были сведены основные права населения этих земель после их вхождения в состав Великого княжества Литовского. Первым кодексом общегосударственного права был Судебник 1468 г. В нем содержались как нормы обычного права, так и новые правила, относящиеся к уголовному, процессуальному и административному праву. В Судебнике 1468 г. уже прослеживается и определенная, хотя еще довольно примитивная, система. Кодификации подверглись и иммунитетные грамоты, которыми обеспечивались привилегии и льготы для класса феодалов и сословия шляхты, в них же систематизировались и нормы

государственного права, обеспечивавшие суверенные права государства и ограничивавшие власть великого князя.

С развитием писаного права и частичной его систематизацией возникла необходимость определить, какие нормы поведения людей подлежат регламентации в законе, а какие следует относить к нормам религии и морали, необходимость создать определенную систему его классификации. Известно, что философы Древней Греции, юристы Древнего Рима и Византии не выработали определения понятия «право». Не было такого определения и в феодальной Европе. Правоведы XVI в., говоря о праве, указывали, что оно должно служить справедливости и поддержанию определенного порядка в обществе. Так, Ф. Скорина писал: «И вчинены суть права, или закон, для людей злых, абы боячися казни, усмирили смелость свою и моци не имели иным ушкодити, и абы добрыи межи злыми в покои жити могли»³. Так же цель и задачу права определял и Л. И. Сапега, который считал, что кроме предупреждения преступлений право определяет и полномочия должностных лиц, в том числе и государя, который может осуществлять свою власть только в пределах, установленных правом: «Только на законе и праве писаном всю безопасность и благосостояние государства основывают. О чем великий и благородный греческий философ Аристотель говорил, что там господствует дикий зверь, где человек власть свою осуществляет по своей прихоти, а где верховенство имеет право или закон, там сам бог всем правит»⁴. Л. И. Сапега считал, что право не является чем-то вечным и неизменным, а придумано людьми и создается теми, кто держит власть в своих руках. Таким образом, Сапега был значительно ближе к действительному научному пониманию сущности права, чем его современники и даже более поздние правоведы.

В то время разработка правовых проблем и новых правовых актов осуществлялась в основном юристами получившими образование в университетах Западной и Центральной Европы, в которых господствующими были правовые идеи римского права, приспособленные к новым экономическим условиям. Согласно этим идеям, все право подразделялось в зависимости от источников на три основные части:

1) божественное, данное Богом в Священном Писании;

2) естественное, данное Богом всем людям и заложенное в их природе. Считалось, что оно соответствует идеям разума, истины и справедливости, независимо от нормативных государственных актов;

3) человеческое, или положительное, созданное людьми. Положительное право подразделяли на публичное (*jus publicum*) и частное (*jus privatum*), а частное в свою очередь — на отдельные институты: о лицах, вещах и обязательствах.

При систематизации права в Великом княжестве Литовском кодификаторы не придерживались такого деления и выработали систему, отличную от римского права.

Степень божественного вмешательства в человеческое право, по мнению духовенства, была различной, что в свою очередь влекло разделение права на духовное и светское. К духовному праву относились нормативные акты, изданные церковными властями (папой римским, патриархом, соборами и т. д.),

а также государственными органами, по вопросам, касающимся религии, духовенства, зависимых от них людей, церковного имущества, некоторых институтов семейного и наследственного права. Светское право было принято подразделять на земское (посполитое, т. е. общее право данного государства), международное и городское. Б. Гроицкий в своих работах выделял как самостоятельное и военное право⁵. Кроме того, существовало право для отдельных групп людей в зависимости от их этнического и религиозного деления, например особые правовые нормы для мусульман и евреев, проживавших в Белоруссии и Литве.

Деление положительного права на духовное и светское основывалось на учении Аврелия Августина о двух властях («двух мечах»): духовной и светской, причем обосновывалась необходимость верховенства духовной власти. В Белоруссии, хотя и признавалось наличие духовного и светского права, верховенство полностью признавалось за светским правом, и высшие органы государственной власти выступали как высшая инстанция в некоторых церковных делах, особенно для православной церкви.

Основу светского права в Белоруссии и Литве составляло так называемое земское право, которое в свою очередь подразделялось в зависимости от содержания на отдельные части, не совпадающие с нынешней классификацией на отрасли права, но послужившие началом разделения права на государственное, административное, гражданское, семейное, уголовное, судебное. В Статуте 1529 г. все нормы были подразделены на 13, в статутах 1566 и 1588 гг. — 14 разделов. Разделы состояли из статей (артыкулов), которые зачастую содержали в себе группу определенных норм. Все это позволяет нам отдельно рассматривать гражданское, семейное и уголовное право, а также систему судебных органов и процессуальное право.

В отличие от систематизации права в западных странах, где она проводилась на основе римского права, и которой подвергалось только частное право, в Великом княжестве Литовском систематизация охватила все отрасли положительного права, в том числе государственное и административное. В ее основе были новые принципы: соблюдение суверенности государства (вопреки средневековому церковному космополитизму), единство права для всего государства и всех полноправных людей (хотя само право признавало различную правоспособность для разных людей) и приоритет писаного права. Однако признание в праве различных льгот и привилегий для разных сословий и групп людей подрывало общий принцип единства права.

Система феодального права включала в себя как нормы общего права, так и специальные нормы, обеспечивавшие привилегии господствующему классу и его отдельным группам. Эти привилегии не составляли исключения в системе права, а являлись ее составной частью, хотя и противоречили всей правовой системе, в чем и заключалось внутреннее противоречие феодальной системы права.

В связи с тем что в феодальную систему права включались различные нормы права в зависимости от их действия в пространстве и в отношении разных лиц, создать полный свод законов, при всем стремлении законодателя, было не-

возможно, и наряду со статутом Великого княжества Литовского, сохраняли свою силу и многочисленные другие правовые акты. Все эти акты в зависимости от содержания, формы, порядка издания и субъекта, от которого они исходили, подразделялись на несколько групп. Наиболее обширную и древнюю форму законодательных актов составляли листы или грамоты, позднее названные привилеями. Самыми полными сводами законов были статуты Великого княжества Литовского. Сеймовые постановления по текущему законодательству назывались ухвалами, уставами или конституциями. Административные и судебные акты оформлялись в виде выроков, декретов, отказов господаря либо листов и грамот. Строгого разграничения между этими актами не было.

Главным итогом систематизации права, проведенной в XVI в., было издание Статута 1588 г., в котором синтезированы нормы общего права и привилегии класса феодалов, а также новые нормы, отражавшие появление ростков буржуазного права. О том, что эта систематизация была проведена на высоком научном и практическом уровне, свидетельствует тот факт, что действующим законом он был до 1840 г.

Общеземские привилегии

Главным источником писаного права, закрепившего основы общественного и государственного строя, до издания статутов были законодательные акты, издаваемые от имени великого князя в форме привилеев (грамот, листов).

Привилеями, грамотами или господарскими листами назывались нормативные акты, выдаваемые из государственной канцелярии за подписью или печатями великого князя, радных панов и писаря. Акт именовался привилеем, если был написан на латинском языке, грамотой или господарским листом, — если на белорусском.

Первыми общеземскими привилеями можно считать три привилея, выданные в 1387 г. великим князем Яковом Андреевичем, известным в нашей литературе под языческим именем Ягайло, а в польской — Владислав II⁶.

Первый привилей от 20 февраля 1387 г. был направлен на насаждение католицизма в Белоруссии и Литве. Этим привилеем великий князь надеялся завлечь в католическую веру как можно больше свободных крестьян и феодалов. Привилей обещал каждому рыцарю или боярину, принявшему эту веру, и его потомкам полную возможность владеть, пользоваться, продавать, отчуждать, менять, дарить согласно своей доброй воле и желанию замки, волости, деревни, дома — все, чем он владел по отцовскому наследству. В привилее гарантировались наследственные права и указывалось, что рыцари не будут привлекаться к каким-либо работам за исключением строительства нового замка, если созовется население всей земли, а также для выполнения работ по перестройке или ремонту старого замка. Согласно древнему обычаю, военный поход оставался обязанностью, которая осуществлялась с помощью собственных затрат и расходов военнообязанных людей. В том же случае, если приходилось преследовать врагов, убегающих за пределы государства, обязаны были отправляться в поход не

только рыцари, но и каждый мужчина, какого бы он ни был происхождения или состояния, только бы он был способен носить оружие⁷.

Второй **привилей**, выданный **22 февраля 1387 г.**, адресовался католическому духовенству, но затрагивал интересы всего народа и фактически дополнял привилей от 20 февраля. Главное его назначение заключалось также в насаждении католической веры в Белоруссии и наделении богатыми дарами и имениями католического духовенства и церквей. По этому привилею все католическое духовенство, церкви, монастыри и феодально зависимые от них люди исключались из государственной юрисдикции. Этот привилей обязывал всех жителей Великого княжества Литовского переходить в католическую веру из всякой другой веры (секты). Чтобы новообращенные католики сохраняли верность католической церкви, запрещались браки с православными до тех пор, пока последние не принимали католической веры. В случае вступления в брак православной с католиком брак оставался в силе, но православные муж или жена обязаны были переходить в католическую веру под страхом суровых наказаний. По этому привилею имения, переданные католическому духовенству, освобождались от всякого рода служб и повинностей в пользу государства и государя⁸.

Совершенно новым в соответствии с этим привилеем было исключение из государственной юрисдикции всех людей, зависимых от католического духовенства. Захват католическим духовенством государственных полномочий по отношению к зависимым людям послужил первым шагом к юридическому оформлению закрепощения крестьян, так как они попадали под полное господство католических феодалов.

Сама же католическая церковь становилась вне государственной юрисдикции и, постепенно захватывая все большие и большие богатства, приобрела огромную экономическую силу и, располагая большим штатом своих агентов, пропагандистов и добровольцев-фанатиков, стала наиболее влиятельной политической силой. Но так как католическое духовенство в Великом княжестве Литовском действовало в интересах римской курии и иностранных государств, то вся его деятельность шла во вред интересам народа и государства. Поэтому при анализе государственно-правовых актов было бы непростительно игнорировать столь важный документ, как привилей от 22 февраля 1387 г., который положил начало ослаблению государства и закрепощению крестьян. Закрепление подобных прав за светскими феодалами в 1447 г. было уже по сути только продолжением начатой работы.

В государственно-правовой жизни Великого княжества Литовского существенное значение имел **привилей**, выданный князю Скиргайло (Ивану), **от 28 апреля 1387 г.** Им подтверждались и закреплялись права князя Скиргайло на управление всем Великим княжеством Литовским после вступления Ягайло на польский престол. Ягайло обещал Скиргайло «крепко блюсти его княженья и державы»⁹. Тем самым привилей юридически закреплял наделение Скиргайло великокняжескими полномочиями и свидетельствовал о сохранении государственной обособленности Великого княжества.

Правовая регламентация союзных отношений Великого княжества с Польшей в виде персональной унии и юридическое закрепление суверенности Великого княжества Литовского были оформлены **Островским соглашением 1392 г.**, по которому великий князь Скиргайло смещался с великого княжества и переехал на княжество Киевское, а полномочия великого князя передавались князю Брестскому и Гродненскому Витовту (Юрию, Александру). Дальнейшее правовое закрепление союзных отношений с Польшей было осуществлено **актами Виленско-Радомской унии 1401 г.** и **Городельской унии 1413 г.**

В результате совместных совещаний феодалов Великого княжества Литовского и Польши в 1413 г. в Городле были изданы три привилея:

польских феодалов о согласии поделиться с феодалами-католиками Великого княжества честью иметь гербы;

феодалов Великого княжества (всего 47 человек), которые принимали гербы польских феодалов и тем самым вступали в гербовое побратимство с ними и за это обещали от имени шляхты, бояр, панов и всех жителей Великого княжества (хотя их никто не уполномочивал на это) никогда не оставлять польских панов, прелатов и шляхту во всех их делах. Далее, они обещали сохранять верность Ягайло, Витовту и их потомкам, а в случае смерти Витовта — не избирать себе князя без согласия Ягайло и польских феодалов, в случае же смерти Ягайло польские феодалы не должны были избирать себе короля без ведома Витовта и вопреки воле феодалов Великого княжества;

Городельский привилей, выданный Ягайло и Витовтом, имел своей целью укрепление и расширение католицизма. В нем делалось явно ложное утверждение, что с распространением католической веры государства и земли, соединенные в составе Великого княжества Литовского, были «присвоены, включены, соединены, переданы» польскому королевству с согласия князей, панов, шляхты, должностных лиц и бояр Великого княжества¹⁰.

С целью возвышения феодалов-католиков над остальными феодалами и придания им ореола знатности ст. 3 и 12 устанавливали преимущества и порядок наделения гербами, полученными от польских феодалов, что, по мнению авторов привилея, должно было способствовать сближению и слиянию в одно сословие феодалов Польши и Великого княжества. На самом же деле это должно было привести к вражде и борьбе внутри Великого княжества.

В других статьях этого привилея были изложены обещания льгот и преимуществ феодалам, принявшим католическую веру, и католическому духовенству. По этому акту все не католики, в основном православные, составлявшие подавляющее большинство населения, не должны были допускаться на государственные должности и не могли быть членами государственной рады.

Таким образом, скрытой целью Городельского привилея было разжигание религиозной вражды в государстве, гонения на всех не католиков и тем самым подрыв единства феодалов, а также единства простого народа. Провокационный характер этого привилея был очевиден с первых лет его применения, на что прямо указывалось при отмене некоторых норм этого привилея в изданном 15 октября 1432 г. Гродненском привилее и привилее 1434 г.

Все эти провокационные нормы Городельского привилея были понятны правящей верхушке Великого княжества. Поэтому возникает вопрос, что заставило ее утвердить и одобрить этот документ?

Некоторые историки считают, что Городельская уния была вызвана «потребностью единения сил перед опасностью новой борьбы»¹¹. Такая опасность действительно существовала. Однако они не учитывают, что существовавший на основе унии 1401 г. союз, который позволил нанести поражение Тевтонскому ордену в 1410 г., служил прочной основой для объединения сил и в дальнейшем. Не убедительным является предположение Н. Дашкевича, что, «соглашаясь на Городельский договор, Витовт не мог постигнуть действительный замысел поляков, потому что в договор было включено упоминание об отдельном государе для Литвы»¹². Нельзя признать правомерным и утверждение В. И. Пичеты, считавшего, что Городельская уния была выгодна всей шляхте потому, что «привилей 1413 г. наносил сильный удар литовским магнатам, отчасти уравнивал их со шляхтой в сфере гражданской правоспособности и политических прав»¹³. Это утверждение находится в полном противоречии с тем, что привилей был выгоден только крупным феодалам, получившим гербы и принявшим католическую веру. Для них должны были создаваться новые должности, а значит, и новые источники доходов. Они же получали и все льготы, предусмотренные привилеем. Этот привилей был направлен в основном против широких слоев населения Белоруссии, Литвы, Украины, так как за все льготы и привилегии, полученные католическим духовенством и крупными феодалами, должен был платить простой народ. В связи с этим уменьшилась доля феодальной ренты, поступавшей в доход средней и мелкой шляхты и бояр.

Пытаясь ответить на вопрос, почему феодалы Великого княжества Литовского приняли акт 1413 г., во-первых, следует уточнить, что согласие давали не все паны, шляхта и бояре, как об этом говорится в привилее, а только 47 человек, которых ни шляхта, ни бояре, особенно православные, не уполномочивали на решение этих вопросов.

Во-вторых, и из этих 47 человек, по-видимому, не все были согласны и даже, возможно, не все знали полный текст привилея, написанного по латыни. В подтверждение этого можно сослаться на заявления представителей Великого княжества на польском сейме в Люблине в 1448 г., где они заявили, что оскорблены грамотами, в которых содержались слова о включении Великого княжества в состав Польши¹⁴. На переговорах в 1451 г. в Парчове представители Великого княжества снова требовали исключить из прежних договоров об унии все унизиительные и оскорбительные для Великого княжества Литовского выражения, такие как «присоединение», «включение» и «инкорпорация» Великого княжества в состав Польши, на том основании, что их предшественники подтверждали эти договоры, «не зная об их содержании, по одному только приказу великого князя»¹⁵.

В-третьих, привилей 1413 г. не вносил коренных изменений в государственное устройство и государственный строй, а только закреплял союзные отношения двух обособленных государств. Эти отношения имели уже богатую практику и были приемлемы для обоих государств.

Возможно также, что Ягайло и Витовт согласились с таким ярко выраженным прокатолическим текстом привилея для того, чтобы несколько задобрить и успокоить римскую курию после нанесенного ей тяжелого удара, вызванного поражением ордена под Грюнвальдом, опасаясь крестового похода соединенных сил западноевропейских государств совместно с крестоносцами. Такие опасения были вполне обоснованными¹⁶. Сам же Витовт принял этот привилей, стремясь приобрести сторонников среди польских епископов и крупных феодалов в надежде, что после смерти Ягайло он сможет стать его преемником на королевском престоле в Польше. О таких планах Витовта говорится в «Хронике Быховца», где сообщается, что после победы под Грюнвальдом между польскими и литовскими панями было заключено соглашение об избрании королем Витовта в случае смерти Ягайло¹⁷. Косвенные доказательства этого содержатся и в самом Городельском акте 1413 г.

Таким образом, анализ текста привилея и причин, побудивших к его провозглашению, приводит нас к убеждению, что все пышные фразы о слиянии государств не имели в то время государственно-правового значения, а все дело сводилось к существовавшему уже союзу двух государств, выраженному в форме персональной унии. Вместе с тем он расширял права католической церкви и духовенства, а также служил программой ограничения прав и дискриминации всех не католиков.

Среди источников государственного права, послуживших основанием юридического оформления прав сословия шляхты, первостепенное значение имели **привилеи 1432 и 1434 гг.** Согласно этим привилеям, православные феодалы уравнивались в правах с католиками.

Гродненский привилей 1432 г. создал правовые предпосылки для сплочения и выделения всего класса феодалов в привилегированное сословие шляхты, объединив его на классовой основе независимо от вероисповедания. Он устранил правовые барьеры, мешавшие проведению совместных совещаний феодалов при решении государственных дел, что способствовало развитию высших государственных органов: сейма и рады. Поэтому Гродненский привилей 1432 г. и дополнивший его привилей 1434 г. с полным основанием можно считать важнейшими правовыми актами в деле объединения и консолидации сословия шляхты, а привилеи 1387 и 1413 гг. — только подготовительными актами.

Несостоятельность дискриминационных норм Городельского привилея 1413 г. отмечал М. Н. Покровский. Он писал: «Можно считать доказанным, что тенденции католицизма не нашли себе воплощения в литовско-русской действительности. Знаменитый Городельский привилей 1413 года, устранивший вассалов не католического исповедания от высших должностей в великом княжестве, в этом своем пункте остался мертвой буквой, а в 1432 году все преимущества, данные этим привилеем боярам-католикам, были формально распространены и на бояр-православных. Позднейшие документы, содержавшие ограничение этого рода, по-видимому, просто были сочинены иезуитами в конце XVI века»¹⁸.

Важным этапом в развитии законодательства вообще и государственного права в частности послужил **привилей Казимира 1447 г.** В нем более полно и об-

стоятельно были изложены права класса феодалов и сословия шляхты, некоторые принципы уголовного, гражданского и государственного права. Так, в ст. 3 обращает на себя внимание расширение круга лиц, которым гарантируется неприкосновенность личности: кроме класса феодалов и сословия шляхты в него включены городские жители — местичи. То есть привилей 1447 г. был не только сословным актом, а имел юридическое значение и для простых людей, особенно горожан. В этом нас еще более убеждает содержание ст. 2, 4, 7, 8, 9, 14. Так, в ст. 4 излагался один из важнейших принципов уголовного права — о применении наказания только к виновному лицу и в соответствии с правом. Эта норма затем была включена и в статуты. Действие ст. 4 привилей 1447 г. распространялось как на шляхту, так и на простых людей без всякого исключения. Далее, в привилее была изложена норма, по которой «селяне и подданные» князей, рыцарей, шляхты, бояр и мещан освобождались в пользу своих господ от государственных налогов, работ и других повинностей, за исключением строительства и ремонта замков, дорог и мостов, а также налога натурой, называемого стацией. Этой нормой было подтверждено записанное в привилее 1434 г. исключение частновладельческих лиц из числа лиц, непосредственно зависимых от государства, а государственные полномочия по сбору налогов с населения были переданы отдельным феодалам. Благодаря этой норме феодалы значительно укрепили свое экономическое, а вместе с ним и политическое влияние в государстве.

Ослабление экономических возможностей администрации повлекло сужение социальной базы политической власти великого князя, что в свою очередь способствовало возрастанию роли в государстве крупных феодалов — панов.

Процесс усиления экономического господства феодалов над крестьянами получил юридическое закрепление в ст. 11, в соответствии с которой ни государь, ни его наместники и другие должностные лица не должны были принимать на государственные (великокняжеские) земли частновладельческих крестьян. Одновременно и феодалам запрещалось принимать на свои земли государственных крестьян. Тем самым этой нормой было положено начало юридическому ограничению права перехода крестьян от одного феодала к другому.

В процессе подчинения крестьян феодалу исключительное значение имела ст. 12 привилей, по которой за феодалами закреплялось право осуществлять суд над зависимым населением, кроме тех случаев, когда феодал не пожелал бы сам разрешить дело.

Признание за феодалами права творить суд и расправу над феодально зависимым населением ставило последнего в еще большую зависимость от феодалов, лишало его возможности искать защиты против произвола феодалов у государственных органов. Все это позволяет считать привилей 1447 г. главным правовым актом, заложившим основы юридического оформления феодальной зависимости крестьян.

Таким образом, привилей 1447 г. узаконил захват феодалами функций государственной власти по отношению к феодально зависимому населению, что способствовало усилению «внеэкономического принуждения».

Исключительно важное государственно-правовое значение имели две последние статьи этого привилей. В них законодательно закреплялась территориальная

целостность государства, его суверенные права и обособленность. Привилей запрещал правительству раздавать государственное имущество и должности иностранцам. Эти статьи были направлены против проникновения польских феодалов в Великое княжество и отражали отрицательное отношение феодалов Великого княжества к разного рода домогательствам польских феодалов.

Анализ содержания привилея 1447 г. позволяет сделать вывод о том, что его государственно-правовое значение заключалось прежде всего в укреплении суверенитета и обособленности Великого княжества Литовского, несмотря на то, что великий князь Казимир 27 июня 1447 г. стал королем Польши, и тем самым была восстановлена прерванная после смерти Ягайло в 1434 г. персональная уния двух государств. Одновременно привилей закрепил возросшее экономическое и политическое значение класса феодалов, особенно его верхушки, и положил начало закреплению крестьян. Кроме того, привилеем 1447 г. был значительно расширен круг лиц, за которыми признавались права шляхты, независимо от наличия у них гербов и их вероисповедания.

Таким образом, привилеи 1432, 1434 и 1447 гг. послужили юридической основой оформления прав всего сословия шляхты.

Вступление на великокняжеский престол Александра Казимировича в 1492 г. было ознаменовано выдачей нового **универсального привилея**¹⁹. В нем подтверждались, с частичными изменениями и уточнениями, все права и привилегии, провозглашенные в ранее принятых привилеях.

Привилеем были закреплены основные принципы международной политики, согласно которым правительство было обязано поддерживать добрососедские отношения со всеми государствами и соблюдать все ранее заключенные союзы и соглашения.

Новыми были нормы, предусматривающие юридическое закрепление возросшей роли крупных феодалов и их органа — рады. Привилей устанавливал, что великий князь не имел права отменять или изменять законы, постановления и судебные решения, принятые совместно с радой. Если же при обсуждении в раде каких-либо постановлений паны-рада не соглашались с мнением великого князя, то он был обязан выполнять то, что ему советовали паны.

В ст. 23 устанавливалось правило, по которому государственные средства должны были отделяться от личных великокняжеских и могли расходоваться только с согласия радных панов и только на общегосударственные нужды. Устанавливался порядок сбора налогов.

Привилей провозглашал недопустимость передачи светских дел в духовные суды и наоборот. Великий князь давал обещание рассмотреть все залежавшиеся жалобы и дела, поданные еще на имя великого князя Казимира. В привилее провозглашалась необходимость вынесения справедливых судебных решений, запрещались взятки и судейская необъективность, устанавливались определенные сроки рассмотрения дел. Тем самым привилей был направлен на совершенствование единых для всего государства норм судопроизводства (ст. 2, 3, 11, 14, 18, 24, 27—29, 33).

Классовая и сословная направленность привилея четко выражена в ст. 25, согласно которой правительство обязывалось не возвышать простых людей над шляхтой.

В целях недопустимости перехода имений в руки иностранцев устанавливалось правило, по которому в случае выхода женщины замуж за границы Великого княжества она лишалась всех прав на недвижимое имущество.

В привилее провозглашалась неизменность всех ранее выданных грамот и привилеев, которые оставались в силе на вечные времена.

Краткий обзор содержания привилея позволяет сделать вывод о том, что он был своеобразной феодальной конституцией, закрепившей основы общественного и государственного строя Великого княжества Литовского, господствующего положения класса феодалов и его верхушки — панов.

Привилей 1492 г. явился важным шагом в законодательном закреплении основных принципов гражданского, семейного, уголовного, административного права. Особенно большое государственно-правовое значение имели нормы, закрепившие ограничение власти государя и фактически определившие его правовое положение не как государя-вотчинника, а как высшего должностного лица в государстве.

Конституционный характер привилея 1492 г. выступает еще более четко, если принять во внимание те дополнения и уточнения, которые были сделаны в **Гродненском привилее от 7 декабря 1506 г.** В нем были подтверждены все основные положения предыдущего привилея и четче выражено его общегосударственное значение. В нем сохраняется церковная формула «божьей милостью», но одновременно подчеркивается, что избрание великого князя состоялось с согласия и по желанию духовных и светских феодалов, а также иных подданных и жителей Великого княжества Литовского. Конечно, в действительности простые люди не участвовали в избрании государя, и внесение этой записи свидетельствовало о желании правящей верхушки держать власть в своих руках, основываясь якобы на воле всего народа, так как она считала себя выразительницей воли народа. Кроме того, в привилее подтверждались «все права, вольности и грамоты», выданные церквям, духовным и светским феодалам, «городам, мещанам, жителям и вообще лицам всех сословий и состояний», т. е. в этой части привилей был адресован всему населению Великого княжества. Понятно, что упоминание о сохранении прав и вольностей всего населения носило в значительной степени пропагандистский характер, но в то же время имело и практическое значение: сохранялись в силе нормы, записанные в областных, волостных и городских привилеях, в которых содержались правила, защищавшие в определенной степени права простых людей.

В привилее 1506 г. (ст. 7) юридически более четко было выражено ограничение власти государя. Новой для общеземских привилеев была запись о праве подданных подавать челобитные и иные жалобы (ст. 8). Заканчивался привилей 1506 г. обещанием, данным под присягой, соблюдать и сохранять все законы и ранее выданные грамоты в полной силе на вечные времена²⁰.

Издание привилея от 7 декабря 1506 г. завершился первый этап развития писаного права в форме привилеев. Последующие **привилеи**, изданные в **1529, 1547 и 1551 гг.**, только подтверждали законность ранее изданных привилеев и их повторяли.

Проведенные в двадцатых годах XVI в. работы по кодификации и систематизации права Великого княжества Литовского, в результате которых был издан Статут 1529 г., положили начало новому периоду развития права. Дальнейшее развитие права шло в форме издания статутов и сеймовых постановлений (ухвал и конституций). Вместе с тем в середине XVI в. продолжают выходить и привилеи, хотя их содержание, кроме подтвердительных привилеев 1529, 1547 и 1551 гг., носит более ограниченный характер. Так, **привилей от 7 июня 1563 г.** высокопарно провозглашал уравнение в правах православных феодалов с католиками, хотя провозглашение равноправия было сделано еще в привилеях 1432 и 1434 гг.

Ряд новых положений был внесен **Бельским привилеем 1564 г.** В нем провозглашались отделение некоторых судебных органов от администрации, выборность сословных судов, равенство шляхты перед судом и законом. Все эти положения были взяты из проекта нового статута, который вступил в силу в 1566 г. В Статуте 1566 г. эти положения были изложены более полно и четко, поэтому привилей 1564 г. носил характер второстепенного акта. Служебный характер привилея 1564 г. выражался также в том, что привилей был помещен в Статуте 1566 г. в качестве вводного закона и составлял с ним единый правовой акт.

Подобный характер имел и **привилей от 30 декабря 1565 г.**, определивший порядок созыва поветовых сеймиков. Ничего нового, по существу, не внес и **привилей от 1 июля 1568 г.**²¹

Особое место занимает **привилей, выданный 21 декабря 1568 г.** в замке Воине²². Стремясь заманить феодалов Великого княжества Литовского на совместный (с польскими феодалами) сейм в Люблине по поводу соединения обоих государств, Сигизмунд Август выдал привилей, в котором обещал не принуждать представителей Великого княжества Литовского принимать условия унии, предложенные польской стороной, сохранять неприкосновенность территории Великого княжества, не вводить ничего нового, что противоречило бы ранее выданным привилеям и всем обычаям государства. Специально оговаривалось сохранение Подляшья в составе Великого княжества Литовского. Правда, все эти клятвы и обещания Сигизмундом Августом были нарушены, поскольку были даны с целью обмана. После издания Статута 1529 г. главное значение в развитии права стало принадлежать не привилеям, хотя и они продолжали издаваться, а статутам и сеймовым постановлениям.

Подводя итог рассмотрению общеземских привилеев, отметим, что они в своей совокупности представляли собой основные законы государства, т. е. составляли своеобразную конституцию. В исторической литературе значение привилеев часто умалялось, а правовой анализ их носил односторонний характер. Их значение сводилось к роли заимствованных из Польши иммунитетных грамот для одного лишь сословия — шляхты. Буржуазные историки игнорировали роль народа, который своими выступлениями в 1386—1392, 1440 и других годах оказывал давление на правотворчество и правосознание господствующего класса, а также повседневной классовой борьбой заставлял правящую верхушку учитывать и его интересы, тем самым как бы незримо

присутствуя при выработке важнейших законодательных актов. Поэтому в каждом общеземском привилее есть нормы, которые прямо или косвенно адресованы всему населению государства. Это влияние народа на законодательство еще более четко проявляется в областных, волостных и городских привилеях, которые находились в органической связи с общеземскими привилеями.

Областные грамоты (привилеи)

Первые областные грамоты (привилеи) в Великом княжестве Литовском были выданы, по мнению М. Н. Ясинского и И. В. Якубовского, Полоцкой и Витебской землям в промежутке времени с 1392 до 1399 г.²³ С этой датировкой можно согласиться, но необходимо иметь в виду, что значительная часть норм, изложенных в этих привилеях, имеет еще более древнее происхождение.

Подлинные первоначальные тексты этих привилеев нам не известны, но так как они неоднократно подтверждались в последующих грамотах, в которые переписывались дословно древние тексты, то об их содержании можно судить по этим подтвердительным грамотам. Наиболее важными являются следующие областные привилеи: Витебской земле (1503, 1509, 1561), Полоцкой (1511, 1547, 1580, 1634), Смоленской (1505), Киевской (1507, 1529), Волынской (1501, 1509 и 1547), Жмудской (1492, 1574), Дрогичинской (1511, 1547), Вельскому повету (1501, 1547), Мстиславскому повету (1551).

Самые древние нормы привилеев были выработаны, когда отдельные княжества выступали как самостоятельные государства, которые, принимая к себе того или иного князя, заключали с ним договор (ряд). В этих договорах князь давали обещание соблюдать права жителей данной земли, не нарушать норм местного права. До нас не дошли писанные тексты договорных грамот Полоцкого и Витебского княжеств, а имеются только упоминания о таких договорах. Из сопоставления наиболее древней части текстов Полоцкого и Витебского привилеев с Новгородскими договорными грамотами видно, что в эти привилеи включены подобные договорные грамоты²⁴. И. В. Якубовский, анализируя Полоцкий и Витебский привилеи, выделил наиболее древние нормы и восстановил по ним тексты одиннадцати статей древней договорной грамоты (ряда)²⁵.

Древнейшие нормы не были установлены при каком-то одном князе, а выработывались на протяжении всего периода существования Полоцкого государства. С утратой же им своей самостоятельности в XIV в. сократилось и самостоятельное правотворчество, а ранее выработанные правовые нормы стали переноситься из одного акта в другой, так как договор мог заключаться полочанами с князем только при сохранении княжеством своей самостоятельности, а затем включаться во все последующие грамоты без существенных изменений, но с присоединением к ним новых правовых норм, обеспечивавших и закреплявших автономные права Полоцкой земли, права и льготы класса феодалов, богатых купцов и ремесленников.

Содержащиеся в Витебском и Полоцком привилеях нормы государственного права, определяющие автономные права этих земель в составе Великого кня-

жества Литовского, относятся в основном к XIV — первой половине XV в. Подтверждались они в XVI и XVII вв. Выдача областных привилеев и их подтверждение имели государственно-правовой характер. Уже само наличие этих привилеев свидетельствовало об особом положении данной земли в государстве, ее обособленности. Во вступительных частях привилеев говорилось о земле как о едином целом: «Били нам чолом бояре Полоцкие и мещане и весь город, вся земля Полоцкая». Интересно, что при взыскании мыта за перевозку товаров из одной земли в другую вопрос решался на основе взаимности, в соответствии с международным правом. Вот что было записано в Смоленском привилее: «Если бы Полочане брали на Смоленех мыто от соли и от воску, и его милость также Смолянном велел брати на Полочанех мыто от соли и от воску; а естли бы Полочане на Смоленех не брали, ино и Смолянном на Полочанех не брати»²⁶.

Автономный характер земель, получивших привилей, четко проявлялся в законодательном закреплении норм местного обычного права. Так, судить полочанина следовало только в самом Полоцке с участием полочан и по полоцкому праву. За боярами и мещанами этих земель признавалось право свободного выезда с земли: «Теж Полочаном всим жити в Полоцку добровольно покуль хто хочет; а будеть ли которому Полочанину от нас насилство, нам его силою не держати: ино ему путь чист, куды хто хочеть, без каждое зачепки; а во всем именьи своем волен, идучи прочь продати, а любо которому приятелю своему приказати, в то нам не вступатися»²⁷. И эта запись рассматривает Полоцкую землю как автономную область, господствующий класс которой пользуется особыми правами и льготами. Правило о свободном выезде за границу позже было распространено на феодалов всего государства ст. 5 привилея 1447 г.

В областных привилеях значительное место уделялось обеспечению охраны имущественных и личных прав зажиточных слоев населения. Например, в Полоцком и Витебском привилеях имелась запись о том, что государь обещался не нарушать прав собственности жителей данной земли: «Всхочет ли свои именья хто продати, или отдати, или заменити с ким, ино нам або наместником нашим явивши, продати и заменити. А в купленины в Полоцкие нам не вступатися, также и в безадщины их и в отумерцины не вступатися нам»²⁸.

Областные привилеи гарантировали право вдов на владение именьями после смерти мужей, а также обеспечивали всем женщинам право выхода замуж без вмешательства должностных лиц.

Обращает на себя внимание тот факт, что население в ряде норм не подразделяется на классы и сословия, а выступает как бы единой массой полочан, витеблян, смольнян и т. д. Это можно объяснить тем, что такие нормы возникли до образования устойчивого сословного деления общества, т. е. до XV в.

Сравнивая содержание общеземских привилеев с областными, видим, что многие нормы их содержат тождественные правила. Так, общеземский привилей от 20 февраля 1387 г. провозглашает, что лица, принявшие католическую веру, будут иметь возможность свободно распоряжаться именьями, а также выдавать вдов и девушек замуж. Такое же правило есть и в Полоцком и Витебском привилеях.

Учитывая, что нормы областных привилеев носят более древний характер, можно с достаточным основанием сделать вывод, что общеземские привилеи в значительной степени закрепили в законе местное обычное право, действовавшее ранее на территории отдельных областей Белоруссии, во всем государстве.

Это еще раз говорит о необоснованности утверждения буржуазных историков о заимствовании в общеземских привилеях норм польского права. Ссылку в ряде привилеев на польское право можно объяснить тем, что правящая верхушка, распространяя католицизм, стремилась придать католическому духовенству ореол носителей законности и защитников прав населения. В этом особенно были заинтересованы сами католические епископы и каноники, которые, как правило, принимали участие в редактировании общеземских привилеев и всеми силами хотели показать, что в католической Польше права населения, особенно класса феодалов, более широки, чем в Белоруссии, Литве и на Украине. Это утверждение идеологов католической агрессии XV—XVI вв. буржуазные историки принимали за аксиому и даже не делали попыток проанализировать историю происхождения источников норм общеземских привилеев.

Сравнение же норм общеземских и областных привилеев позволяет сделать вывод об их взаимосвязи и едином происхождении из норм древнего местного обычного права. Конечно, следует иметь в виду, что с распространением католицизма могло иметь некоторое влияние и иностранное право (римское, польское, немецкое), но в основе привилеев лежало все-таки местное обычное право.

Возможно, конечно, что некоторые нормы областных привилеев были заимствованы из общеземских, но это менее вероятно, так как нормы, изложенные первоначально в общеземских привилеях, действовали на территории всего государства и не требовалось специального акта для их введения в действие в той или иной земле. При распространении же норм местного права, изложенных в областных привилеях, на все государство требовалось издание нового общегосударственного акта. Кроме того, из содержания сходных статей привилеев видно, что в общеземских привилеях более четко по сравнению с областными привилеями выражено классовое и сословное деление общества, что также может быть косвенным доказательством большей древности областных привилеев. Обеспечению охраны права господствующего класса были посвящены многие нормы, включенные в областные привилеи XV и первой половины XVI в. Особенно ярко это видно в привилеях более позднего периода. Например, в Киевском привилее 1529 г. говорится, что он выдан по просьбе князей, панов, бояр, земян и всей киевской шляхты. В Мстиславских привилеях 1541 и 1551 гг. также записано, что они выданы панам, боярам и всей шляхте, а не всему народу.

Волостные грамоты

Для изучения древнего быта крестьян Белоруссии, их прав и обязанностей перед государством и местной администрацией, а также местного права особый интерес представляют грамоты, выданные волостям.

Господарские листы, уставы, выроки выдавались волостям чаще всего вследствие челобитной жалобы населения волости на нарушение старины и произвол местной администрации. Общий анализ этих актов помогает восстановить характер феодальной эксплуатации трудового народа как феодальным государством в целом, так и отдельными феодалами.

По своему содержанию волостные грамоты имели различный характер. Одни из них довольно подробно определяли размер многих повинностей населения (подати деньгами, продуктами труда, охоты, промыслов, различные работы). Другие касались только одной или нескольких повинностей. В волостные грамоты вписывались как старинные налоги и повинности, которые несло население на протяжении многих веков (полюдьё, дякло, куница, серебщина, въезд, станции и др.), так и новые. С развитием феодальных отношений и закрепощением крестьян старые обычаи постоянно нарушались, вводились новые налоги и повинности. Особенно разорительными для населения были поборы в пользу местных должностных лиц, которые, стремясь к наживе, разоряли целые деревни и волости. В грамоте, направленной виленскому воеводе в связи с жалобой населения Гомельской волости на гомельского наместника, читаем: «...приходили до нас многие люди наши Гомейские, жалуючи сами от себе и от всех мещан и людей волости Гомейское... ино дей князь Василий тьи листы наши у них поотнимал и того ж году почал им кривды чинити... И не могучи они кривд и тяжкостей своих великих от него терпети, выправили были неколко людей с жалобою до нас господаря, и он деи оных людей казал на дорозе переняти и побити, и ограбити и у вежу посажати, и пенезей готовых взял в них шестнадцать коп грошей и двадцать бобров и двесте грошей вины на всих их взял»²⁹. Далее дается объяснение, почему необходимо ограничить произвол гомельского наместника: к людям, живущим в окраинных землях, «трэба ся ласкаве заховати не годиться им ни в чем обтяженья чинити... И так того смотрел жебы поданные нашы тамошние таковых тяжкостей от него не приймовали и з отчизн своих проч ся не расходили»³⁰. Как видно из этой записи, правящая верхушка, выдавая волостные грамоты, в первую очередь заботилась о государственных доходах.

Территория, на которую распространялось действие того или иного привилея, не была одинаковой. Так, **привилей от 2 октября 1511 г.** охватывал несколько волостей: Кричевскую, Пропойскую, Чечерскую, Горвольскую, Речицкую и др., распространяясь на территорию трех современных областей Белоруссии: Гомельскую, Могилевскую и Витебскую³¹. Другие же привилеи выдавались населению какой-либо одной волости.

Действие волостных привилеев во времени не ограничивалось. Чаще всего они выдавались «до воли и ласки наше господарское», т. е. до нового постановления администрации. В тех случаях, когда такого указания не было, предполагалось, что они должны действовать вечно. Они изменялись новыми привилеями или просто игнорировались местными должностными лицами. Поэтому правительство иногда выдавало вторичные привилеи.

Содержание волостных привилеев в основном было направлено на правовое закрепление повинностей и некоторых прав населения. Например, в **Свис-**

лочском привилее 1540 г. кроме повинностей населения указаны и их права: «А о дерево бортное и о бчолы маюць ся они сами межи собою судити... а о межу дей потомуж суд... А в жадную дей сторожу их перед тым здавна не посылали... а ни в осад их до замку часу беспечного от неприятелей не гоняли... А хто коли з них умереть, тогда тот статок на близких приходит. Теж вольно им всякое збожье и зверь мохнатый кому хотя продати, також мед пресный и быдло: врадники того им боронити не маюць. А который дей девки идуть замуж межи своее волости, с тых куницы не берутъ»³². В **Могилевском привилее 1536 г.** предусмотрены были торговые пошлины и льготы. В привилее, выданном по жалобе жителей Усвятской волости, говорилось, что в этой волости «есть обычай стародавний, што они сами старца межи собою выбираютъ»³³.

Анализ правовых норм, изложенных в волостных грамотах, дает основание сделать вывод о том, что население этих волостей в старину пользовалось более широкими правами и, возможно, имело и писанные грамоты, которые по содержанию были более близкими к областным привилеям, чем грамоты XVI в.

Волостные привилеи в некоторой степени регулировали и деятельность выборных лиц — старцев, которые избирались из более богатых крестьян и мещан и стремились эксплуатировать остальное население, присваивая себе собранные с населения продукты и деньги. Так, Могилевский привилей 1536 г. запрещал старцам производить раскладку повинностей на жителей города и волости на собственные нужды «без ведома и без воли державцы»³⁴. В **Бобруйском привилее 1553 г.** более подробно устанавливался порядок раскладки налогов на нужды волости³⁵.

Волостные привилеи интересны и тем, что в них содержатся многочисленные отголоски еще более древних правовых обычаев. В этой связи заслуживают внимания упоминания о кунице, полюдье и других видах дани. Так, полюдье взималось в Свислочской волости по полтора гроша с дыма, Чечерской — по одному грошу, в Могилевской определялось общей суммой в 60 коп грошей. Характерно, что полюдье во всех волостях взыскивалось в денежном выражении, а не натурой.

Городские грамоты

Грамоты (привилеи) жителям городов, выданные в XIV—XVI вв., выделяли города из ведения органов местной территориальной администрации и учреждали особые городские органы по образцу немецких городов, по магдебургскому праву. Правоотношения мещан между собой, с другими слоями населения и государством регулировались местным обычным правом, грамотами на магдебургское право и правовыми нормами, содержащимися в иных грамотах, сеймовых уставах и статутах, а также в уставах цехов и братств. Наиболее древние нормы городского права белорусских городов содержатся в договорах Полоцка и Витебска с Ригой и в областных привилеях.

Выделение городов в самостоятельные административные единицы было осуществлено специальными **привилеями**, выданными городам: **Бресту** — в

1390 г., Гродно — 1391 и 1496, Слуцку — 1441, Полоцку — 1498, Минску — 1499, Новогрудку — 1511, Слониму — 1531, Могилеву — 1577, Пинску — 1581, Мозырю — 1577, Несвижу — 1586, Витебску — в 1597 г. В XVII в. грамоты на магдебургское право получили мещане Орши, Чаусов, Мстиславля, Черикова, Копыля и т. д. Известно, что мещане Бобруйска, Быхова, Давид-Городка, Клецка, Кричева, Крево, Лиды и других городов пользовались привилегиями на магдебургское право, но когда им были выданы такие привилегии — пока историками не установлено, так как тексты этих актов не сохранились и в других источниках нет таких сведений.

По грамотам на магдебургское право мещане освобождались от ряда феодальных повинностей, которые они ранее несли совместно с крестьянами данной земли, волости. Если раньше повинности мещан определялись нормами обычного права, то после их отделения от волости они стали регламентироваться в правовых актах. А так как жители каждого города несли разные повинности, то и грамоты, выданные горожанам, носили индивидуальный характер для каждого города. Вместе с тем в этих грамотах содержались общие, характерные для горожан многих городов правовые нормы. Особенно это относится к грамотам, выданным мещанам наиболее крупных городов: Полоцка, Минска, Бреста, Новогрудка, Могилева, Пинска, Витебска. В них указывалось, что выдаются они для сохранения в памяти людской прав и льгот, которые направлены на улучшение положения горожан и создание условий для процветания города, а также для увеличения доходов государственной казны. Эта мысль наиболее четко была записана в **Пинской грамоте от 12 января 1581 г.**: «Мы господарь хочечи к лепшому пожитку и порядку подданных наших мещан и обывателей места нашего Пинского привести, и жбы теж в таком порядке пожитки и доходы скарбу нашего размножены были, тым подданным места нашего Пинского право Немецкое, которое Майдеборским названо есть, даем и сим листом нашим позволяем, вечные часы... Вызволяем теж тых подданных наших преречного места Пинского от прав земских великого князства Литовского и от звычаев пос-политых, которые право Майдеборское звыкли затруднивати»³⁶. Заботясь о доходах государственной казны, правительство стремилось к тому, чтобы полученные с населения различные сборы не оседали в руках местных должностных лиц (воевод, старост, наместников, державцев), а поэтому стремилось ограничить власть этих лиц по отношению к жителям городов.

Исследование правовых норм, содержащихся в городских грамотах и иных законах, регулировавших правоотношения мещан, позволяет нам сделать вывод, что в белорусских городах в XV—XVI вв. сложилась и применялась самостоятельная отрасль права — феодальное городское право, основными источниками которого были специальные грамоты (привилегии), общегосударственные статуты, уставы, местное обычное право и некоторые нормы иностранного права, приспособленные к правосознанию и потребностям местного городского населения.

Статуты Великого княжества Литовского

Развитие производительных сил и производственных отношений, рост торговли и внутригосударственных экономических связей в конце XV — начале XVI в., а также обострение антифеодальной борьбы вызвали настоятельную необходимость приведения в единую систему правовых норм и создания единого для всего государства права.

Первые попытки кодификации права были предприняты в середине XV в., когда был издан Судебник 1468 г. Содержание Судебника 1468 г. ограничивалось в основном нормами уголовного и уголовно-процессуального права, в связи с чем все остальные правоотношения продолжали регулироваться в каждой земле по-разному в зависимости от местного обычного права.

Работы по подготовке первого статута проводились на протяжении первой четверти XVI в. К 1522 г. был подготовлен первый вариант статута, но он не был утвержден и работы по составлению статута продолжались до 1529 г.

Анализ норм **Статута 1529 г.** позволяет сделать вывод, что основным его источником были административная и судебная практика государственных органов, обычное право белорусских и литовских земель, составлявших центр Великого княжества Литовского, нормы писаного права, изложенные в Судебнике 1468 г. и ранее выданных грамотах (привилеях). В качестве источников этого статута были использованы нормы Русской Правды, церковного права, как православного, так и католического, и некоторые нормы польского права. Конечно, нормы древних источников и иностранного права были переработаны и приспособлены к условиям феодализма и местным потребностям.

При разработке статута его составители впервые решили ряд исключительно сложных теоретических и практических вопросов, таких как вопрос о разграничении норм права по отдельным отраслям, о расположении их в определенной системе, ввели много новых положений, ранее неизвестных праву Великого княжества Литовского. Если еще учесть, что подобных систематизированных сводов местных законов в это время не было ни в одном из европейских государств, то станут понятны заслуги составителей статута и те трудности, которые возникали при его подготовке.

Статут 1529 г. по своему содержанию был первым в Европе систематизированным сводом законов различных отраслей права. В первых трех разделах содержались в основном нормы государственного права или принципиальные положения иных отраслей права, в четвертом и пятом — брачно-семейное и наследственное, в шестом — процессуальное, в седьмом — уголовное, в восьмом — земельное, в девятом — лесное и охотничье, в десятом — гражданское, в одиннадцатом, двенадцатом и тринадцатом — уголовное и уголовно-процессуальное право. Такое содержание статута дает основание считать ошибочным именование его кодексом, так как он является сводом законов Великого княжества Литовского. В статуте получили юридическое закрепление основы общественного и государственного строя, правовое положение классов, сословий и социальных групп населения, порядок образования, состав и полномочия некоторых органов государственного управления и суда.

Разделы статута подразделялись на статьи (артыкулы). Первоначально в статуте было 244 (или 245) статей, в 30-х годах XVI в. в него были внесены дополнения и редакционные поправки, в результате которых количество статей увеличилось до 283 или, по Слуцкому списку, — до 278³⁷. Такое различие в количестве статей объясняется тем, что официальный текст Статута 1529 г. в XVI в. не был опубликован и в рукописные списки дополнения вносились самими владельцами рукописей. Поэтому не во все рукописи дополнения были внесены или вносились не полностью.

Издание Статута 1529 г. знаменовало собой крупный шаг в развитии теории и практики правотворчества и применения правовых норм, способствовало укреплению феодального правопорядка, несколько ограничивало произвол феодальных судебных органов и администрации.

В статуте провозглашалось правило, по которому все лица, как убогие, так и богатые, должны были судиться по нормам, изложенным в статуте. Господарь обязывался сохранять территориальную целостность государства, не допускать иностранцев на государственные должности и не наделять их имениями и доходами, не отнимать должностей и имущества без суда, соблюдать все старые законы и новые издавать только с панами-радой. По Статуту 1529 г. несколько упорядочивалась судебная система и судопроизводство, узаконивались заседатели в судах воевод, старост, державцев и их заместителей, ограничивался размер судебных пошлин, допускалось участие в суде адвокатов, провозглашалась правовая защита интересов простых людей.

Статут был типичным памятником феодального права, который обеспечивал правовую охрану прав и привилегий сословия шляхты и особенно верхушки класса феодалов — панов-рады, ограничивал права свободных простых людей и закреплял бесправие людей зависимых и челяди невольной.

Статут 1529 г. имеет важное значение и как памятник культуры и языка белорусского народа.

Этот статут послужил прочной основой для развития последующего законодательства и был главным источником при подготовке **Статута 1566 г.**

Социально-экономические изменения, происходившие в середине XVI в., вызвали необходимость внесения изменений и в законодательство. К таким изменениям в первую очередь следует отнести рост и укрепление феодальной собственности, усиление феодального гнета крестьян и их обезземеливание, проводившееся в связи с увеличением барской запашки и созданием фольварков. В течение значительного времени продолжали действовать старые нормы права, что вызывало критику различных кругов шляхты. Большое недовольство действовавшим правом выражала средняя шляхта и «новые» крупные феодалы, так как право не отражало реального экономического и политического значения этой части класса феодалов в государстве. Старые нормы права, узаконившие произвол феодалов над основной массой населения, вызвали недовольство и наиболее прогрессивной части населения. Идеологическая борьба против насилия и произвола феодалов во второй половине XVI в. велась в основном в виде религиозных ересей и реформационных движений. В Великом княжестве Литовском возникают различные антикатоли-

ческие и антифеодальные учения и группировки («литовские братья» и др.). Эти учения в Белоруссии распространялись такими видными деятелями антикатолического движения, как Петр Гезка, Симон Будный и др.³⁸

Несовершенство действовавшего права ощущала и сама правящая верхушка. Поэтому она неоднократно делала попытки обновить законодательство. Наиболее существенные меры по подготовке проекта нового статута были предприняты в 1551 г., когда была создана комиссия для подготовки такого проекта.

В этом акте принимали участие члены специальной комиссии, юристы-практики и ученые, а также должностные лица центральных органов государственного управления, которые начали работу по совершенствованию статута еще до создания комиссии. Записывая и систематизируя постановления и решения судебных и государственных органов, они приобщали новые нормы к старому статуту, дополняя и расширяя его содержание. Таким образом, был накоплен значительный материал, послуживший источником для нового статута.

Новый статут был введен в действие с марта 1566 г. Статут 1566 г. издан с приложением к нему привилеев 1563, 1564 и 1565 гг. Его текст состоит из 14 разделов, каждый из которых подразделяется на статьи (артыкулы). В первом разделе собраны нормы, провозглашающие основные принципы права Великого княжества, а также нормы, относящиеся к государственному праву и государственным преступлениям, во втором — нормы, относящиеся к обороне земской, третьем — нормы о правах шляхты, четвертом — о судьях и судах, пятом — нормы брачно-семейного права, шестом — об опеках, седьмом — о записях и продажах, т. е. о праве отчуждения имений под условием залога и продажи, в восьмом — о завещаниях, девятом — о земельных спорах, десятом — о лесных промыслах, одиннадцатом — о насилиях и преступлениях против шляхты, двенадцатом — о преступлениях против простых людей, тринадцатом — об имущественных преступлениях, в четырнадцатом — о преступлениях иного рода и, в частности, о «выводе» феодально зависимых крестьян или челяди невольной.

Следует оговориться, что содержание некоторых отдельных норм не соответствовало названию того раздела, в котором они были помещены. В целом же содержание правовых норм, изложенных в Статуте 1566 г., отражало круг правоотношений того времени и вполне обеспечивало государственно-правовую защиту интересов класса феодалов.

К числу наиболее важных норм, изложенных в статуте, относятся нормы государственного права, определившие территорию государства, порядок образования и деятельности государственных органов, права и привилегии господствующего класса. Важное значение имели нормы, регулировавшие порядок принятия новых законов. Так, в ст. 2 раздела II говорилось, что ни сам государь, ни совместно с радой не правомочен решать вопрос о войне и налогах. Эти вопросы могли быть решены только сеймом. В этой же статье определяется состав сейма.

В ст. 1 раздела III государь давал обещание сохранять Великое княжество Литовское во всей его славе, власти и «в границах ни в чом не вменшати и о вшем примножати», а в ст. 3 того же раздела добавляет еще обещание «добра князства Литовского не уменьшым и то, што будеть через неприятелей того панства нашего отдалено разобрано и ку иному панству от того панства на-

шого коли кольвек упрошено, ку Короне ку Мазовшу ку Прусам ку Ифлянт-том, то за се ку власности того Великого князства привести привлащати и границы оправити обещуем». (Надо сказать, что для Сигизмунда Августа это обещание было пустым звуком, так как впоследствии он нарушил не только это обещание, но и свою торжественную клятву, которую он дал при вступлении на престол, о сохранении Великого княжества Литовского в целостности. Но католические епископы отпустили ему такой «грех», как клятвоотступничество.) Анализируя состав этой статьи, следует также обратить внимание на то, что рядом с неприятелями Великого княжества Литовского перечисляются Польша (Жорна) и польская область Мазовше.

В ст. 9 раздела III получила дальнейшее развитие норма о том, что «достоиностей духовных и свецких, городов, дворов и кгрунтов, староств в держаньи и пожываньи и вечностей жадных чужоземцом и заграничником ани соседом таго панства давати не маем». Тем самым была более полно и ясно повторена норма, ранее изложенная в Статуте 1529 г., запрещающая давать имения и должности иностранцам и соседям Великого княжества Литовского. Конечно, эти статьи были внесены в Статут 1566 г. вопреки воле польских феодалов и самого короля, всеми силами стремившегося к ликвидации самостоятельного существования Великого княжества Литовского. Направленность норм статута против захватнических тенденций польских феодалов является ярким свидетельством ошибочности тезиса буржуазных историков, которые утверждали, что мелкая и средняя шляхта Великого княжества Литовского якобы стремилась к объединению с Польшей и, следовательно, к включению Великого княжества Литовского в состав Польши³⁹.

Статут 1566 г. законодательно закрепил привилегии и главенствующую роль крупных феодалов в государстве. Так, согласно ст. 5 раздела III, на вальный (общий) сейм в соответствии со старыми обычаями приглашались специальными листами великого князя князя, паны, маршалки и иные должностные лица. Интересы крупных феодалов охраняла ст. 10 этого же раздела, в которой говорилось: «Теж обещуем и хочем вечными часы мети, абы панове рада наша, так духовные яко и свецкие, и вси иные врядники наши земские и дворные, в том панстве нашем Великом князстве Литовском были во всяких достоинствах и у почтивостях захованы водле давного обычая и кождый подле зацности и местца своего». Все это опровергает мнение буржуазных историков, считавших, что Статут 1566 г. ограничил права крупных феодалов и на главенствующее положение в государстве выдвигал мелкую и среднюю шляхту.

В статут были включены некоторые устаревшие нормы, не соответствовавшие изменившимся экономическим и политическим отношениям, что явилось своего рода данью старине. Поэтому после введения статута пришлось вносить в него некоторые изменения. Так, уже в июне 1566 г. была изменена ст. 1 раздела VII. По старой редакции этой статьи право землевладельца-шляхтича распоряжаться своими имениями было ограничено в отношении отчинных (фамильных) имений. Собственник такого имения имел право отчуждать на сторону, минуя своих родственников, только одну третью часть своих имений, остальные же две трети можно было передать в залог, на сум-

му, не превышающую их стоимости, с правом выкупа для родственников. По новой редакции этой статьи землевладельцы получили полное право свободно распоряжения принадлежавшими им имениями.

Буржуазные историки права видели в этой статье пример расширения прав средней и мелкой шляхты. Однако они не учитывали главного — у мелкой шляхты вообще не было собственных имений и денег для покупки таковых. Средний шляхтич, имевший имение, мог в силу статьи продать его и перейти в разряд убогой, безземельной шляхты, но считать это благом для него нет оснований. Конечно, основной выигрыш по этой статье получали феодалы, приобретавшие имения, а таковыми были в первую очередь крупные и некоторые средние феодалы, сумевшие за счет усиления эксплуатации зависимых людей и увеличения товарности своих имений добыть средства, необходимые для покупки новых имений. В этом отношении характерной является запись о передаче Тимофеем Михайловичем Северином и его женой имения Крыкштанского Павлу Ивановичу Сапеге. В записи, сделанной в книге гродненского земского суда за 1570 г., говорилось: «Ставши очевисто земенин господарский повету Городенского... Тимофей Михайлович Северин оповедал и сам добровольне устне ку записаню до книг вызнал иж про недостаток и вбозство свое и теж для хоробы не маючи ни откуль ратунку и запоможеня и не будучи способным службы господарское и земское военное служити по доброй воли своей ни з якое намовы ани прыму-шенья бачечи на добродейства вельможного пана его милости пана Павла Ивановича Сопеги... дался его милости у вопеку з именем своим Крыкштанами на Клеве реце, а по животе своем право свое вечное на его милости самого, дети и потомки его милости улил»⁴⁰. Как видим, Сапега не затратил денег на приобретение этого имения.

В Статуте 1566 г. была сделана попытка провозглашения политических прав простых людей. Так, в ст. 2 раздела III говорилось о том, что будут соблюдаться все права всех групп класса феодалов, а также мещан и «всех людей посполитых у Великом Князстве Литовском и во всех землях того панства... в которых они, яко люде вольные, вольно обираючи... из вечных своих продков себе панов и Господарей Великих князей Литовских». В этой статье обращает на себя внимание заявление о том, что якобы в выборах великого князя участвовали и простые люди — «мещане и все люди посполитые», хотя известно, что они в выборах не только великого князя, но даже депутатов на сейм участия не принимали. Наличие этой записи в статуте нельзя объяснить только демагогической уловкой и обманом. Она, по-видимому, была сделана под напором борьбы простого народа за свои права. К тому же она не мешала крупным феодалам в их борьбе за ограничение власти великого князя, подчеркивая ее должностной, а не божественный или частновладельческий характер. Кроме того, можно полагать, что эта запись послужила отголоском давно минувшей старины, когда народ участвовал в вечевых собраниях и приглашал или изгонял своих князей.

По Статуту 1566 г. к участию в ограничении власти господара привлекался и сейм. Так, в ст. 2 раздела II и ст. 12 раздела III говорилось, что вопросы объявления войны, установления налогов и принятия новых законов не могут решаться господарем с панами-радой, а должны решаться только на общем сей-

ме. Буржуазные историки из содержания этих статей делали вывод о переходе политического влияния от крупных феодалов к шляхте. Такой вывод не соответствует исторической правде, так как сам по себе факт решения этих вопросов на сейме еще ни о чем не говорит. В первую очередь следует обращать внимание не на то, где решается вопрос, а на то, кто его решает и в чью пользу. Роль шляхты на сеймах сводилась в основном только к роли пассивных статистов, которые приглашались не для того, чтобы что-то решать, а для того, чтобы лучше пропагандировать решения сеймов на местах и тем самым добиваться их исполнения во всех уголках государства. В лучшем случае шляхтич, присутствующий на сейме, мог поддерживать ту или иную группу крупных феодалов, если их мнения по какому-либо вопросу расходились, в других же случаях он считал для себя более выгодным соглашаться с мнением своих «благодетелей».

Обзор конституционных норм, содержащихся в Статуте 1566 г., позволяет сделать вывод, что они были направлены на защиту интересов господствующего класса и особенно его верхушки — крупных феодалов, гарантировали им права и преимущества в угнетении и эксплуатации трудящихся, способствовали укреплению положения феодалов Великого княжества Литовского в их отношениях с феодалами Польши, которые беспрерывно стремились к захвату белорусских и украинских земель.

С принятием Статута 1566 г. кодификация и систематизация собственного законодательства в значительной степени опередила подобные работы в других феодальных государствах. Этот факт свидетельствует также о том, что в Великом княжестве Литовском уже в то время общественные отношения стояли на довольно высоком уровне и имелись юристы, достаточно подготовленные теоретически и практически, способные отразить и закрепить эти отношения в законодательстве, создав второй свод законов.

Крупные социальные и политические изменения, происшедшие в связи с проведением в жизнь реформы 1557 г. и незаконным присоединением Подляшья и Украины к Польше, осуществленным по распоряжению великого князя литовского и короля польского Сигизмунда Августа, а затем принудительное подписание акта Люблинской унии 1 июля 1569 г. вызвали необходимость внесения изменений в законодательство Великого княжества Литовского. С этой целью в 1569 г. была создана комиссия, которой поручалось согласовать статут с польским правом. Однако эта комиссия никаких следов своей работы не оставила.

В 1572 г., после смерти Сигизмунда Августа, отношения между Великим княжеством Литовским и Польшей сложились в виде уний двух государств. Великое княжество Литовское не было включено в состав Польши, а продолжало оставаться самостоятельным государством, имевшим общих с Польшей короля и сейм. В Великом княжестве Литовском оставались обособленными финансы, органы государственного управления, армия и законодательство. Поэтому правящая верхушка Великого княжества Литовского не считала нужным согласовывать нормы статута с польским правом в соответствии с постановлением Люблинского сейма. Взаимоотношения между феодалами Польши и Великого княжества Литовского были настолько неприязненными, что даже не исключалась возможность разрыва союза с Польшей. Поэтому

польские феодалы, присоединив к Польше Украину и Подляшье, были согласны в то время с новым толкованием акта Люблинской унии как союза двух равноправных государств. При таком положении отпала и обязанность изменения конституционных норм статута. Отсутствие же всяких следов работы комиссии может только свидетельствовать о том, что и сама комиссия после 1572 г. перестала существовать.

Вместе с тем известно, что в 1570-х годах в статуте были сделаны изменения и дополнения, однако они касались норм судебного, уголовного и гражданского права и вносились в статут по желанию феодалов Белоруссии и Литвы.

В связи с борьбой феодалов Белоруссии и Литвы за сохранение обособленности Великого княжества от Польши большое значение придавалось сохранению своего, самостоятельного права. Поэтому почти на всех сеймах Великого княжества Литовского обсуждались вопросы улучшения законодательства. Так, в 1579—1580 гг. был подготовлен и в 1581 г. принят закон об образовании главного суда (главного трибунала).

В этот же период началась работа по подготовке проекта нового статута. Кто персонально принимал участие в его подготовке — неизвестно. И. И. Лапо полагает, что работа над ним в годы царствования Стефана Батория перешла в руки сеймиков и съездов и производилась она «самим шляхетским народом» Великого княжества Литовского, а не «сословием законоведцев»⁴¹, т. е. не специалистами-юристами. По нашему мнению, такое утверждение является спорным. Изучение истории кодификации законодательства позволяет утверждать, что разрозненные поветовые сеймики, на которые собиралась шляхта, не имевшая достаточной юридической подготовки, поскольку значительная часть поветовой шляхты вообще была безграмотной, не могли проводить сложную и длительную работу по кодификации. Поэтому, вероятно, работа по подготовке проекта статута была проведена специально назначенной комиссией, в состав которой входили наиболее образованные юристы Белоруссии и Литвы. О наличии такой комиссии свидетельствуют многие памятники и прежде всего сам **Статут 1588 г.** Так, в предисловии к статуту, написанном Львом Сапегой, говорится: «Статут новый, а на многих местцах от людей мудрых, а в правах беглых з народу нашего на то обранных поправленный»⁴². Подобная же запись содержится и в привилее, выданном в 1588 г.: «Найпервей Статут прав Великого князства Литовского, теперь новоправленный через депутаты от станов Великого князства Литовского на то обранных, на том сейме коронацыи наше для подтверждения поданыи, змоцняем и до уживанья даем»⁴³. Эти записи позволяют утверждать, что статут готовила группа людей, имевших специальную юридическую подготовку, в число которых входили и некоторые должностные лица Великого княжества Литовского.

Бесспорно можно назвать только двух членов этой комиссии — О. Б. Воловича и Л. И. Сапегу, в то время занимавших должности канцлера и подканцлера Великого княжества Литовского. Почему не известны фамилии других членов комиссии — дать окончательный ответ сейчас трудно. Однако можно предположить, что проект статута готовился лицами, которые не занимали видных должностей в государстве, по своему положению не относились к

крупным феодалам и не происходили из знатных фамилий, т. е. скорее всего комиссия состояла из профессиональных юристов, имена которых были забыты сразу же после того, как был утвержден статут. Не подлежит сомнению и тот факт, что проект неоднократно обсуждался на сеймах и получил полное одобрение феодалов Великого княжества Литовского, однако это не значит, что статут был подготовлен «самим шляхетским народом».

Третий статут с точки зрения правовой теории и практики имел значительные преимущества перед своими предшественниками. В нем получили более четкое отражение государственно-правовые идеи того времени, основы общественного и государственного строя, а также некоторые прогрессивные идеи, развиваемые идеологами гуманизма и рационализма. Основное же государственно-правовое значение Статута 1588 г. заключалось в том, что он законодательно оформил сохранение Великого княжества Литовского как самостоятельного государства вопреки акту Люблинской унии. Составители статута не внесли в него ни одной нормы, которая могла бы быть использована во вред государственной самостоятельности. Нормы государственного права, изложенные в Статуте 1566 г., были сохранены в Статуте 1588 г. Составители нового статута как бы не заметили или не поняли акта Люблинской унии о включении Великого княжества Литовского в состав Польши. Такое отношение государственно-правовых норм статута к акту Люблинского сейма 1569 г. является ярким свидетельством того, что шляхта Великого княжества Литовского, участвовавшая в работе сеймов, враждебно относилась к слиянию Великого княжества Литовского с Польшей.

Статут 1588 г. состоит из 14 разделов, в которых содержится 487 статей. В первый раздел включены разнообразные по своему содержанию нормы, которые можно подразделить на две группы: нормы, касающиеся основных положений, и нормы, определяющие наказание за государственные преступления. Второй раздел охватывает нормы, регулирующие выполнение военной обязанности шляхтой. В третьем разделе изложены нормы государственного права. Так, в ст. 1 этого раздела провозглашается неприкосновенность границ Великого княжества Литовского и сохранение его самостоятельности; ст. 4 обязывает короля и великого князя вернуть в состав Великого княжества Литовского все земли, ранее от него отторгнутые (хотя известно, что самые крупные отторжения были сделаны в пользу Польши); по ст. 5 запрещается отнимать имения у шляхты и, что особенно характерно, давать имения иностранцам и посторонним лицам, а также издавать в будущем какие-либо законы и привилеи, которые противоречили бы этому статуту. Принципиальное значение имела ст. 12 раздела III, которая была прямо направлена против польских феодалов, стремившихся прибрать к своим рукам государственные должности, а с ними и имения в Белоруссии и Литве. В силу этой статьи польские феодалы не имели права занимать государственные и духовные должности в Великом княжестве Литовском.

Статья 13 гарантировала сохранность в Великом княжестве Литовском отдельного государственного и административного аппарата. Статья 15 как бы дополняет ст. 5 этого же раздела и подтверждает все земские привилеи, выданные в Великом княжестве Литовском, т. е. и те, которыми гарантировалась само-

стоятельность Великого княжества Литовского. Последующие статьи этого раздела закрепляют и гарантируют сословные права и привилегии шляхты и зажиточной части мещан.

В результате ожесточенной идеологической борьбы господствующий класс вынужден был пойти на ряд уступок в отношении простых людей. Так, в Статут 1588 г. была включена статья об уголовной ответственности шляхтича за убийство простого человека.

Издание Статута 1588 г. имело исключительно важное значение для всей последующей истории Белоруссии и Литвы. Он явился важным шагом по пути развития правовой мысли и отражал изменения, происшедшие в экономическом развитии. Статут был написан и напечатан типографским способом на белорусском языке, что делало его понятным всему населению. Действовал статут с 1589 до 1840 г. В 1614 г. он был переведен на польский язык и неоднократно на нем издавался. При подготовке Соборного уложения царя Алексея Михайловича 1649 г. статут был переведен на русский язык⁴⁴.

Нормы Статута 1588 г. применялись на Украине, которая в XVII в. присоединилась к России, а также и в той части, которая продолжала оставаться в составе Польши.

Статут 1588 г. сыграл важную роль в развитии права и России. М. Ф. Владимирский-Буданов, проверив и сличив Соборное уложение 1649 г. со Статутом 1588 г., пришел к выводу, что ряд статей и даже глав Соборного уложения представляют либо буквальный перевод, либо довольно точный пересказ статута⁴⁵. Другой исследователь истории русского права В. Н. Латкин отмечал, что Соборное уложение находилось под сильным влиянием статута и нередко копировало его⁴⁶.

Подводя итог анализу статутов, отметим, что в их содержании обращает на себя внимание некоторая двойственность норм. С одной стороны, в них содержались нормы, закреплявшие неравенство людей, права и льготы сословия шляхты и класса феодалов, нормы, унижающие человеческое достоинство простых людей. С другой — в них были включены прогрессивные по тому времени нормы, отражавшие развитие товарно-денежных отношений и появление ростков капитализма, идей Реформации и гуманизма. Провозглашался принцип равенства всех перед законом, хотя закон не был равным для всех, ограничивались источники холопства, устанавливалась уголовная ответственность шляхтича за убийство простого человека, ограничивалась возможность применения наказаний к несовершеннолетним, представлялись более широкие права собственникам отчуждать свои имения, провозглашался принцип веротерпимости. В статуты были включены нормы, ограничивавшие власть государя и правящей верхушки феодалов. Ряд статей статутов обязывали великого князя и государственные органы управления поступать в соответствии с законом, заботиться об интересах государства и народа. Эта идея особенно образно была высказана в предисловии к Статуту 1588 г.

Составители и редакторы статутов, хотели того или нет, внесли в них ряд прогрессивных норм, которые в конечном итоге выдвинули статуты на одно из первых мест среди памятников феодального права европейских стран.

Сеймовые постановления. Исполнительно-распорядительные акты

Все важнейшие законодательные акты в Великом княжестве Литовском в XVI в. принимались великим князем совместно с радой и сеймом и оглашались от имени великого князя и за его подписью. Законными считались также акты, принятые радой с участием великого князя или даже без него, а также сеймом без участия великого князя.

Развитие нормотворческой деятельности великого князя совместно с радой и «великим вальным сеймом» в XV—XVI вв. привело к сужению сферы действия обычного права и установлению первостепенного значения законодательства. Правовое закрепление законодательной деятельности рады и сейма было осуществлено в общегосударственных привилеях и статутах Великого княжества Литовского.

К исключительной компетенции общегосударственного (вального) сейма относилось объявление войны, установление военных налогов и военной повинности, избрание великого князя. Кроме того, сеймы могли принимать законы и по тем вопросам, которые могли решаться другими органами власти и управления. Четкого разграничения компетенции сейма, рады и других органов не существовало. Поэтому сеймы кроме законодательной иногда исполняли административно-распорядительные функции и даже судебные.

Интересно отметить, что в странах Западной Европы законодательство как источник права имело до XVIII в. второстепенное значение, в то время как в Великом княжестве Литовском, оно стало господствующим с XVI в., после издания Статута 1529 г.⁴⁷

Издаваемые сеймом нормативные акты носили различные наименования. Единого современного понятия «закон» не существовало. В зависимости от содержания и способа их принятия законы носили названия: ухвала, ухвала земская, постановление, конституция, устава, статут, грамота, привилей, лист, универсал, артыкул.

Наиболее типичными для сеймовых постановлений XVI в. являются названия: ухвала, устава, постановление и заимствованное из латинского языка — конституция. Законы о военной повинности и налогах на военные нужды иногда обнародовались как универсалы. Четкого разграничения между понятиями не существовало. Вместе с тем некоторое различие можно отметить. Так, ухвалой именовалось чаще всего решение сейма как волевой акт, а уставой — сам документ, в котором выражалось содержание сеймовой ухвалы. Например, постановление сейма от 1 мая 1528 г. было озаглавлено «Ухвала на великом сойме виленском в року 1528 месяца мая 1 дня учиненая з стороны обороны земское...». В тексте говорилось, что великий князь, будучи вместе с панами-радой «на великом вальном сойме, рачил его милость ухвалити и установи оборону земскую... а тая устава положона от того часу только на десять год»⁴⁸. Кроме того, уставами именовались также акты, принятые не сеймом, а великим князем и радой Великого княжества Литовского и имевшие такую же силу закона, как и сеймовые решения.

Подготовка сеймовой ухвалы начиналась с законодательной инициативы, которая принадлежала государю и раде. По их инициативе принималось большинство законодательных актов. Депутаты сейма законодательной инициативой не обладали, но их деятельность (особенно просьбы и челобитные) могла быть поводом к изданию законодательных актов. Привилей 1565 г. прямо предписывал депутатам сейма привозить листы с пожеланиями местных сеймов о нуждах всего государства «и каждого засобна повету»⁴⁹. Подобное правило содержалось и в статутах 1566 и 1588 гг.

Такие просьбы депутатов от шляхты появлялись довольно часто и в разных формах. Иногда они были инспирированы крупными феодалами или католическим духовенством. На сейме 1565—1566 гг. шляхетские депутаты с Подляшья заявляли, что шляхта просит присылать в Дорогичинский, Вельский и Мельникский поветы все документы не на белорусском (по выражению того времени — русском) языке, а на латинском или польском⁵⁰. Конечно, при сплошной неграмотности бедной шляхты такое требование было навязано католическим духовенством, которое считало себя носителем латинской культуры.

Кроме депутатов сейма, просьбы об издании законодательных актов могли подавать и представители населения городов, волостей, купцы, ремесленники, крестьяне.

По просьбам и жалобам было издано огромное количество различных законодательных и административных актов, в том числе и таких крупных, как областные, городские и волостные привилеи. Многие привилеи так и начинались с фразы: «Били нам чолом».

Ходатайства населения, подававшиеся в форме челобитных, играли существенную роль: «били челом» на злоупотребления местной администрации, просили сохранять старые повинности и порядки, дать новые права (особенно мещане, шляхта), добивались смещений неудобных наместников и должностных лиц, просили защитить от военных и разбойных нападений из-за границы, утвердить цеховые уставы, освободить от налогов, повинностей, мыта (пошлины), обеспечить свободу вероисповедания и т. д.

Каких-либо ограничений в подаче челобитных законодательство не устанавливало. Право населения на подачу челобитных основывалось на древнем обычае и поэтому считалось ненарушимым. Челобитные в то время являлись важной формой правовой защиты населения от произвола и злоупотреблений местных должностных лиц, служили поводом для издания новых юридических актов, в которых более полно отражались общие и частные интересы определенных групп и классов населения. Такой характер выражения воли населения способствовал проявлению национального характера в правовых актах, превращению старых народных правовых обычаев в правовые нормы, санкционированные органами государственной власти. Тем самым при помощи челобитных, в сочетании с другими формами борьбы (вооруженные выступления, отказ от выполнения повинностей, уход от феодала или даже за границу), «люди простого стану» существенно влияли на законодательство. Это опровергает распространяемый буржуазными историками тезис о том, что

в странах Восточной Европы народ представляет собой инертный материал, а историю делали только господствующие классы.

В законодательной деятельности, и в частности в принятии сеймовых постановлений, важное место занимала работа по подготовке проекта закона. Эта стадия законодательной деятельности чаще всего остается малоизвестной, хотя именно здесь вырабатывался будущий закон, шла теоретическая разработка новых норм права. Подавляющее большинство проектов нормативных актов готовилось юристами-практиками, служившими в государственной канцелярии. При подготовке проектов многоотраслевых законов создавались специальные комиссии, в которые наряду с практиками включались и люди, имевшие специальное юридическое образование, а также депутаты сеймов, призванные наилучшим образом выразить в законе запросы с мест.

Обсуждение и принятие закона осуществлялись на заседаниях сейма или в раде. Великий князь в XVI в. законодательной функцией не обладал. Однако имели место случаи, когда он вопреки закону издавал конституционные акты без согласия сейма и рады. Так, Сигизмунд Август в 1569 г. издал привилей об отторжении от Великого княжества Литовского Подляшья и Украины и о присоединении их к Польше.

При обсуждении закона все участники сейма имели право высказывать свое мнение. Решения должны были приниматься единогласно или подавляющим большинством голосов. В случае расхождения мнений, особенно среди крупных феодалов, делались попытки примирить противоположные стороны, согласовать разные предложения. Все это вело к замедлению работы сейма, затягиванию принятия закона. Поэтому сессия очень часто длилась по два-три месяца, а иногда и дольше. Шляхетские депутаты на сеймах играли второстепенную роль, многие их требования отклонялись, другие же, которые были приемлемы для правящей верхушки, записывались в форме не устав, а ответов (отказов) государя в сеймовые протоколы в качестве законов, чем создавалась видимость совместного решения сейма. Такая роль шляхетских депутатов на сейме позволяет сделать вывод, что сейм был органом, скорее служащим для обнародования и пропаганды законов, принятых правящей верхушкой, чем законодательным.

Заключительной стадией в законодательстве служит обнародование закона. Порядок обнародования сеймовых постановлений был установлен ст. 9 раздела III Статута 1588 г. Согласно этой статье, депутаты сейма, возвратившись к себе в поветы, обязаны были сообщить воеводе или старосте о своем возвращении. После этого созывался местный сеймик, на котором депутаты сообщали о всех решениях общего сейма. Кроме того, депутаты обязаны были привозить с собой копии сеймовых решений и передавать их на хранение в земские суды, а также представлять копии для вписания в гродские книги. В законе было предусмотрено, что копии сеймовых решений должны выдаваться депутатам даром и без всяких задержек. Некоторые из сеймовых решений рассылались в поветы должностным лицам и отдельным феодалам. Должностные лица на местах обязаны были «на торгах, и при костелах парафеляльных обьявлявати, и копеи з листов наших прибывати таковым же обычаем

около разсыланья листов наших военных... а возные поветовые винни будущь с пилностью тые листы разносити»⁵¹. С последней четверти XVI в. началось печатание законов в типографиях. Весь этот порядок свидетельствует о том, что ознакомление населения с новыми законами было поставлено по тому времени вполне удовлетворительно.

Моментом вступления закона в силу считалось, как правило, время его принятия. Если в законе не было оговорки, на какой срок он издается, то считалось, что он должен действовать на «вечные часы». В XVI в. устанавливается практика определения даты введения закона в силу. Например, ухвала об обороне земской 1528 г. вводилась только на десять лет, в законе о введении в действие Статута 1529 г. говорилось, что «от того дня святого Михаила (29 сентября) маеть его милость тыми новыми правы судити»⁵². Подобные привилеи были изданы и при введении в действие статуты 1566 и 1588 гг.

В XVI в. четко определялось действие закона в пространстве, в связи с чем некоторые из них имели силу на территории всего государства, другие — только на территории отдельных областей. После 1569 г., когда стали созываться общие с Польшей сеймы, некоторые законы стали действовать на территории обоих государств, но в таком случае делалась специальная оговорка в законе.

Кроме разграничения действия закона в пространстве, феодальному праву было свойственно понятие действия закона в отношении отдельных категорий лиц. Например, имелось обособленное право для шляхты, духовенства, горожан, евреев, магометан.

Из законодательных актов, принятых без участия сейма, наибольшее значение имели хозяйственные уставы 1514, 1529 и 1557 гг. Ими определялись правоотношения между высшей и местной администрацией великокняжеских и государственных имений (дворов и фольварков), с одной стороны, и феодально зависимым населением — с другой. Правительство стремилось усилить контроль центральной администрации над местными органами, повысить продуктивность имений путем усиления эксплуатации населения и более рационального использования земли и других средств производства.

Как уже указывалось, законодательная деятельность центральных органов государственного управления была тесно связана с исполнительно-распорядительной и четкого разграничения между ними не существовало. Поэтому не было четкого различия между актами законодательными и исполнительно-распорядительными, когда эти акты издавались великим князем совместно с радой.

В порядке исполнительно-распорядительной и судебной деятельности великий князь совместно с панами-радой рассматривал жалобы и челобитные просьбы от различных групп населения и отдельных лиц, производил наделение земель и имениями, назначал на должности. От имени государя и рады заключались международные договоры, давались инструкции послам, осуществлялось руководство центральными и местными органами управления. Все эти действия оформлялись в виде договоров, инструкций, листов, грамот, привилеев, устав, универсалов, артикулов, выроков и декретов.

* * *

Обзор важнейших правовых актов, действовавших в XVI в., позволяет сделать вывод о высокой степени развития законодательной техники и наличии огромного числа законодательных актов, изданных высшими органами государственной власти. Разнообразие форм законодательных актов и высокая степень систематизации и кодификации права свидетельствуют о высоком уровне правовой культуры, теоретической и практической подготовки юристов XVI в.

Источниками наиболее важных законодательных актов были нормы местного обычного права и ранее изданные законодательные акты. Только как дополнение к этой основе использовались переработанные и приспособленные к новым условиям нормы иностранного права, в первую очередь византийского и римского (церковного).

Обычное право в период развитого феодализма претерпело ряд существенных изменений. Если в дофеодальный период господствующей в нем была идея равноправия всех свободных граждан при полном бесправии рабов, то в период феодализма обычное право стало признавать наличие привилегий у представителей господствующего класса. Оно характеризовалось к тому же значительной разобщенностью и консерватизмом. Поэтому законодательная кодификация и систематизация старых норм обычного права неизбежно вели к унификации и модернизации всей правовой системы, что позволило отразить в ней ряд новых прогрессивных положений.

Глава III

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ЗЕМСКОГО ПРАВА

Уголовное право

Уголовное право эксплуататорского государства призвано содействовать подавлению и угнетению трудящихся господствующими классами, придавая этому подавлению видимость справедливости и всеобщей необходимости. Оно направлено на обеспечение господствующего положения одних и беспрекословного повиновения других, на защиту неприкосновенности личности и имущества представителей господствующего класса.

Уголовное право появилось одновременно с частной собственностью на орудия и средства производства, делением общества на классы и государством. В древности основным источником уголовного права было обычное право, сложившееся в результате санкционирования органами государства правил поведения, выгодных и удобных господствующему классу. Правила, выработанные для конкретных единичных отношений, в силу повторения приобретали общий обязательный характер, закрепляясь судебной и административной практикой.

Первыми нормативными актами, в которых были помещены нормы обычного уголовного права, действовавшего в Белоруссии, были международные договоры, областные и общеземские грамоты (привилеи) XIII—XV вв. и Судебник 1468 г.

Феодалный гнет и насаждение католицизма вызвали усиление жестокости наказаний, что нашло отражение в уголовном праве. В законодательных актах острее стала проявляться идея устрашения народа при помощи уголовных наказаний. Законодательное оформление права феодалов творить суд и расправу над зависимым населением привело к тому, что, подвергая наказанию простых людей, феодал мог руководствоваться своим желанием и прихотью, а не нормами права. Поэтому, когда речь идет о феодальном уголовном праве, то следует иметь в виду ограниченный характер применения его. Внесудебную расправу в отношении простых людей зачастую осуществляли и должностные лица государственного аппарата и хозяйственного управления.

В период господства обычного и писаного (на ранней стадии) права не существовало единого понятия преступления, ибо каралось не только нарушение закона (закон могло и не быть), а чаще всего причинение вреда. В зависимости от характера преступных действий и последствий преступления в его наименовании отражались различные правовые и бытовые оттенки. Так, преступления против здоровья, личной неприкосновенности и имущества отдельных лиц назывались гвалтом, кривдой, злодейством, шкодой, противоправный и общественно опасный характер преступлений оттенялся терминами: «выступ из права», «злочинство», «вина». Общее понятие преступления, близкое к современному, впервые встречается в привилее 1447 г. и именуется оно проступкой. В Судебнике 1468 г. для более четкого обозначения противоправного характера преступления употреблялся термин «выступ из права». Для обозначения государственных преступлений, таких как заговор против государя, государственная измена, бунт или восстание, попытка государственного переворота, фальшивомонетничество, распространение ложных сведений о государе, употреблялся термин «ображение маестату господарского». Эта терминология сохранялась вплоть до присоединения Белоруссии к России в конце XVIII в.

Субъект преступления. В феодальном уголовном праве Белоруссии в качестве субъектов преступления могли привлекаться как отдельные лица, виновные в совершении преступления, так и группы лиц, отвечающие за чужую вину. Коллективная ответственность группы лиц (семья, деревня, волость, город) была удобным средством принуждения к повиновению феодально зависимых людей, установлению среди них круговой ответственности, давала возможность заставить весь коллектив следить за поддержанием порядка, удобного и выгодного феодалам, и вести розыск преступника или нести за него ответственность. Вместе с тем в правовых актах делаются попытки ограничить ответственность за чужую вину и провозглашается принцип персональной ответственности только виновного лица. Так, в привилее 1447 г. говорилось: «Також за проступку, каково ль коли проступить, никто иный, только тот виноватец, хто проступиць, подлуг права христьянского имать быти казнен; штож ни жена за проступку мужа своего, а ни отец за проступку сына, а ни

иный прироженный, а ни слуга, только олиж бы был причастник тое проступки, только выймучы проступки против нашего господарства»¹. В ст. 7 раздела I Статута 1529 г. оговорка о допущении ответственности без вины за государственные преступления была исключена. В нем было записано правило, по которому «не маеть никто ни за кого терпети, а кождый сам за себе», без всяких оговорок. Но в последующих статутах (1566 и 1588 гг.) снова появилась оговорка о возможности привлечения к ответственности членов семьи лица, совершившего государственное преступление².

На практике правило об ограничении ответственности за чужую вину в отношении простых людей, особенно феодально зависимых, часто не применялось. Так, если след преступника приводил к какой-либо деревне, то ее жители обязаны были найти и выдать преступника либо возместить все причиненные преступлением убытки и уплатить судебные штрафы³. Коллективная ответственность широко применялась за государственные, антифеодальные и религиозные преступления. Например, в 1623 г. за убийство униатского архиепископа в Витебске все жители города были наказаны ликвидацией органов городского самоуправления, вечевой колокол был снят, здание ратуши разрушено, подлежала разрушению и соборная церковь, на жителей города были возложены дополнительные налоги и повинности, 100 человек приговорены к смертной казни⁴.

Субъектом преступления признавался только человек. За вред, причиненный животными, нес ответственность их хозяин. Лица, психически больные («шаленые»), как правило, не подлежали уголовному наказанию, но должны были содержаться взаперти.

Интересно, что в некоторых случаях освобождались от ответственности и лица, совершившие преступления «по глупости». Так, могли быть освобождены от наказания лица, обвиненные в распространении порочащих, ложных сведений в отношении государя, «если бы кто з глупства або шаленства в том выступил»⁵.

Освобождались от уголовной ответственности лица, не достигшие определенного возраста. По Судебнику 1468 г. не подлежали передаче потерпевшему в порядке возмещения вреда, при несостоятельности осужденного за кражу, дети до семи лет. В этой статье впервые в законодательстве сделано ограничение в отношении несовершеннолетних детей. Дальнейшее развитие теории права и судебной практики привело к более четкому и разумному ограничению уголовной ответственности несовершеннолетних. В Статуте 1566 г. предусматривалось, что уголовная ответственность наступает после 14 лет, а по Статуту 1588 г. — после 16 лет.

Вина. В Статуте 1588 г. проводится разграничение между виной умышленной и неосторожной. Если же в действиях лица не было умысла или неосторожности, то не применялось и уголовное наказание. Так, если у кого-либо понеслась лошадь и сорвалась узда и при этом был кто-либо сбит, то ездок не нес уголовной ответственности. Если же, скача на лошади, ездок умышленно или неосторожно сбил беременную женщину, то он подвергался тюремному заключению на четверть года и публичному покаянию, в случае же смерти потерпевшей — подвергался смертной казни⁶. Проявленная неосторожность в

ряде случаев влекла не уголовное наказание, а только обязанность выплатить семье убитого головщину (как бы возместить причиненный ущерб).

Статутом 1588 г. предусмотрены особые случаи, когда за неосторожное убийство устанавливалась только имущественная ответственность. К таким случаям относились: неосторожное убийство на охоте; если при строительстве дома ремесленник неосторожно уронил камень, кирпич или что-либо иное на другого человека; если с топорича сорвался топор и убил стоящего вблизи человека; если срубленное дерево упало на человека; если при стрельбе из лука или ружья в цель стрела или пуля, отклонившись, попадала в человека⁷.

Вопрос о наказании лиц, виновных в убийстве шляхтича или простого человека, решался по-разному в зависимости от классовой и сословной принадлежности как потерпевшего, так и преступника. Если было совершено убийство шляхтича несколькими шляхтичами и все они были признаны виновными, то смертной казни подлежал только один, по выбору обвинителя, а остальные приговаривались к тюремному заключению и выплате головщины⁸. При совершении убийства шляхтича простыми людьми смертной казни подлежали все, сколько бы их ни было, и только в случае убийства шляхтича в драке количество простых людей, подлежащих смертной казни, ограничивалось тремя человеками⁹.

Прогрессивным явлением в уголовном праве XVI в. было введение уголовной ответственности шляхты за убийство простого человека. Однако процессуальный порядок установления вины шляхтича в таком преступлении был настолько осложнен, что доказать его виновность зачастую представлялось невозможным, в связи с чем и само преступление оказывалось безнаказанным¹⁰. Вместе с тем сам факт наличия нормы уголовного права, направленной на защиту жизни простых людей от произвола представителей привилегированного сословия, имел существенное значение. Эта норма свидетельствует также о некотором прогрессе в развитии уголовного права Белоруссии и Литвы XVI в. по сравнению с уголовным правом многих европейских стран. Например, в польское уголовное право эта норма была внесена только в XVIII в.¹¹

В тех случаях, когда суд не мог установить степень виновности лица, например в обоюдной драке при отсутствии свидетелей, вопрос вины решался жребием и присягой¹². Если перед началом драки или во время ее кто-либо погасил свечу и нельзя было установить виновного в нанесении ранений из-за темноты, то ответственность возлагалась на лицо, погасившее свечу.

Все эти примеры свидетельствуют о том, что законодатель стремился предусмотреть не только различные формы вины, но и те случаи, когда практически было очень трудно или даже невозможно определить степень вины и назвать виновное лицо.

Для правильного определения вины суд обязан был устанавливать причинную связь между действием виновного лица и наступившим результатом. Например, лицо считалось виновным в убийстве в том случае, если потерпевший умер от ран через непродолжительное время. Но если потерпевший в течение 24 дней после побоев ходил по корчмам и гостям, а затем умер, хотя бы

и от тех ран, то подсудимый считался виновным только в нанесении ран, но не в убийстве¹³. Тем самым как бы отрицалась причинная связь.

В Статуте 1566 г. была сделана первая попытка сформулировать презумпцию невиновности. В ст. 2 раздела XIV сказано, что суд «в речах вонтпливых (сомнительных. — И. Ю.) склоннейший маеть быти ку вызволенью нижли ку каранью». Характерно, что по Статуту 1566 г. это правило не должно было распространяться на простых людей, а Статут 1588 г. содержал специальную оговорку о том, что это правило относится и к простым людям.

Необходимая оборона и крайняя необходимость выступали обстоятельствами, освобождающими от уголовной ответственности. Право на необходимую оборону признавалось как за лицом, подвергшимся нападению, так и за его слугами. Слуга, убивший или ранивший кого-либо при защите своего господина, не нес уголовной ответственности даже при превышении пределов необходимой обороны. В таком случае иск должен был предъявляться к господину¹⁴. Не несли наказания и должностные лица, убившие преступника при его сопротивлении.

Характерно, что законодательство того времени безразлично относилось к превышению необходимой обороны. Для освобождения от наказания достаточно было доказать, что потерпевший первым начал агрессивные действия¹⁵.

Сдача неприятелю замка и капитуляция гарнизона считались тяжким преступлением, но сдача замка в связи с голодом рассматривалась как действие, совершенное при крайней необходимости, и не влекла наказания.

Убийство чужой собаки, напавшей на человека, не влекло обязанности возместить причиненный вред только в случае, если в этом убийстве была крайняя необходимость. «А естли бы хто кому пса забил з руки боронячися, таковый не маеть ничего платити за него, але коли бы, кинувши, вбил, повинен ему заплатити»¹⁶.

Стадии преступной деятельности. Уголовное право XVI в. четко не разграничивало стадии преступной деятельности, хотя различались уже умысел, приготовление и покушение, которые были наказуемыми только в случаях, прямо предусмотренных в законе. Так, приготовление к бунту и заговору против государя наказывалось как оконченное преступление¹⁷. Явка в суд с оружием наказывалась штрафом в 12 рублей, удар кого-либо рукой или попытка ударить, совершенная в суде, — штрафом в 12 рублей и лишением свободы на шесть недель¹⁸. Умысел, выраженный в виде угрозы поджечь имущество или убить кого-либо, влек за собой обязанность угрожавшего публично, перед должностными лицами заявить о том, что этого он не совершит, и представить поручителей. В случае отказа представить поручителей он подлежал заключению в тюрьму до того времени, пока не представит поручителей. Если после угрозы у потерпевшего был совершен поджог или произошло убийство, то ответственность нес угрожавший¹⁹.

Соучастие. В раннефеодальном уголовном праве не придавалось особого значения степени участия лица в преступлении, так как наказание определялось независимо от вида соучастия. Все лица, причастные к преступлению, рассматривались как одинаковые преступники. Например, в ст. 7 Судебника

1468 г. говорилось, что если чей-либо зависимый человек станет красть, а господин его об этом знал или получал от него долю краденого, то и он подлежал такому же наказанию, «как который злодей».

Первая попытка определять меру наказания в зависимости от степени участия лица в совершении преступления была предпринята Статутом 1529 г. В статутах 1566 и 1588 гг. нормы о соучастии были изложены уже значительно полнее и более квалифицированно. В них различались простое соучастие, или совиновничество, при котором все соучастники являлись исполнителями преступления, и сложное соучастие, в котором одни действовали как подстрекатели, другие — как исполнители и третьи — как пособники. Пособниками считались лица, содействовавшие преступнику советами или помогавшие ему «коньми, зброєю, людьми альбо пенезми (деньгами. — И. Ю.)»²⁰. Подстрекательство различалось нескольких видов. Уголовную ответственность вместе с убийцей нес и тот, «з направы чыее» было совершено преступление. Подстрекателем признавался и феодал, направивший зависимых от себя людей на преступление. В качестве соучастника мог быть признан и наместник, который знал о преступлении, особенно если он был организатором преступной шайки. Подстрекатель психически невменяемого лица рассматривался как непосредственный исполнитель. «А где бы хто такому шаленому брони додал альбо его ку збытку словы побудил, тогды тот сам водлуг важности выстпуку за то утерпети повинен будеть»²¹. Не считался соучастником преступления и не подлежал уголовной ответственности слуга феодала, сопровождавший его при нападении (наезде) на чужой дом, а также слуга, нанесший раны или убивший человека во время защиты своего господина. Эти нормы были направлены на защиту интересов крупных феодалов, имевших при себе слуг и охранников, которые обязаны были выполнять все преступные распоряжения своих господ, не опасаясь уголовной ответственности за преступление. Эти правила способствовали произволу крупных феодалов, которые при привлечении их к уголовной ответственности за действие своих слуг отвечали как подстрекатели и отделялись только денежными штрафами.

Лица, деятельность которых не находилась в причинной связи с преступным результатом (прикосновенность), но знавшие о преступлении, как правило, не подлежали уголовной ответственности, хотя могли нести имущественную ответственность. Например, имущество всех членов семьи государственного преступника, знавших об измене главы семьи, могло быть конфисковано. Если кто-либо был обворован или ограблен в чужом владении с ведома и согласия владельца (попустительство), то такой хозяин, привлеченный к суду, не рассматривался как соучастник, но обязан был возместить потерпевшему причиненный ущерб²².

Неоказание помощи в отражении преступного нападения при обнаружении и задержании преступника могло повлечь гражданско-правовую ответственность в виде возмещения убытков или даже штрафов²³. Самостоятельным видом преступления считалось укрывательство осужденных, чаще всего заочно, преступников, и наказание определялось такое же, как и укрываемому.

Виды преступлений. В уголовном праве Белоруссии XVI—XVIII вв. не было четко разграниченной классификации преступлений, в связи с чем различные по своему содержанию правовые нормы помещались в одном разделе закона, а сходные — в разных. Например, в разделе XIV Статута 1588 г. помещены нормы, предусматривающие ответственность за кражи, прелюбодеяние, сводничество, незаконную продажу спиртных напитков.

В зависимости от объектов преступного посягательства преступления можно подразделить на следующие основные группы:

- 1) государственные («обращение маестату господарского»);
- 2) против порядка управления и правосудия;
- 3) военные;
- 4) против религии и церкви;
- 5) против нравственности;
- 6) против жизни, здоровья и чести людей;
- 7) посягательство на имущество;
- 8) преступления слуг и феодально зависимых людей против феодалов.

Кроме того, по способу возбуждения дел в суде все преступления можно подразделить на три вида:

- 1) преступления, дела по которым возбуждались представителями государственной власти независимо от наличия потерпевшего или его воли;
- 2) преступления по делам частного обвинения;
- 3) преступления по делам смешанного обвинения, по которым обвинителями могли выступать как должностные лица государственного аппарата, так и отдельные граждане.

В порядке государственного обвинения возбуждались многие дела по преступлениям государственным, против порядка управления и правосудия, некоторые воинские и отдельные дела, возбужденные в связи с преступлениями против религии и нравственности.

Самую большую группу составляли дела частного обвинения. Сюда относились почти все дела по преступлениям против личности, имущества и значительное число дел по другим преступлениям. По преступлениям частного обвинения, даже по наиболее опасным, допускалось примирение обвинителя с преступником, присуждение штрафов в пользу потерпевшего, получение потерпевшим (обвинителем) определенного вознаграждения от преступника. Все это в значительной степени сближало уголовные дела с гражданскими.

Наиболее малочисленной категорией были дела смешанного обвинения, к которым относилась часть дел по преступлениям государственным и против порядка управления, а также дела об убийстве неизвестного проезжего человека, убийстве жены мужем или наоборот, убийстве детьми родителей или родителями детей.

Наказание. Классовый характер феодального уголовного права наиболее ярко проявлялся в системе уголовных наказаний. По мере развития феодальных отношений и усиления эксплуатации трудящихся изменялась и система наказаний. В ней находило отражение соотношение классовых сил в обществе, состояние мировоззрения и нравственности. При обострении классовой

борьбы и нарастании кризисного состояния, когда правящей верхушке труднее было удерживать власть, наказания становились более жестокими. В период относительной стабилизации феодального строя и распространения гуманистических идей уголовные наказания несколько смягчались.

В феодальном праве Белоруссии употреблялось несколько терминов для обозначения наказаний, в которых отражались различные виды наказания. Наиболее близкими к современному понятию были «кара» и «казнь». Ими обозначались все виды наказаний. Термином «вина» обозначались в основном имущественные наказания и тюремное заключение, а «покута» — телесные и позорящие наказания.

Основными целями наказания были:

- 1) устрашение;
- 2) возмещение причиненного вреда и создание имущественных выгод потерпевшему за счет преступника либо его близких;
- 3) причинение вреда (страданий) преступнику — возмездие.

В качестве цели наказания обосновывалась необходимость устрашения преступника. В связи с этим в законодательные акты вводятся различные мучительные способы лишения жизни, членовредительство, болевые и позорящие наказания, которые совершались публично. Жестокость наказаний обосновывалась, освящалась и подкреплялась духовенством ссылками на библейские тексты.

Устрашение получило четкое законодательное закрепление в Судебнике 1468 г. и статутах 1529, 1566 и 1588 гг. Предполагалось, что при помощи устрашения жестокими наказаниями можно удержать от совершения преступлений или даже исправить преступника. Ошибочность этих теорий окончательно доказана только марксистской наукой. Так, К. Маркс писал: «...история и такая наука как статистика с исчерпывающей очевидностью доказывают, что со времени Каина мир никогда не удавалось ни исправить, ни устроить наказанием»²⁴.

В феодальном праве устрашению придавалось первостепенное значение. Оно рассматривалось как основное средство сохранения порядка в обществе.

Целям устрашения призваны были служить и непомерно огромные имущественные взыскания и штрафы в пользу потерпевшего и суда.

Возмездие осуществлялось с учетом классовой и сословной принадлежности как потерпевшего, так и преступника, а при равном положении их в обществе — по принципу «око за око, зуб за зуб».

Появление ростков капиталистических отношений в экономике, усиление антифеодальной борьбы и распространение идей гуманизма вызвали ослабление всего феодального строя и поддерживавшей его церковной идеологии, что повлекло за собой появление новых идей и в уголовном праве. Происходит некоторое смягчение наказаний и наряду с устрашением выдвигается требование определения наказаний соразмерно совершенному преступлению. Так, в посвящении к Статуту 1588 г. сказано уже, что за преступные дела должно выноситься «слушное каранье». В законе довольно часто говорится об осуществлении справедливости, хотя справедливость понимается довольно своеобразно — учитываются все льготы и преимущества феодалов.

Классово-сословный характер феодального уголовного права как права привилегии особенно наглядно проявлялся при назначении наказаний. Так, если шляхтич умышленно нанес раны или причинил увечья другому шляхтичу, то мог быть присужден к таким же повреждениям и увечьям по принципу «око за око, зуб за зуб»²⁵. Если же шляхтич нанес побои или увечье простому человеку, то приговаривался только к выплате штрафа — навязки в следующих размерах: панцерному слуге — 6 рублей грошей, путному — 3, бортнику — 2 рубля грошей, тяглому человеку (крестьянину, отбывающему барщину) — 2 копы грошей (1 рубль 20 грошей), челяднику домовому — 1 копа грошей, ремесленнику — 3 рубля грошей, женам всех указанных лиц навязка выплачивалась в двойном размере. Если простой человек ранил или побил шляхтича, то наказывался отсечением руки, а при нанесении увечья подлежал смертной казни. Слуга, ранивший господина, подлежал смертной казни, поднявший руку на господина наказывался отсечением руки.

Из этих примеров видно, что за одни и те же преступления простые люди и слуги феодалов (даже шляхтичи) наказывались более сурово, чем феодалы.

Феодальное законодательство Белоруссии и Литвы не охватывало всех видов наказаний, которые применялись на практике, так как феодал, творивший суд над зависимым населением, мог применять наказания, не предусмотренные законом или даже обычным правом. Могли применять не предусмотренные в законе наказания и городские (войтовские), и кошны крестьянские суды. Кроме того, существовала особая система наказаний в церковных судах.

Имущественные наказания были самым распространенным видом наказаний. Они применялись в виде основного или дополнительного наказания. Имущественные наказания могли выражаться в определенных денежных суммах, в кратном отношении к нанесенному преступлением ущербу (чаще всего в двойном размере), или в виде конфискации имущества преступника. Суммы взыскивались в пользу потерпевшего или его близких: за убитого — головщина; за нанесенные побои или ранения — навязка; за самоуправство и противоправные насильственные действия — гвалт. В доход государства, судьи или потерпевшего взыскивался штраф, именовавшийся виной. Размер вины зависел от характера преступления, а чаще от усмотрения суда, так как судьи были заинтересованы в получении как можно большего штрафа, часть которого шла в их пользу.

Все эти платежи характеризовались открытой классовой направленностью и служили в первую очередь для защиты интересов класса феодалов и сословия шляхты. Так, головщина за убитого шляхтича взималась в размере 100 коп грошей, тяглому человека — 25, а за челядника домового — 20. Головщина по некоторым преступлениям взыскивалась в двойном и тройном размере.

Конфискация как самостоятельный вид наказания применялась к шляхте, уклоняющейся от несения военной повинности. Неявка к месту сбора войска, самовольное оставление военного лагеря, бегство с поля боя влекли конфискацию имения. Кроме того, иногда конфисковывались предметы преступной деятельности.

Смертная казнь могла быть простой и квалифицированной. Простой смертной казнью считалось повешение, причем в древности, как правило, приговор исполнялся самим осужденным в присутствии судей, которые выслушивали его покаяние и поволажье, т. е. оговор других преступников.

В качестве более тяжелых и устрашающих (квалифицированных) видов смертной казни применялись: четвертование, сожжение, посадение на кол, утопление.

Телесные наказания принято подразделять на членовредительные и болезненные. При применении членовредительного наказания осужденному наносилось непоправимое повреждение тела: отрубалась рука, ухо, нос или другой орган. Тем самым совершалось возмездие, которое причиняло страдание осужденному, должно было служить устрашением для других, а также налагало навсегда отпечаток на осужденного, предупреждая всех о его прошлой преступной деятельности. Например, вор, совершивший кражу в великокняжеском дворе на сумму менее 2 коп грошей, лишался одного уха, сводни и содержатели притонов наказывались отрезанием носа, ушей и губы.

К болезненным наказаниям относились битье кнутом или дубцами. Оно могло совершаться у позорного столба. Количество ударов в законе не определялось, не определялось оно точно и судом. В ряде статей Статута 1588 г. телесные наказания конкретно не определены, а сказано, что «таковых вряд мать карати водле здания своего... караньем на теле»²⁶.

Телесные наказания применялись в основном к простым людям. Шляхтич, побывавший в руках у палача, утрачивал свое шляхетство.

Тюремное заключение первоначально применялось в качестве временного задержания преступника до суда. Начиная с XVI в. оно существовало как основное или дополнительное наказание. По статутам 1529, 1566 и 1588 гг. тюремное заключение применялось на срок не более одного года и шести недель. Чаще всего виновный приговаривался на срок до шести месяцев, но были статьи, в которых срок заключения точно не указан. Так, за невыполнение распоряжения хоружего шляхтич мог быть наказан лишением свободы «водле баченья гетманского», а также если осужденный к извинению отказывался извиниться, то он должен был «седети у везенью на замку нашом так долго», пока не произнесет указанного судом извинения²⁷.

Изгнание и объявление вне закона применялось в основном в отношении преступников-феодалов, которые не являлись в суд, если они обвинялись в преступлении, за которое предусматривалась смертная казнь. Объявление лица изгнанным (выволянцем) производилось актом, выданным государственной канцелярией. Если изгнанный в течение одного года и шести недель не являлся в суд, то признавался «вечным выволянцем», его жена считалась вдовой, дети сиротами, а имущество переходило наследникам. Всем людям под страхом смертной казни запрещалось укрывать его или даже общаться с ним. Убийство выволанца не влекло наказания. В случае его задержания он подлежал немедленной смертной казни.

Кроме изгнания, Статут 1588 г. предусматривал еще выселение из городов и местечек людей, «которые без службы живучи и всякою работою не бавят»

ся», а только играют в кости и пьянствуют. Их следовало предупредить два раза, а затем, если они не уходили, то «за третьим дубцы бьючи вон з мест и местечок выганяти»²⁸.

Лишение чести было дополнительной мерой наказания для шляхты. Простые люди не подлежали этому наказанию, так как считалось, что они честью не обладают. Лишение чести означало утрату шляхетского достоинства. Лишались чести лица, уклоняющиеся от несения военной повинности, выволанцы (изгнанники), преступники, осужденные к смертной казни, но помилованные, а также иные преступники, побывавшие в руках палача (ката).

Покаяние выражалось в том, что приговоренный обязан был публично в церкви или костеле, стоя на возвышенном месте, четыре раза в год объявлять людям о своем преступлении. В случае нанесения оскорбления шляхтичу виновный мог быть приговорен к публичному извинению, которое произносилось в суде либо ином общественном месте, при этом он должен был заявить, что «на тебе брехал яко пес»²⁹. Например, в 1664 г. главный суд приговорил Браславского маршалка Криштофа Рудомину за оскорбление судей к публичному извинению и обязанности в зале суда под лавкой, пролаяв по-собачьи, заявить «иж то зле а непристойне и легкомысльне мовил»³⁰.

Отстранение от должности как уголовное наказание применялось только к шляхте, чаще всего в качестве дополнительной меры наказания. По законодательству Великого княжества Литовского назначение на должность было пожизненным. Отстранение от должности могло производиться только в связи с назначением на новую, более высокую должность либо по суду за совершение преступления. Лишением должности наказывался хоружий, самовольно освободивший шляхтича от несения военной повинности. Утрату должности автоматически влекла утрата чести, так как занимать государственные должности могли только лица, обладающие шляхетским достоинством.

Отмечая жестокость наказаний феодального права Белоруссии и Литвы, следует обратить внимание на то, что по сравнению с правом других европейских государств того времени оно было более гуманным. Идеи гуманизма сказались в неприменении смертной казни к беременным женщинам, детям и подросткам до 16 лет, в установлении уголовной ответственности шляхтича за убийство простого человека, отсутствии клеймения преступников, более жесткой ответственности за преступления против женщин, сравнительно небольших сроках тюремного заключения.

Гражданское право

Правовое регулирование имущественных отношений в феодальном обществе строилось на основании различной правоспособности субъектов правоотношений. Объем правомочий субъектов зависел от классовой, сословной и религиозной принадлежности, а также от правового положения коллектива (юридического лица) и положения лица в данном коллективе или в семье.

Наиболее полной правоспособностью обладали: государство, церковь, монастыри и верхушка класса феодалов. Они могли свободно, без всяких ограничений распоряжаться принадлежащим им имуществом, совершать все виды сделок. Достаточно широкой правоспособностью обладали шляхтичи, хотя в отношении их и имелись некоторые ограничения (в распоряжении выслуженными именьями, запрещалось заниматься ремеслом и торговлей как профессией). Жители городов — мещане могли совершать все виды сделок за исключением покупки феодальных имений, обрабатываемых зависимыми людьми. Эти ограничения в отношении горожан были устранены только в 1775 г. Ограниченной правоспособностью обладали зависимые крестьяне, которые не имели права свободно, без разрешения господина распоряжаться недвижимым имуществом.

В XVI в. впервые в законе четко определяется возраст, с которого человек признавался совершеннолетним: лица мужского пола — с 18 лет, женского — с 15 лет по Статуту 1566 г. и с 13 лет по Статуту 1588 г. Однако достижение этого возраста не давало им полной гражданской дееспособности.

Лица, не способные понимать характер своих действий («дурни», «шальные»), полностью были лишены дееспособности, их права защищали их законные представители (родители и ближайшие родственники) и опекуны. С древних времен в завещании записывалась обязательная формула, в которой говорилось, что завещатель в момент составления завещания находился в «здравом уме и твердой памяти».

Вещные права. Центральное место в гражданском праве занимали нормы вещного и обязательственного права, закреплявшие за господствующим классом право собственности на орудия и средства производства и обеспечивавшие правовую основу эксплуатации трудящихся.

В статутах и других правовых актах для обозначения имущества чаще всего употреблялся термин «реч», для обозначения землевладения — термин «именье». Именьем называли также недвижимое или даже всякое имущество.

Право собственности на вещь могло быть индивидуальным и коллективным. При предъявлении иска на совместную собственность нескольких лиц суд обязан был вызвать в суд всех собственников. В случае предъявления иска одним из собственников суд обязан был привлечь и других собственников, но в случае неявки кого-либо из них и присуждения имущества истцам неявившийся лишался своей доли.

Объектами феодального вещного права были именья с зависимыми людьми, пахотные земли, леса, луга, озера, реки, челядь невольная, скот, продукты сельскохозяйственного и ремесленного производства, различного рода постройки, продукты охоты и лесных промыслов и т. д. Среди объектов права собственности главное значение придавалось праву собственности на именья и земли, обрабатываемые феодально зависимыми людьми и челядью невольной.

Гражданскому праву XVI в. были известны следующие права на вещи: а) собственность; б) владение (держание, посядание); в) залог (застава); г) сервитуты.

Для обозначения собственности уже в Судебнике 1468 г. и в Статуте 1529 г. употреблялся специальный термин «властность», которым и подчеркивалась полная власть субъекта по отношению к данной вещи. Известно, что в более древнем праве единого термина, равнозначного «собственности», не было³¹.

Объем правомочий собственника движимого имущества, как правило, не имел ограничений, в отношении недвижимого имущества был различным для разных субъектов и зависел от способа приобретения прав и правового режима, в котором находилось имущество у предыдущего собственника или владельца. Наиболее широкий объем правомочий имели государство и крупные феодалы. Они, как правило, обладали всей совокупностью прав по распоряжению принадлежащей им собственностью. Права средних и мелких феодалов, находившихся в вассальной зависимости, несколько ограничивались их панами, хотя начиная с 1387 г. стало провозглашаться право всех феодалов свободно распоряжаться принадлежащим им имуществом. Еще более ограниченными были права простых людей.

В зависимости от способа приобретения прав на имущество меньше всего ограничивалось право распоряжаться имуществом, купленным самим собственником, затем шли отчины и дедины, т. е. имущество, полученное от отца или деда. Более всего ограничивалось право распоряжения выслуженными имениями. Характерной чертой гражданского феодального права было то, что собственник имения или земли нес специальные повинности, присущие только данному имению или земле, и при переходе права собственности на данное имение или землю к другому лицу это лицо вместе с правами приобретало и определенные обязанности. Например, шляхтич или мещанин, купивший боярскую или крестьянскую землю, обязан был, если не получал освобождения, нести те повинности, которые нес его предшественник. Духовное лицо, приобретшее шляхетское имение, обязано было нести с него военную службу. Например, в грамоте, выданной Р. Шимановичу в 1581 г. на присвоение ему шляхетских прав, говорилось, что если он прикупит земли у крестьян, то тогда с тех земель он обязан нести такую же повинность, какую несли крестьяне³².

По правовой регламентации земельные владения феодалов подразделялись на три основные категории: 1) отчины или дедины; 2) имения, выслуженные либо полученные в пользование (держание) на определенный или неопределенный срок («до живота», «до воли господарской»); 3) купленины — имения, приобретенные навечно. Купленинами собственник мог распоряжаться без каких-либо ограничений. Распоряжение отчинами до 1566 г. было ограничено: без согласия родственников нельзя было продать более 1/3 части имения, родственники имели также право выкупать у залогодержателя заложенное имение, возвратив ему сумму залога за должника. Выслуженными имениями и держаниями владелец мог распоряжаться только с согласия князя или пана, от которого было получено имение. Право собственности отдельных феодалов и государственная собственность в феодальном государстве представляли собой единую феодальную собственность. Правящая верхушка, распоряжавшаяся государственными землями, заботилась прежде всего о своих личных интересах,

как интересах коллективных собственников, и извлекала из этого значительные выгоды, присваивая себе значительную часть доходов, получаемых с этих земель. Государственными считались все земли, не принадлежащие отдельным феодалам, духовенству, монастырям, городам, мещанам и другим собственникам. Лица, жившие на государственных землях или получавшие их в собственность либо во временное владение, несли повинности в пользу государства в зависимости от своей классовой и сословной принадлежности.

Земельный фонд отдельных феодалов составляли земли, включенные непосредственно в угодья самого имения, а также земли феодально зависимых людей. Право собственности феодалов на землю складывалось различными способами, важнейшими из которых были пожалования государя и подчинение свободных крестьян вместе с их землями власти феодалов, насильственный захват крестьянских земель, присвоение неподеленных и неразработанных земель, закладничество и приобретение земель в порядке гражданско-правовых сделок.

Наряду с правом собственности на землю феодального государства, шляхты, духовенства и мещан в Белоруссии (особенно до XVI в.), как и в средневековой Европе, признавалось в определенной степени ограниченное право собственности на землю и крестьян. К. Маркс указывал, что в средние века крестьяне имели такое же феодальное право собственности на землю, как и сами феодалы³³. Право собственности крестьян выросло из фактического освоения, разработки и владения землей. «...Благодаря юридическим определениям, которые общество дает фактическому владению, последнее приобретает качество правового владения, *частной собственности*»³⁴.

В древности крестьяне Белоруссии селились в основном не большими деревнями, а маленькими поселками или отдельными семьями и возделывали обособленные участки земли среди лесов и болот. Соседние поселения объединялись друг с другом для организации совместной защиты от нападений посторонних лиц, совместно выполняли различные государственные повинности, общими силами поддерживали порядок и вместе отправляли религиозные культы. В производственном отношении такие объединения крестьян не являлись единым трудовым коллективом, хотя они и пользовались совместно некоторыми неподеленными угодьями (лесами, пастбищами, лугами, реками и озерами) и несли совместные повинности. Обрабатываемые земли считались собственностью той семьи, которая их освоила или получила по наследству от своих предков. Названия участков земли, полученных от предков (отчины, отчизны, дедины), не только означали определенное землевладение, но и имели смысл «бацькаўшчыны» — родины, чем еще более подчеркивалось право крестьян на свою землю.

Право собственности крестьян на землю в XIV—XV вв. обеспечивалось обычным правом и признавалось как феодалами, так и должностными лицами государственного аппарата. О праве феодальной собственности на землю крестьян свидетельствуют многочисленные документы. Например, в августе 1482 г. воевода Мартин Гаштовтович получил разрешение купить земли «бортные и пашные и сеножати, и озера, и езы, со всеми уходы своими на Немне и у Ляховичах и ниже Ляхович против Дубровки и далее по Немну»³⁵ у крес-

тьян Негневичан и Масинцев. В сентябре 1488 г. великий князь пожаловал крестьянскую землю-отчину городничему и ключнику новгородскому Зеньку Евлашковичу на том основании, что «то земляца пустая, а отчич тое земли давно зъшол проч и живеть в Клецку»³⁶.

Однако уже в начале XVI в. правящая верхушка начинает отрицать право собственности крестьян на землю. Так, в грамоте, выданной полоцким мещанам в 1500 г., говорилось: «...а которые будуть покупили села и земли в бояр Полоцких, або в мещан и в сельских путников и в пригонных людей, тые села и земли таки им держати, а службу путную им нам з них заступовати; а по та места вжо больший того им без наше воли в пригонных людей земель не куповати»³⁷. Из этой грамоты видно, что правомерность покупки земель мещанами не только у свободных крестьян, но и у отбывавших барщину (пригон) признавалась, однако с оговоркой: в дальнейшем такие сделки без разрешения не будут признаваться законными. Но позднее имелись случаи признания правомерности продажи крестьянских земель³⁸.

Большую роль в превращении феодального права собственности в буржуазное сыграл принятый в июне 1566 г. Берестейским сеймом закон о свободном распоряжении имениями, который был внесен в ст. 1 раздела VII Статута 1566 г. Этим законом более всего феодальная собственность на имения сближалась с буржуазной собственностью, для которой характерно неограниченное право распоряжения.

На Берестейском сейме 1566 г. был расширен круг наследников по закону, введен более удобный и свободный порядок оформления сделок о недвижимом имуществе. Если прежде при отчуждении имения необходимо было получить разрешение государя или представителей государственной администрации, то по закону 1566 г. сделки о недвижимостях подлежали только засвидетельствованию в земском суде, а между сессиями земского суда можно было их записывать в книги замкового (гродского) суда и в течение года переносить запись из замковых книг в земские.

Таким образом, законы, принятые Берестейским сеймом 1566 г., знаменовали собой начало нового этапа в развитии права по пути превращения его из феодального в буржуазное.

Владение в отличие от собственности понималось как фактическое обладание вещью с ограниченными правами распоряжаться ею. Для обозначения владения употреблялся термин «держание». Держание могло при определенных условиях превратиться в собственность. Например, при владении недвижимым имуществом более десяти лет или если «кто бы колве держал имения, люди и земли за Казимера короля во-в покои а о том за Олександра короля будет нихто ся не припоминал бы добре таковый и листов не мел на то, тогда то во-в покои держати маеть»³⁹, т. е. такое владение превращалось в собственность. Имение могло быть дано во владение пожизненно одному лицу или ему и детям его, либо на более короткое время, которое могло быть определено точно, либо на неопределенное время — «до воли и ласки» государя или иного пана. Владелец имения мог им пользоваться и получать с него доходы, но без разрешения вер-

ховного собственника не мог им свободно распоряжаться. Лицо, получившее имение во временное владение, обладало определенными правами распоряжаться данным имением. Например, согласно ст. 34 раздела III Статута 1566 г., владелец имения при желании передать его кому-либо «не можетъ того никому перед жадным урядом записати, только пришедшы и постановившы се перед нами Господарем и з ведомом нашим, а мы того боронити не будем». Из этой записи видно, что и временным владельцам не запрещалось уступать свои права на имения другим лицам, но только с ведома государя.

Владение, как и собственность, подлежало судебной защите. Владелец земли, даже не имевший достаточных правовых оснований для владения, но в течение трех лет пользовавшийся плодами данной земли, мог предъявить иск даже против собственника, если тот без судебного решения, самоуправно снял урожай с данной земли или причинил какой-либо ущерб владельцу. Владелец имел право немедленно вызвать нарушившего права владения имением (ответчика) в замковый суд и, если был установлен факт владения без учета законных оснований владения, суд обязан был вынести решение о восстановлении нарушенного права и возмещении всех убытков, не входя в обсуждение вопроса о законности владения⁴⁰. Защите права владения служили и установленные сроки исковой давности: для движимого имущества — три года, для недвижимого — десять лет. Сроки исковой давности не применялись при истребовании имущества, находящегося в залоге или данного во временное пользование паном своему вассалу на определенный либо неопределенный срок («до воли и ласки»). Усиление правовой защиты владения и возможность превращения феодального владения в частную собственность свидетельствуют о постепенном превращении права феодальной собственности в буржуазную.

Рост производства и расширение торговли способствовали развитию кредитно-денежных отношений, что в свою очередь вызвало потребность в унификации и более четкой регламентации правовых норм, регулировавших обеспечение кредита залогом имущества.

Залог на недвижимое имущество по праву XVI в. мог осуществляться в двух формах. Это, во-первых, передача заложенного имущества кредитору, причем кредитор эксплуатировал переданных ему вместе с имением людей в счет процентов по займу и мог переуступать свои права другим лицам, и, во-вторых, — ипотека, т. е. залог в форме записи долгов на имении в судебных книгах, без передачи имения кредитору. Движимые вещи могли передаваться в залог без письменного засвидетельствования у должностных лиц. В случае, если залогодатель не выкупал в указанный в соглашении срок своей вещи, возможны были два варианта: либо залогодержатель обращал ее в свою собственность и поступал с ней по своему усмотрению, если это было заранее оговорено в соглашении, либо залогодержатель обязан был продать заложенную вещь и из полученной суммы вычесть свой долг, а остаток вручить залогодателю. Недвижимое имущество, переданное кредитору в залог, как правило, не переходило в его собственность и по истечении сроков давности, но если в соглашении о займе и залоге имелась специальная оговорка о сроке платежа, то невы-

купленное заложенное имение переходило в собственность залогодержателя. Залогодержатель имел преимущественное право на первоочередное удовлетворение своих требований с заложенного имущества должника по сравнению с другими кредиторами.

Сервитуты как вещное право пользования чужой вещью были хорошо известны гражданскому праву XVI в. Например, жители сел и городов Белоруссии пользовались правом входа в чужие леса за дровами и строительным материалом на собственные постройки, пасти скот, держать в чужих лесах пчелиные пасеки (борти), собирать грибы и ягоды, правом прохода и проезда через чужие земли. Чаще всего сервитутные права обеспечивались нормами обычного права, но в ряде случаев они закреплялись и в законе. Например, в грамоте, выданной полочанам в 1511 г., было записано: «...мають мещане на свои potrzeby дерево брати около места, в наших борех и лесех и дубровах и гаех, где здавна будуть бирали»⁴¹. В ст. 3 раздела X Статута 1566 г. говорилось, что если кто-либо имел свои борти, озера, сенокосы или постройки (лазни) в чужом лесу, то он мог свободно ими пользоваться. Подобная статья содержалась и в Статуте 1588 г. Сервитутные права подлежали судебной защите.

В феодальном гражданском праве существенное значение для объема правомочий по вещному праву имел способ приобретения вещных прав. При первоначальном приобретении (в связи с давностью владения, путем захвата, нахождения, отделения плодов, приращения) объем правомочий не имел каких-либо специфических ограничений, при производном (переход вещных прав от одного лица к другому) — объем правомочий обуславливался объемом прав прежнего владельца, так как никто не мог передать больше прав, чем сам их имел, либо ограничивался условиями пожалования или сделки.

Наиболее распространенным способом первоначального приобретения вещных прав в период раннего феодализма было овладение свободной, никем не занятой землей и захват и присвоение крестьянской земли феодалами, а также установление зависимости мелких землевладельцев от крупных феодалов. Захваченные феодалами земли могли быть узаконены пожалованиями великого князя либо судебным решением в связи с давностью владения. Соответствующие правовые акты на землю становились основанием законного владения.

Этот процесс юридического оформления вещных прав феодалов на земли был завершен в XV—XVI вв. Весь земельный фонд, не включенный в имущество светских и духовных феодалов, монастырей, церквей, городов и мещан, объявлялся собственностью государства, т. е. находился в коллективном владении правящей верхушки. Поэтому возможность освоения или захвата земли в XVI в. утратила существенное значение и основным способом приобретения вещных прав на землю стал производный — переход прав от одних лиц к другим.

Приобретение вещных прав на движимое имущество могло осуществляться по-разному. Например, в законе было предусмотрено, что если найден клад, то половина ценностей признается собственностью лица нашедшего, а

половина — владельца земли. Если же клад нашел сам собственник земли, то весь клад считался его собственностью. Пригульный скот и находку следовало передавать должностным лицам. Утайка пригульного скота рассматривалась как кража.

Полнее всего в XVI в. законом регламентировалось приобретение вещных прав в порядке наследования, выслуги, дарения, купли-продажи и залога. Например, в Статуте 1588 г. нормы, относящиеся в той или иной степени к вещному праву, содержались более чем в 80 из 487 статей. Это дает основание сделать вывод, что законодатель в XVI в. уделял исключительно большое внимание вещному феодальному праву, которое являлось главной частью всего гражданского права.

Развитие товарно-денежных отношений в XVI в. вызвало глубокие изменения в обязательственном праве, которое стало приспосабливаться к более интенсивному гражданскому обороту.

Обязательственное право в феодальном государстве служило действенным средством закабаления трудящихся феодалами. Законом предусматривалась неодинаковая правоспособность субъектов в обязательствах. Она была более широкой для шляхты и ограниченной для зависимых и несвободных людей. Например, зависимый человек не имел права без согласия своего господина заключать сделки о земле, быть поручителем по обязательству на сумму свыше 4 коп грошей. В случае неисполнения обязательства простой свободный человек мог быть выдан кредитору для отработки долга. Кроме того, закабаление простого свободного человека феодалом допускалось и по заранее заключенному обязательству, для которого предусматривалась письменная форма⁴².

Вводились правила в отношении установления цен и единых мер веса, длины и объема. В статутах 1566 и 1588 гг. по сравнению с предыдущими законами более полно излагались нормы, регулировавшие договоры купли-продажи, мены, займа, залога, поклажи и др., а также обязательства, вытекающие из причинения вреда.

Значительно полнее излагались нормы, регулировавшие исполнение обязательств. В законе были установлены форма и порядок совершения ряда сделок, сроки исковой давности, очередность взысканий и другие нормы обязательственного права. Например, в приложении к Статуту 1566 г. содержались образцы документов, которыми оформлялось дарение, договоры обмена имений и купли-продажи. Многие положения обязательственного права регулировались нормами обычного права либо грамотами, выданными жителям отдельных областей или городов.

Все это свидетельствует о том, что обязательственное право изменялось в соответствии с потребностями экономического развития. Анализ этих норм и их место в системе феодального гражданского права позволяют сделать вывод, что для своего времени этот институт был хорошо развит и в достаточной степени обеспечивал потребность феодального общества и развивавшиеся в его недрах товарно-денежные отношения.

Главными основаниями возникновения обязательств были сделки и правонарушения. Кроме того, обязательства могли возникнуть для феодально зависимых людей по воле их господина, который мог обязать зависимого от себя человека выполнить работу или передать какое-либо имущество в пользу третьего лица. Обязательство могло возникнуть и в силу судебного решения. Так, по Статуту 1529 г. в случае вынесения судом неправильного решения суд второй инстанции отменял такое решение и обязывал судью возместить потерпевшей стороне все убытки.

Все сделки, как правило, должны были совершаться в присутствии свидетелей и с соблюдением определенных символических действий (рукобיתь, магарыч, памятное и т. д.). Сделки о земле совершались в письменной форме: записывались в актыные книги земского или гродского суда. Письменная форма предусматривалась и для договоров займа на сумму свыше 10 коп грошей.

Прекращение обязательства наступало в случае его исполнения, истечения срока его действия, вследствие смерти обязанного лица, а также при невозможности исполнения.

Обязательство погашалось истечением сроков исковой давности: для истребования недвижимого имущества — 10 лет, движимого — 3 года. Из этого правила в законе был установлен ряд исключений: не применялось правило о сроках давности для истребования самовольно захваченной государственной земли, приостанавливалось течение сроков исковой давности в отношении несовершеннолетних и лиц, находящихся в плену или выполнявших государственные поручения за границей. Прекращение обязательства в связи со смертью лица имело довольно ограниченный характер, так как даже смерть должника, выданного кредитору для отработки долга, не прекращала обязательства. В таком случае долг обязаны были отрабатывать его дети. Все эти нормы ярко подчеркивали классовую эксплуататорскую сущность обязательственного права, призванного юридически оформлять экономическое закабаление простых людей.

Наследственное право, регулировавшее порядок перехода имущества умершего к другим лицам, в этот период обеспечивало господствующему классу «право при помощи своей собственности присваивать продукты чужого труда»⁴³.

Как самостоятельный институт земского гражданского права наследственное право выделилось только в статутах 1529, 1566 и 1588 гг. Например, в Статуте 1588 г. нормы наследственного права содержались в 32 статьях. В ст. 17 раздела III Статута 1566 г. закреплялось положение, в силу которого после смерти родителей «их дети сынове и дочки от отчизны и материзны не мають быти отдалены, але они сами и щадки их властные кровные и близкие правом прирожоным и слушне набытым звычайем стародавным и теж статутом першим и теперешним мають посягнути и одержати, и тые добра на пожиток свой оборочати вечными часы».

По закону наследниками первой очереди были признаны дети наследодателей и их потомство, но только рожденные в законном браке, не объявленные

отцом незаконнорожденными и не лишены прав на наследство. Наследниками второй очереди признавались братья и сестры наследодателя.

При наличии братьев дочери наследодателей не наследовали недвижимых имений отца, а получали только одну четвертую часть стоимости имущества, независимо от числа братьев и сестер. Материнское имение они наследовали в равных долях с братьями. Жена после смерти мужа получала часть его имений, но не более одной третьей части, в пожизненное владение, а наследниками считались дети либо родственники мужа по мужской линии. Внесенное в дом мужа приданое жены при отсутствии детей в случае ее смерти возвращалось в «дом той, с которого вышла»⁴⁴, т. е. передавалось ее родным.

Ограничение прав женщин наследовать имения мужа, а также ограниченная возможность лишения детей наследства были связаны с феодальной обязанностью владельцев имений нести военную службу и выставлять определенное количество ратников с каждого феодального имения.

Развитие товарно-денежных отношений, вызвавшее и течение во всей системе гражданского права, повлекло за собой принятие новых норм наследственного права. Прежде всего было расширено право наследодателей передавать свое имущество, более полно излагались нормы, касающиеся завещаний, предусматривалась возможность наследования женой имущества мужа. Так, в силу ст. 21 раздела V Статута 1588 г., если супруги в момент вступления в брак не имели недвижимого имущества, а затем за время совместной жизни приобрели таковое, то это имущество переходило по наследству жене и детям, а при отсутствии детей — жене и только после ее смерти при отсутствии детей — родственникам ее и ее мужа. В число наследников третьей очереди по Статуту 1588 г. были включены родители. Наследники четвертой очереди — это иные родственники, которые в законе не были точно определены. При отсутствии законных наследников и завещания в пользу иных лиц, имущество признавалось выморочным и поступало в казну. Не могли получать по завещанию имущество изгнанники и лишены чести. Пленные и челядь домовая могли приобрести имущество по завещанию только получив предварительно или тем же завещанием личную свободу.

Законом устанавливался круг лиц, не имевших права завещать. К ним относились: несовершеннолетние дети (совершеннолетние сыновья, не отделенные от родителей, могли завещать только лично приобретенное имущество), лица, утратившие свободу по суду, монахи, пленные, челядь дворянская, психически больные (они могли завещать свое имущество в случае выздоровления), изгнанники и лишены чести.

Феодально зависимые люди могли завещать посторонним лицам только одну третью часть своего движимого имущества, а две трети обязаны были оставить детям. При отсутствии детей эти две части должны были оставаться в доме и поступали в распоряжение господина.

Наследодатель-шляхтич имел право по завещанию передать посторонним лицам только одну треть отцовских и материнских имений, а остальное имущество должно было переходить детям или иным законным наследникам. Ис-

ключение из этого правила было сделано только в отношении завещания имущества великому князю.

Таким образом, в наследственном праве, как и во всем гражданском праве XVI в., четко проявились старые нормы феодального права и ростки новых норм буржуазного гражданского права.

Семейное право

Феодальное семейное право регулировало и закрепляло личные и имущественные отношения, возникавшие из супружеского союза, родства, опеки, усыновления и принятия других лиц в семью. Оно обеспечивало в первую очередь феодальное общественное устройство, обособленность привилегированного сословия шляхты, гарантировало сохранение права собственности на основные средства производства в фамильном владении феодалов.

Являясь продуктом определенной общественной формации, семья была производственным, хозяйственным и общественным коллективом. К. Маркс, критикуя Прудона за непонимание процесса исторического развития человечества и взаимосвязей семьи с экономической формацией, в письме к П. В. Анненкову писал: «Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов, — словом, определенное гражданское общество»⁴⁵. Так же, как и семья, семейное право определяется производственными отношениями и изменяется под воздействием экономического развития. Однако эти изменения в семейном праве своеобразны. Нормы права, которыми регулируются личные отношения членов семьи, менее подвижны, так как они больше подвержены влиянию старых обычаев, семейных традиций и церковного права. Более чутки на изменение производственных отношений нормы, регулирующие имущественные отношения в семье. Новые нормы права вырабатывались законодательством, судебной и административной практикой, которая была более подвижной по сравнению с законодательством.

Главное внимание в этих нормах было уделено имущественным отношениям в семье и вопросам наследственного права. В них уже стали заметны ростки нового, буржуазного семейного права, основанного на защите права частной собственности и допускавшего некоторую свободу выражения воли лиц, вступающих в брак, а также расторгающих брак. Основной частью брачного соглашения для феодалов и других групп зажиточного населения становится имущественный договор.

В Белоруссии в период феодализма были известны два основных типа семьи: малая и большая. Малая состояла из родителей и неженатых детей. В большой семье совместно жили родители с женатыми и замужними детьми или неразделенные братья со своими женами и детьми. Иногда другие родственники и свояки жили одной семьей, одним двором и вели совместное хозяйство.

Правовое признание больших семей и неразделенных земельных владений получило отражение в статутах Великого княжества Литовского. Однако в них нет норм, которые регулировали бы личные и имущественные отношения внутри большой семьи. Это, по-видимому, объясняется тем, что для класса феодалов типичной была малая семья, а взаимоотношения в большой семье регулировались обычным правом.

Заключение брака осуществлялось в несколько этапов: сватовство и смотрины, обручение (заручины, змовины), венчание и свадьба (вяселле). Сватовство и смотрины, как подготовительное действие, никаких правовых последствий не влекли. Правовые последствия наступали только после обручения. Сторона, отказавшаяся вступить в брак после заключения соглашения о браке — змовин, обязана была возместить другой стороне все понесенные расходы по подготовке к браку и выплатить обусловленную соглашением неустойку. Обручение могло производиться еще в детском возрасте будущих супругов. Основными сторонами соглашения, заключаемого при заручинах, выступали родители, близкие родственники или опекуны брачащихся, особенно в отношении девушек. Если в семье имелось несколько девушек, то обязательно следовало раньше выдать старшую, а затем следующую за ней по возрасту. В «Хронике Быховца» содержится описание сватовства Ягайло к Софье Гольшанской из Друцка (ныне небольшая деревня недалеко от города Орши): «Приехали в Друцк и были там на обеде у князя Семена Дмитриевича Друцкого... и увидел он (Ягайло. — И. Ю.) у князя Семена двух его красивых племянниц, старшую из них звали Василиса по прозванию Белуха, а другую — Софья. И просил Ягайло Витовта, говоря ему так: «Было у меня уже три жены, две польки, а третья немка, а потомства они не оставили. А теперь прошу тебя, высватай мне в жены у князя Семена младшую племянницу Софью, она из рода русского и может быть даст мне потомство». И когда начал князь Витовт говорить о том князю Семену, князь Семен сказал так: «Государь, великий князь Витовт. Король Ягайло брат твой — коронованный и великий государь и не могло бы быть лучше моей племяннице, как за его милость выйти замуж, однако же не годится мне позорить старшую сестру ее, выдавать младшую раньше старшей, и поэтому пускай бы его милость взял старшую». И когда князь великий Витовт сообщил это королю Ягайло, тот сказал: «Сам знаю, что старшая красивее, но у нее усики, а это означает, что она девка крепкая, а я человек старый и не смею на нее покуситься». После этого князь великий Витовт, размыслив с князем Семеном, позвали к себе князя Ивана Владимировича Бельского, своего племянника, и посватали за него ту старшую сестру Василису Белуху, а Софью обручили с королем Ягайлом»⁴⁶. От нее и Ягайло произошла династия великих князей литовских и королей польских Ягеллонов.

После сватовства и заручин представители невесты и жениха заключали свадебный договор. Главной частью такого договора были имущественные отношения. В нем определялись приданое невесты и вено, записываемое женихом своей будущей жене в порядке обеспечения ее приданого. В законе прямо

предписывалось, что каждый гражданин, «выдаючи дочку свою замуж, и даючи за нею посаг або выправу... наипервей нижли девку выдаст, маеть от зяти взяти запис... которым он на третей части имения своего лежачого оный посаг або выправу совито (вдвойне. — И. Ю.) описати маеть»⁴⁷. Порядок оформления брачных соглашений и последствия невыполнения этих предписаний закона довольно подробно рассмотрены в статутах.

Для признания брака совершившимся необходимо было выполнить определенные свадебные обряды (сыграть вяселле), тем самым браку придавалась общественная известность и утверждение. Но так как для феодального строя, и особенно для закрепления его сословно-иерархического деления, первостепенное значение имело происхождение, то церковью и государством вводилось требование о церковном венчании. Однако в Белоруссии церковное венчание в XVI в. не было еще строго обязательным. Только шляхта, стремясь сохранить шляхетские права для своих детей, вынуждена была венчаться. Основная масса народа обходилась без него, хотя и среди шляхты довольно часто встречались невенчанные браки⁴⁸. Об этом свидетельствуют и законодательные акты. Так, в статутах неоднократно упоминается о браках с невенчанной женой, т. е. хотя на нее и не распространяются все права законной жены, однако и она называется женой⁴⁹.

В брак могли вступать лица, не состоящие в другом браке, достигшие определенного возраста и не состоящие между собой в близком родстве. По церковным правилам нельзя было вступать в брак с мусульманами и иудеями, монахам и католическим ксендзам, а также лицам, которые уже ранее состояли в трех браках.

По церковным правилам в брак могли вступать девушки с 12—13, а юноши — с 14—15 лет. По Статуту 1566 г. брачный возраст для девушек был установлен с 15, а для юношей — с 18 лет, но в Статуте 1588 г. брачный возраст для девушек устанавливался с 13 лет. На практике девушек выдавали замуж и в более раннем возрасте. Запрещалось под страхом лишения прав на имущество девушкам, не достигшим брачного совершеннолетия, выходить замуж самовольно, без согласия своих родных. Эта норма свидетельствует о том, что браки с лицами, не достигшими брачного совершеннолетия, не были редкостью и признавались законными.

Браки лиц, принадлежащих к разным сословиям, допускались как по обычному праву, так и законодательством, но в Статуте 1566 г. содержалась норма, по которой шляхтянка, вышедшая замуж за простого человека, могла лишиться прав на владение имением. Так, в 1583 г. в гродненском земском суде слушалось дело по иску Эйсимонтов к Яну Пленевичу и его жене Ганне и к Лешошу Андреевичу и его жене Дороте о присуждении имений. Истцы обосновывали свой иск тем, что ответчицы Ганна и Дорота, выйдя замуж за простых людей, нешляхтичей, сами утратили свои шляхетские права и не могут быть собственниками имений, которые должны перейти к истцам по наследству после смерти родителей ответчиц. В судебном заседании ответчицы оспаривали иск тем, что вступили в брак с согласия родителей и на протяжении более десяти лет владели указанными имениями и несли с них все шляхетские по-

винности. Суд истцам в иске отказал на том основании, что они просрочили сроки исковой давности⁵⁰. Из этого дела видно, что если близкие родственники не требовали себе имений женщин, вышедших замуж за простых людей, то эти женщины могли владеть своими имениями, а их мужья, неся все шляхетские повинности, фактически приравнивались к шляхте.

Препятствием для вступления в брак могло быть разное вероисповедание. Так, женщинам-христианкам запрещалось вступать в брак с мусульманами и иудеями. В грамоте, выданной Сигизмундом Августом, указывалось, что многие женщины живут не «в законе», т. е. в невенчаных браках, и кроме того, «будучи хрестьянки, з жиды, с турки, с татары живут», поэтому давалось разрешение виленскому католическому епископу через своих агентов выявлять таковых и наказывать⁵¹.

Согласно церковному праву, запрещались браки между лицами, у которых общими были прадеды или прабабки. Это правило было внесено и в Статут 1588 г. Не должны были допускаться и браки между свояками и свояченицами. Нельзя было, например, жениться братьям на родных сестрах. По церковным правилам нельзя было вступать в брак более трех раз, даже в случае смерти одного из супругов. Однако все эти правила в значительной степени корректировались как практикой, так и законодательством. Например, в Статуте 1529 г. (ст. 14 раздела IV) содержалось правило, по которому дети от первой, второй, третьей, четвертой и других жен, сколько бы их ни было, получали равные права на долю имущества отца. В последующих статутах эта норма была изменена и упоминания о четвертой и других женах нет. По Статуту 1588 г. вдова могла выйти вторично замуж не ранее чем через шесть месяцев после смерти мужа. Если супруги, не расторгнув одного брака, вступали в другой, то в соответствии со «Свитком Ярослава», утвержденным привилеем 1499 г., подлежали штрафу в тысячу рублей⁵², а по Статуту 1588 г. — смертной казни (ст. 22 раздела V).

Внесение в нормативные акты более строгих правил не вело к повышению нравственности в обществе, особенно в классе феодалов. А среди простого народа действовали нормы обычного права, которые в значительной степени расходились с законодательством и церковными правилами. С таким положением дел вынуждены были считаться представители духовной и светской власти. Наглядным примером тому может служить поучение митрополита Сильвестра, сделанное в 1562 г. новопоставленному иерею, которому рекомендовалось не ходить на браки, которые совершались с нарушением церковных правил. В этом поучении говорилось: «...а на брак не ходи, где муж жону пустит, или жона мужа без вины и инде ся поймают, или во племени поимуться, или в сватовстве, или в кумовстве»⁵³.

После введения униатства в Белоруссии в 1596 г. униатское духовенство стало руководствоваться правилами, более близкими к обычному праву. Например, не стали запрещаться браки между родственниками мужа и жены: «...могут побрати вдовец вдову, а его сын вдовину дщерь, з иного рожденную, такжеде два братия могут поняти две сестры чуждие»⁵⁴.

Заключение брака должно было происходить с согласия самих брачащихся и с согласия их родителей или других близких родственников. В случае смерти родителей и несогласия родных выдать девушку замуж она могла получить разрешение на брак от должностных лиц⁵⁵. Конечно, личное согласие на брак жениха и невесты имело значение только в том случае, когда они были материально обеспечены и находились в зрелом возрасте. Чаще всего это согласие было только формальностью.

При вступлении в брак феодально зависимых крестьян, если женщина уходила в другую деревню, следовало получить разрешение феодальной администрации или самого феодала и внести определенную плату, называемую выводной куницей, которая равнялась 6—12 грошам, а при выходе замуж вдовы размер куницы повышался до 20 грошей⁵⁶.

Бракосочетание по белорусскому обычному праву происходило довольно торжественно, с выполнением народных обрядов. Сама свадьба длилась несколько дней. Вначале жених, его друзья и родные шли в дом невесты, где совершался обряд встречи жениха, посадка невесты и благословения молодых, а затем вся свадьба переходила в дом жениха. На свадебный пир приглашались все родные жениха и невесты, их друзья и соседи, могли являться и неприглашенные люди. После свадьбы, независимо от того, состоялось или нет церковное венчание, брак считался заключенным и получившим общественное закрепление и признание.

Личные взаимоотношения супругов в семье строились в зависимости от их характеров, происхождения и имущественного положения. Признание в законе имущественных прав женщин, а также равные права супругов в отношении детей обеспечивали женщинам определенную свободу в осуществлении ее обязанностей как хозяйки в доме, а не как рабыни или служанки мужа. Правомочия мужа более всего проявлялись в тех случаях, когда он обязан был выполнять различные государственные и общественные повинности. Считалось, что муж является законным представителем всей семьи во всех государственных и судебных учреждениях. Но на практике встречались случаи, когда женщины самостоятельно выступали в судах, и даже в интересах своих мужей. В гродненском земском суде в 1539 г. рассматривалась жалоба рыболова Петра на своего сына. В суде выступила «жона того сына за него, яко за мужа своего»⁵⁷. В актовых книгах земских и гродских судов содержится довольно много записей сделок, совершенных женщинами самостоятельно или совместно с мужьями⁵⁸.

Все это свидетельствует о некоторой самостоятельности женщины в семье, но одновременно следует иметь в виду, что в период феодализма, когда феодал мог поступать по своему произволу не только с крестьянами, но и с бедной шляхтой, произвол осуществлялся и в отношении женщин. Свою власть над женщинами проявляли и их мужья, особенно в тех случаях, когда женщина не имела собственного имущества, богатой и сильной родни, способной защитить ее от деспота мужа, так как государственные органы не вмешивались во внутренние дела семьи. Только в статуты 1566 и 1588 гг. были внесены нормы

об уголовной ответственности за убийство одним супругом другого, и в случае нежелания родных возбуждать дело в суде уголовное преследование должны были вести должностные лица по своей инициативе. Женщины были полностью лишены политических прав. Они не участвовали в работе сейма и повестовых сеймиков, не могли занимать должности в государственном аппарате.

Имущественные отношения супругов зависели в первую очередь от того, какое имущество каждый из них вносил в семью при вступлении в брак, так как приданое жены, хотя и переходило в общую собственность семьи, но обеспечивалось недвижимым имуществом мужа, в случае прекращения брака подлежало возвращению жене, а в некоторых случаях — близким родственникам жены. Если муж был значительно беднее жены и приходил в дом жены, то его права по распоряжению имуществом были ограничены женой. Но и в этом случае он считался главой дома и обязан был нести все повинности, положенные с данного хозяйства.

Дети в семье (даже взрослые) обязаны были подчиняться родителям. Отец с матерью могли выдать дочь замуж или женить сына, не спрашивая их согласия. Родители могли отдавать детей (даже взрослых) на работы или для обучения ремеслу.

Имущественные права детей в семье при жизни родителей были ограниченными. Признавались только их права на имущество, приобретенное ими личной службой на стороне или полученное в дар либо по наследству. Доля детей в общем имуществе семьи не была четко определена, хотя и не отрицалось их право на это имущество. Для обеспечения интересов детей до 1566 г. действовало правило, по которому собственник отчины имел право продать не все владение, а только одну третью часть его. О праве жены и детей на долю в общем имуществе свидетельствуют дарственные грамоты, в которых дарение производилось от имени всей семьи. Например, в дарственной грамоте, выданной в 1443 г. мстиславским князем, было записано: «...мы, кн. Юрей Лянгвеневиц, с моею кн. Софиею и с нашим сыном кн. Иваном... придали к тому ж монастырю, к св. Онофрею, с. Головчино и другое с. Колесниковское с людьми и с пашнями и сеножатыми, и со всеми приходы»⁵⁹. Родители могли по своей доброй воле выделить детям определенное имущество, но принудительного выдела дети не могли добиваться.

Характер имущественных отношений супругов определялся двояко, в зависимости от того, было данное имущество общим или раздельным. Нельзя согласиться с категорическим выводом М. Ф. Владимирского-Буданова о том, что «период XIV—XVII вв. как в Московском, так и в Литовско-русском праве есть период господства общности семейного имущества»⁶⁰, так как вопрос о преобладании общности или раздельности имущества в семье зависел от имущественного положения каждого из супругов. В праве в равной степени обеспечивались права супругов как на раздельное, так и на общее имущество, и говорить о преобладании какой-то одной формы нет достаточных оснований. Например, в Судебнике 1468 г. сказано, что если вор что-либо украдет, а жена его о том не

знала и в дом он ничего не приносил, то следует обращать взыскание только на имущество вора, «а жона и дети и дом их невинен... ино домовыми статки, што того татя властное, заплати, а жона и дети и статки женьни от того порожни»⁶¹. О раздельном и общем имуществе супругов говорится в ряде статей статутов⁶², кроме того, в праве употреблялись специальные термины для обозначения имущества, принадлежащего женщинам: «имения материстые», «вено». Обеспечению права раздельной собственности служили и нормы опекунского права⁶³. Как пример сочетания раздельной и общей собственности, с некоторым даже преобладанием раздельной, может служить текст ст. 2 раздела V Статута 1566 г., в которой говорилось: «...тогда маеть отец... купите именье и дочце своей за то дати; а зять предсе жоне своей за то, что бы особно взял сумму якую, маеть отправу вчинити на третей части именя своего властивою, а того именя, которое отец купивши дочце своей даст, мають сполу уживати аж до живота своего мужнего, а по животе мужнем она яко свое властное маеть одержати весполк з веном своим». В Статуте 1588 г. эта норма была дополнена правилом, по которому имение жены, умершей раньше мужа, при отсутствии детей переходило по наследству «в тот дом, с которого она вышла», т. е. не мужу, а ее родным. Вместе с тем в статуте содержались и нормы, закреплявшие общность имущества, особенно приобретенного в период совместной жизни⁶⁴. О наличии как раздельной, так и общей собственности супругов свидетельствуют и многочисленные сделки, записанные в актовых книгах земских и гродских судов⁶⁵.

Все эти факты довольно убедительно опровергают утверждение М. Ф. Владимирского-Буданова о господстве общности семейного имущества и позволяют сделать вывод о наличии и сочетании двух форм семейного имущества, в равной мере защищаемого семейным и гражданским правом.

Широкие права супругов по владению и распоряжению имуществом делали их в материальных отношениях зачастую независимыми друг от друга, что позволяло им при отсутствии взаимной любви, духовного и физического супружеского общения расторгнуть брак.

По учению церкви, как католической, так и православной, брак прекращался только смертью одного из супругов. Однако в Белоруссии в XVI в. как православные, так и католики расторгали свои браки с согласия духовенства или без них. Для законного расторжения брака достаточно было супругам заявить перед светским либо духовным судом или должностным лицом местной администрации о том, что они расторгают свой брак и делают друг друга свободными для вступления в новый брак. Типичной в этом отношении была запись, сделанная в 1557 г. Иваном Тарусой и его женой Мариной в гродненском земском суде. В этой записи говорилось, что в связи с частыми спорами и несогласием, при отсутствии любви дальнейшее нахождение в браке они считают невозможным, а поэтому решили сделать друг друга свободными от брака «и листы ростанья своего один другому под печатями некоторых людей добрых на себе дали»⁶⁶.

Мещане записи о расторжении брака производили в городском магистрате. Например, в 1585 г. могилевский мещанин Андрей Окулинич с женой

Марьей внесли запись в городские книги о том, что они как добровольно вступили в брак, так же добровольно его расторгают.

Оформление расторжения браков среди крестьян могло осуществляться церковью, должными лицами местной администрации или самим феодалом, который давал разрешение на расторжение брака, но, по-видимому, чаще всего оно вообще не оформлялось каким-либо актом, а просто муж или жена уходили из семьи.

При отсутствии взаимного согласия супругов на развод, а по статутам 1566 и 1588 гг. во всех случаях разводы должны были производиться «перед судом духовным». Но на практике на протяжении всего XVI в. расторжение брака осуществлялось как духовенством, так и светской властью, причем без соблюдения церковных правил об основаниях развода.

По каноническим правилам развод допускался в ограниченных случаях, по следующим причинам: а) неспособность мужа к супружеской жизни; б) наличие определенной степени родства и свойства между супругами; в) совершение тяжкого преступления одним из супругов; г) прелюбодеяния жены; д) тяжелая болезнь. На практике основания развода были самые разнообразные, но о них, по-видимому, и не спрашивали, а только фиксировали факт распада семьи и утверждали волю лиц, расторгающих брак.

Бракоразводный процесс в епископском суде должен был начинаться по заявлению заинтересованной стороны, разрешение на расторжение брака должно было даваться только при наличии веских причин. Однако из актов видно, что и епископские суды не придерживались строгих правил. Так, в 1545 г. полоцкий архиепископ Самсон, рассматривая жалобу Томилы Гитовтовны на ее мужа Ивана о его недостойном поведении, без ее просьбы расторг их брак, «а тому Ивану другую жону... поняти дозволил»⁶⁸. Сравнительная легкость разводов удерживалась в Белоруссии до второй половины XVII в., т. е. до победы контрреформации.

Прекращение брака происходило при объявлении лица изгнанником. Прекращался брак и при уходе одного из супругов в монастырь. В этих случаях оставшийся супруг имел право вступить в брак вторично.

Сравнительная свобода супругов по семейному праву Белоруссии XVI в. объяснялась многими историками как реликтовые остатки древней, языческой свободы женщин. Такого мнения придерживались О. И. Левицкий⁶⁹, Ф. И. Леонтович⁷⁰ и другие буржуазные историки семейного права. Левицкий даже считал, что в XVI в. еще не существовало обособленного сословия шляхты и все социальные группы людей были связаны «единством веры, национальности и старых вечаевых преданий, были чужды понятий сословной исключительности, жили одним бытом... никакой классовой отчужденности не было еще в то время»⁷¹. Такая идеализация древнего быта, искажающая действительное состояние правовых отношений в феодальном обществе, не позволила буржуазным историкам права вскрыть действительные причины, обусловившие сравнительную свободу женщин по семейному праву Белоруссии и Украины в XVI в.

Взгляды буржуазных ученых подверглись обстоятельной критике в работах Ю. Бардаха⁷² и З. Ю. Копысского⁷³, которые пришли к выводу, что светский характер семейного права в Белоруссии был обусловлен властью православного духовенства и высших органов государственной власти, а также экономическими и социальными условиями жизни. Кроме того, в семейном праве в значительной степени проявились идеи гуманизма и ростки нового буржуазного права, основу которого составляло право частной собственности. Конечно, нет оснований игнорировать и семейно-бытовые традиции славянских народов, у которых женщины в древности пользовались сравнительно широкими правами. Поэтому основную причину светского характера семейного права Белоруссии следует искать не в мнимом сохранении древней свободы, а в новых общественных отношениях, которые интенсивно складывались в Белоруссии в XVI в.

С семейным и гражданским правом было неразрывно связано *опекунское право*. Институт опеки получил четкое оформление в статутах 1529, 1566 и 1588 гг. В первом статуте ему было посвящено 10, во втором — 13 и в третьем — 15 статей. Опека назначалась над несовершеннолетними и их имуществом, однако главное внимание уделялось имуществу.

Опека учреждалась над юношами до 18 лет и девушками до 13 лет (по Статуту 1566 г. до 15 лет), но если девушка и после достижения совершеннолетия не выходила замуж, она не освобождалась из-под опеки. Опекунами по закону считались отец или мать несовершеннолетнего, а также ближайшие родственники; посторонние лица могли назначаться по завещанию родителей или по решению суда.

Опекун назначался из того сословия, к которому принадлежал опекаемый, так как должен был нести все повинности, причитающиеся с имущества опекаемого, и обладать не меньшей дееспособностью, чем собственник, оставивший имущество несовершеннолетнему. Суд назначал опекуном уроженца Великого княжества Литовского, имевшего собственное имение, хорошо ведущего свое личное хозяйство, не очень старого. Опекунами не могли быть служители культа, за исключением случаев, когда священнослужитель сам имел собственное имение в том же повете⁷⁴.

Опекун не имел права отчуждать имущество лиц, находящихся у него под опекой. Дела по искам, предъявляемым к несовершеннолетним, об отчуждении имущества, приостанавливались до совершеннолетия детей, за исключением следующих дел: 1) о возвращении имения, находящегося в залоге; 2) о выплате сумм по обязательствам, вытекающим из поручительства родителей опекаемых, если иск был предъявлен еще при жизни родителей; 3) о наследстве, если по делу родители принимали участие в судебном разбирательстве; 4) по долгам родителей; 5) о бесправном и насильственном захвате чужого имения; 6) о возврате беглых людей⁷⁵.

Столь подробная регламентация в праве института опеки свидетельствует о том, что и здесь сказалось влияние товарно-денежных отношений, в силу чего в законе проявлялась повышенная забота о защите права собственности.

Глава IV СУДЕБНЫЕ ОРГАНЫ

Центральные судебные органы

Суд в феодальном государстве был призван охранять феодальный правопорядок, обеспечивать незыблемость общественного и государственного строя, неприкосновенность личных и имущественных прав феодалов, обеспечивать правовые гарантии «внеэкономического принуждения», осуществляемого феодалами над феодально зависимыми людьми.

Центральными судебными органами считались: суд великого князя, суд рады или сейма, комиссарский суд, главный трибунал.

Господарский (великокняжеский) суд был высшим судом в государстве. Разбирательство дел в этом суде осуществлялось при участии великого князя и панов-рады. Количество радных панов не было определено в законе. Их могло быть 1—2 человека, а иногда 20 и более человек. Все зависело от важности дела, места и времени суда. В суде присутствовали те паны, которые в данное время находились около государя. Сессия господарского суда должна была начинаться ежегодно 11 ноября (в день св. Мартина)¹. Но в связи с частыми отъездами великого князя в Польшу и уклонением его от рассмотрения судебных дел для осуществления правосудия от имени великого князя назначались великим князем или панами-радой специальные комиссары. Например, из грамоты жителям Могилева и Могилевской волости видно, что рассмотрение их жалобы в 1536 г. на могилевского державцу князя Василия Ивановича Соломирецкого было поручено комиссарам, которые «при дворе великого князя судят»: маршалку Андрею Коширскому, конюшому дворному Василию Чижу, тиуну виленскому Шимку Мацковичу, городничему городенскому Семену Одинцевичу и секретарю великого князя Павлу Нарушевичу².

Разновидностью господарского суда считался суд панов-рады, который собирался ежегодно через две недели после начала великого поста (в конце февраля или в начале марта). Этот суд не имел постоянного состава и считался полномочным независимо от того, собрались все паны-рада или только часть их³. На решение суда панов-рады могла быть подана жалоба великому князю.

До 1588 г. разновидностью господарского суда был *сеймовый суд*, потому что разбирательство дел в этом суде первоначально осуществлялось великим князем и панами-радой во время сеймов. Законом 1588 г. была проведена некоторая реорганизация сеймового суда, в состав которого, кроме государя и панов-рады, вводились восемь депутатов от сейма. Сеймовому суду были подсудны все дела по государственным преступлениям: заговор против государя, государственная измена, подготовка и участие в восстаниях, фальшивомонетничество и т. д. Сеймовый суд был правомочен рассматривать дела и без участия государя. Приговор (вырок) сеймового суда обжалованию не подлежал, но за государем сохранялось право помилования осужденного.

Подсудность дел господарскому суду не была строго определена. Первоначально любое дело могло быть рассмотрено в этом суде по первой или второй инстанции. Каждый свободный человек имел право обратиться к великому князю с жалобой (иском) по любому делу, так как не существовало обязанности обращаться сначала в местный суд. Это вело к огромному скоплению дел в господарском суде и к волоките. Дела мелких и незнатных феодалов, не имевших покровителей среди панов-рады, лежали в суде без движения годами.

Первые ограничения в подсудности дел этому суду были произведены в грамотах, выданных жителям Полоцкой и Витебской земель. В них великий князь обязывался не вызывать на свой суд полочан и витеблян с территории этих земель без обоюдного согласия сторон. Инстанционный порядок рассмотрения дел начал вводиться с принятием Статута 1529 г., в котором содержалась ст. 2 раздела VI, обязывающая ответчика отвечать перед местным судом и только после решения этого суда обращаться в господарский. Следующим шагом по введению инстанционности и ограничения подсудности дел господарскому суду была ухвала Берестейского сейма от 23 мая 1542 г.⁴ По этому закону истец не имел права обращаться в господарский суд, если великий князь находился в Польше, а обязан был обращаться в суд воевод и старост. Жалобы на их решения могли подаваться в суд панов-рады. Окончательно инстанционный порядок рассмотрения дел был закреплён в статутах 1566 и 1588 гг.

К исключительной подсудности господарскому суду по первой инстанции подлежали дела: а) о государственных преступлениях («ображенье маестату господарского»); б) о преступлениях, совершенных против панов-рады, воевод, каштелянов, старост, подкоморых, судей во время исполнения ими служебных обязанностей; в) по искам, затрагивающим интересы самого великого князя и государственной казны; г) по жалобам на незаконные действия должностных лиц, если ими был причинен вред государственным доходам; д) по обвинению в самовольном установлении или увеличении размеров пошлин (мыта) на границах, мостах и дорогах; е) о лишении шляхетских прав и чести; ж) по искам к панам-раде, панам хоруговным и феодалам, получившим грамоты на исключительную подсудность господарскому суду (до 1564 г.); з) по обвинению в совершении преступлений в месте пребывания государя (до 1588 г.); и) о должностных преступлениях воевод, старост, державцев и тиунов (до 1588 г.); к) по обвинению в убийстве в войске, если преступник скрылся; л) по обвинению лиц, виновных в недопущении приведения в исполнение судебного решения; м) по искам к епископам за отказ в осуществлении правосудия⁵. Самую большую нагрузку господарский суд нес по рассмотрению дел по апелляционным жалобам на решения всех других судов. Альтернативная подсудность была установлена по искам иностранных гостей. Их дела могли рассматриваться по выбору истца в господарском либо в замковом, земском или войтовском суде⁶.

Чтобы покончить с загруженностью господарского суда, в 1581 г. был издан закон об образовании высшего суда — *главного трибунала*, на который возлагалась задача апелляционного пересмотра дел и рассмотрения некото-

рых дел по первой инстанции. Пересмотр дел в порядке апелляции в господарском суде остался только в том случае, если по первой инстанции дело рассматривалось комиссарским судом или судьи трибунала, составленного из духовных и светских судей, не пришли к единому мнению.

Главный суд, или трибунал, Великого княжества Литовского состоял из выборных судей, избираемых ежегодно шляхтой. Избранными могли быть только шляхтичи, имевшие собственные владения (оселость), сведущие в вопросах права и местных обычаях. От каждого повета и от каждого воеводства, в котором не было поветов, избиралось по два судьи. Количество членов главного суда не было постоянным, но, как правило, их было около 40 человек⁷. Рассмотрение дел осуществлялось судебной коллегией в составе 2—7 человек. Всей работой главного суда руководил избираемый судьями председатель — маршалок. На должность председателя радой рекомендовался один из панов-рады. Для рассмотрения дел, связанных с исками в отношении церковного имущества, создавалась совместная коллегия главного суда, состоящая из трех членов главного суда и трех представителей духовенства, назначаемых епископами. В законе о трибунале 1581 г. предусматривалась коллегия из десяти судей: четырех духовных лиц и шести членов трибунала, но под давлением духовенства в Статут 1588 г. была внесена норма, предусматривающая паритетный состав коллегии⁸. Заседания (сессии) главного суда проводились: в Вильно — ежегодно и в Минске и Новогрудке — попеременно через год. Совместная коллегия духовных и светских судей заседала только в Вильно. Каждая сессия (каденция) могла длиться не больше 22 недель, после чего судьи переезжали в очередной город.

Ведению главного суда подлежали все дела по апелляционным жалобам на решения (выроки): а) гродских, земских и подкоморских судов; б) панских судов в отношении служилых шляхтичей, приговоренных к смертной казни, тюремному заключению или крупным денежным штрафам⁹. По первой инстанции он рассматривал «все sprawy пришлое, которые кольвек на суд наш господарский припадати бы мели»¹⁰, за исключением дел о государственных преступлениях, дел по искам, связанным с интересами казны, и о чести шляхты. Особую категорию дел в главном суде составляли жалобы на незаконные действия и злоупотребления местных должностных лиц и судей. Кроме рассмотрения судебных дел, главный суд осуществлял ряд нотариальных действий: завещая завещания, свидетельствовал договоры займа, купли-продажи и иные.

Решение (декрет) суда выносилось по большинству голосов. Писарь не принимал участия в голосовании. Не участвовали в рассмотрении дела и члены главного суда того повета, в котором жили стороны по данному делу. Решения главного суда обжалованию не подлежали. Исполнение решений осуществлялось местными должностными лицами. Если подсудимый скрывался от суда или оказывал сопротивление при имущественном взыскании, он подвергался баниции (изгнанию из государства), часть его имущества шла на удовлетворение требований кредиторов, а остаток подлежал конфискации. Изгнание оформлялось грамотой великого князя.

Местные суды

На ранней стадии феодализма суд не был отделен от администрации и судебные функции выполняли князья или иные должностные лица государственного управления, либо народные собрания — веча и копы. В отношении феодально зависимых людей, холопов и челяди невольной суд и расправу чинили их господа. В XVI в. в Белоруссии и Литве были созданы специальные судебные органы, отделенные от местной администрации.

Местные суды в каждой местности имели свои особенности. Только в 60-х годах XVI в., после проведения поветовой реформы, было установлено некоторое единство во всей судебной системе.

В местных судах получило четкое отражение классово-сословное деление общества, что повлекло деление местных судов на суды для шляхты и суды для простых людей. Местными судами для шляхты были замковый (гродский), земский и подкоморский суды. Для феодально зависимых людей и горожан главными судьями являлись феодалы и их приказчики (врадники), а также лица местной государственной и хозяйственной администрации (воеводы, старосты, войты, бурмистры, тиуны, старцы и т. д.). Кроме того, существовали суды для духовенства, евреев, татар, цеховые суды для ремесленников. В качестве местных судей могли рассматривать дела и лица центральной администрации: гетман — в отношении военнослужащих во время сборов, подскарбий — в отношении лиц, занимавшихся сбором государственных доходов, и т. д.

Среди всех местных судов наиболее древним и самым деятельным был замковый суд.

Замковый, или гродский, суд проводил свои заседания в замке, или, как его называли, городе, гроде. Главная роль в этом суде принадлежала должностным лицам местной администрации — воеводе, старосте, державце и их заместителям. Суд действовал в двух составах: высшем и низшем. В высший гродский суд входил воевода, либо староста, или державца и представители местных феодалов. Так, полоцкий наместник (воевода) обязан был рассматривать все дела «с старшими боярами Полоцкими», витебский «с князи и з бояры и з мещаны»¹¹. Низший гродский суд состоял из наместников воеводы, или старосты, либо державцы, а также двух землян-шляхтичей, с 1566 г. вместо двух землян назначались судья и писарь¹². На должность наместника, судьи и писаря в гродском суде могли быть назначены только шляхтичи, владевшие недвижимым имуществом в данном повете, уроженцы Великого княжества Литовского, добродетельные, знавшие право и умевшие писать.

Включение в состав гродского суда судьи и писаря, которые являлись представителями феодалов, но уже обладали правовыми знаниями, свидетельствует об определенных сдвигах в судопроизводстве, о развитии права, поскольку суд начинает отделяться от администрации, возникает необходимость в приобретении правовых знаний.

Подсудность дел замковому суду была довольно широкой, особенно до судебной реформы 1564—1566 гг., т. е. до образования земских и подкоморских

судов. Ему были подсудны дела: 1) о нападении на шляхетские дома и имения; 2) о нападении на церкви и костелы; 3) о насилиях над женщинами; 4) о нападениях в городах; 5) о разбое на дорогах; 6) о кражах; 7) о подлогах; 8) о поджогах; 9) о чародействе; 10) об отравлениях; 11) об угрозах убийства или поджога шляхтича в отношении шляхтича; 12) об убийстве шляхтича; 13) о поручителях, которые ручались за лиц, угрожавших кому-либо убийством или поджогом; 14) о самоуправном завладении чужим имением или землей; 15) все преступления неоселой шляхты, иностранцев и приезжих гостей. Альтернативная подсудность была установлена для дел о беглых слугах, феодально зависимых людях и челяди невольной. По этим делам истец имел право обращаться в градский или в земский суд¹³. Одной из важнейших функций градского суда было исполнение приговоров и решений других судов.

По-сеймовому постановлению от 20 ноября 1551 г. низший градский суд должен был собираться четыре раза в год и рассматривать дела в течение четырех недель, высший суд — два раза в год по четыре недели¹⁴. Статутом 1588 г. в этот порядок были внесены изменения. Низшему градскому суду было предписано быть на своем месте с начала каждого месяца в течение двух недель. А о суде воевод и старост говорилось, что они обязаны после получения жалобы на решение низшего градского суда в течение четырех недель прибыть на свое место или поручить кому-либо из своих подчиненных (каштеляну, маршалку, хоружему или другому лицу) рассмотреть данную жалобу.

В градском суде рассматривались дела по обвинению шляхты, мещан и крестьян, т. е. этот суд в значительной степени был сословным судом. Рассмотрение дела в градском суде могло начинаться немедленно после доставки преступника, захваченного на месте преступления или задержанного в течение 24 часов с момента совершения преступления. Если же за это время преступник не был задержан или успел скрыться у себя дома, то его уже следовало вызывать в суд иском-повесткой (повзом), но не позже чем через неделю. По делам о самоуправном захвате имения этот срок мог быть продлен до 10 недель. В случае пропуска истцом этих сроков возбудить дело по обвинению оселого шляхтича можно было уже не в градском, а только в земском суде.

В градском суде велись акты, в которые заносились исковые требования сторон, решения суда, заявления возного и других лиц по обеспечению доказательств, различные нотариальные действия.

Земский суд являлся наиболее типичным сословным судом шляхты. Окончательное правовое оформление этого суда было проведено Бельским привилеем 1564 г. и Статутом 1566 г. Комплектование суда производилось в следующем порядке: сначала на поветовом сеймике шляхта избирала по четыре кандидата на должность судьи, подсудка и писаря, а затем великий князь из этих кандидатур утверждал судью, подсудка и писаря. Избранными могли быть только уроженцы Великого княжества, шляхтичи, имеющие землевладения, добродетельные, христианской веры, знающие право, умеющие писать, не занимающие духовных и государственных должностей¹⁵.

Разбирательство дел в земском суде производилось посессионно. Сессии собирались три раза в год: трехкрольская в январе, троецкая в июне и михайловская в октябре. Каждая сессия длилась 3—4 недели¹⁶.

Подсудность дел земскому суду не была четко определена. В законе было только сказано, что его ведению подлежат дела всех панов, князей, шляхты и бояр, которые имеют в том повете свои имения, за исключением дел, подсудных господарскому и гродскому судам. В основном земский суд рассматривал гражданско-правовые иски. В его компетенцию входило также рассмотрение значительной части уголовных дел по обвинению шляхты. Из гражданских дел земскому суду не были подсудны только споры о границах между имениями феодалов, т. е. земельные споры, рассмотрением которых занимались подкоморские суды. Кроме судебных дел, земский суд производил нотариальные действия (свидетельствование гражданско-правовых сделок, оформление актов купли-продажи и залога имений), обеспечивал доказательства, принимал к записи в актовые книги жалобы на действия местной администрации.

Создание земских судов знаменовало собой важный этап в развитии судостроительства и права в феодальном обществе. Это были первые суды, полностью отделенные и независимые от местной администрации. Их возникновение стало возможным благодаря созданию обширного писаного права, что в свою очередь вызвало необходимость появления новой профессии — юриста.

Подкоморский суд. Судебные дела по спорам о границах землевладений феодалов находились в центре внимания как самих землевладельцев, так и государственных органов. Особенно много таких дел находилось в производстве господарского суда, который не в состоянии был их своевременно рассмотреть. В целях устранения трудностей в разрешении этих дел в 1566 г. был создан специальный межевой суд, названный подкоморским.

В этом суде земельные споры и вытекавшие из них имущественные требования разрешал один судья — подкоморый. Должность подкоморья считалась почетной и доходной, так как значительная часть судебных пошлин, вносимых сторонами, шла в доход судьи. По Статуту 1566 г. подкоморый назначался непосредственно государем. С 1588 г. четырех кандидатов на эту должность стали избирать на поветовых сеймиках, а затем одного из них государь утверждал в этой должности¹⁷. Такой порядок фактически не менял положения, так как в обоих случаях государь утверждал только того кандидата, которого рекомендовали ему паны-рада, поскольку и выборами на поветовом сеймике руководил крупнейший феодал данного повета, или воевода, либо староста. Но при втором способе назначения подкоморья создавалась видимость шляхетской демократии, что буржуазные историки права рассматривали как наличие демократии. Помощником подкоморья в измерении и установлении границ землевладений служил коморник, назначаемый подкоморьем.

Судопроизводство в подкоморском суде имело свою особенность: разбор дела производился на месте спорных границ землевладений. Здесь же подкоморый заслушивал объяснения сторон, опрашивал соседей, знакомился с письменными и иными доказательствами. При вынесении решения подкоморый указывал на местности границы землевладения и устанавливал межевые знаки.

В случае возникновения спора по поводу границы землевладений, расположенных в разных поветах, для его разрешения должны были съезжаться подкоморье этих поветов и совместно решать дело. При недостижении ими согласия каждый из них составлял свой проект решения и все дело направлялось на разрешение в главный суд. В главный суд могли подаваться жалобы сторон на решение подкоморского суда.

Создание подкоморских судов было вызвано укреплением права частной собственности феодалов на землю, их заинтересованностью в земле, так как могущество феодала определялось количеством феодально зависимых от него людей и размерами землевладений.

В качестве временных, чрезвычайных судов, действовавших в период бескоролья, в XVI в. создавались *каптуровые суды*. Причина их возникновения заключалась в следующем. Государь считался источником справедливости, и все суды действовали по его поручению, так как он наделал их частью своих правомочий. Поэтому при отсутствии государя должна была прерываться деятельность всех судов, но поскольку имелись дела, не терпящие отлагательства, то обычные суды необходимо было заменить иными. Такой заменой явились каптуровые суды.

В Белоруссии первые каптуровые суды были созданы по постановлению Виленского сейма от 29 января 1587 г.¹⁸ Согласно этому постановлению, все дела в повете во время бескоролья должны были рассматриваться в каптуровом суде. В этот суд входили все судьи всех судов данного повета: гродского, земского судов, и поветовый подкоморый. Отсутствие кого-либо из указанных лиц не являлось препятствием для рассмотрения дел в суде. Суд считался неправомочным рассматривать дела при условии, если из состава всех судей присутствовало менее пяти человек. Основной задачей каптурового суда было рассмотрение уголовных дел, связанных с нарушением общественной безопасности в период бескоролья, т. е. его деятельность была направлена в первую очередь на подавление всяких выступлений трудящихся.

Гражданские дела по искам между отдельными феодалами могли рассматриваться в «*полюбовном*» (*третейском*) суде, в котором сами стороны избирали себе судей. «Полюбовные» суды в период феодализма имели широкое распространение, потому что в них стороны не должны были платить огромных судебных пошлин и больше доверяли третейским судьям.

Решение, принятое «полюбовным» судом, при его неисполнении могло быть исполнено в принудительном порядке через земский суд¹⁹.

Суд и расправу над простыми людьми производили их господа и должностные лица местной администрации: наместники воевод, старост, державцев, тиуны, а в городах — войты и бурмистры. Вместе с тем в Белоруссии на протяжении XVI—XVII вв. продолжали действовать древние народные копные суды.

Копные суды состояли из жителей определенной местности, собиравшихся на совместные собрания (копы, купы) для рассмотрения судебных дел.

Копные суды возникли, по-видимому, еще в древнейшие времена язычества и просуществовали до XVIII в. Эти суды руководствовались нормами обычного права (копного права), которое не было закреплено в памятных писаного права. Судьями копного суда являлись копные мужи и копные старцы. Копные мужи и старцы — это в основном крестьяне-домохозяева, главы крестьянских хозяйств. Копное право не придерживалось сословного деления общества, характерного для феодализма, поэтому в некоторых актах копного суда шляхтич, боярин и простой крестьянин выступают как равноправные субъекты процессуального правоотношения. Это обстоятельство свидетельствует о том, что копные суды возникли и сложились в дофеодальный период.

Копный суд не имел постоянного состава судей. Количество судей зависело от величины копного округа, от числа лиц, имевших право и обязанных участвовать в суде, и от числа лиц, прибывших на рассмотрение того или иного спора. Чаще всего копных судей насчитывалось 15—30 человек, хотя и встречаются акты, в которых указано иное количество судей.

Территорию копного округа составляли его центр и окружающая местность в радиусе примерно 15—20 километров. Собрания копы происходили в определенных обычаях местах, чаще всего под открытым небом (под дубом, на опушке леса, около дороги).

На заседание копного суда должны были собираться все копные мужи данного округа или во всяком случае — представители каждой деревни. Кроме старцев и копных мужей на копе могли присутствовать и лица государственной администрации, в частности виж или возный, который свидетельствовал затем перед замковым (городским) судом о соблюдении на копе норм обычного и писаного права.

Характерной особенностью копного судопроизводства являлось то, что в нем имело место соединение в одном лице судебного и следственного органов. В функции копы входило проведение расследований по уголовным делам. Так, если было совершено преступление, тут же собиралась «горячая копа» из ближайших соседей и начинала преследование преступника. При обнаружении преступника с поличным эта же «горячая копа» его и судила. Следственные действия осуществлялись и на обычной копе, которая могла с целью обнаружения преступника собираться три раза.

Все решения копных судов, как правило, обжалованию не подлежали и приводились в исполнение немедленно. С усилением роли государственной администрации значение копных судов падает. Решения этих судов ставятся под контроль должностных лиц местной администрации. В XVI в. государственные органы не препятствовали деятельности копных судов. С середины же XVII в. копные суды стали разгоняться феодалами и представителями местной администрации.

Такое отношение органов местной администрации к копным судам объясняется тем, что в период восстаний и вооруженной борьбы народа против феодалов и феодального государства копные суды превращались в народные собрания, на которых население организовывалось для борьбы с феодалами и поддерживавшим их духовенством.

Войтовско-лавничьи и бурмистерские суды учреждались в городах для мещан сразу после получения городом грамоты на «майдеборское» право, и мещане изымались из юрисдикции воеводы, старосты или державцы.

Войтовско-лавничьи суды рассматривали наиболее важные уголовные и гражданские дела мещан данного города. Бурмистерские суды, как правило, занимались административными и мелкими судебными делами. Войтовско-лавничий суд мог действовать в качестве суда второй инстанции по отношению к бурмистерскому суду.

Должностные лица этих судов составляли городскую раду или магистрат данного города и могли действовать в полном составе как при решении вопросов управления городом, так и по судебным делам. В состав войтовско-лавничьего суда входили войт и лавники, количество которых в разных городах было разным (4—12 человек). В бурмистерском суде судили бурмистры (2—4 человека) и радцы — советники (6—20 человек).

Бурмистры, лавники и радцы участвовали в заседаниях поочередно и только при решении наиболее важных дел могли собираться все вместе. На решения и приговоры войтовско-лавничьих судов в наиболее крупных городах апелляционные жалобы могли подаваться в господарский суд, в небольших городах — воеводе или старосте, а в частновладельческих городах — владельцу города.

Деятельность всех судов была направлена на обеспечение льгот и преимуществ класса феодалов, на подчинение и угнетение простого народа. Существенные изменения, происходившие в сфере производства материальных благ и товарообмена, вызвали реорганизацию судебной системы. Появление новых судов в XVI в., не изменив феодальной сущности всей судебной системы, создало предпосылки более полного обеспечения правопорядка в государстве и защиты интересов лиц, участвующих в товарно-денежных отношениях. Анализ судебной системы позволяет сделать вывод, что она развивалась под воздействием изменений социально-экономического базиса, а не в силу заимствования иностранных порядков, как утверждали буржуазные историки права²⁰.

* * *

Правовое положение населения Белоруссии в XV—XVI вв. основывалось на феодальных производственных отношениях, вместе с тем феодализм как целостная система включал в себя и другие типы социальных связей и в первую очередь связей, базирующихся на правовой основе. Поэтому анализ источников права и всей правовой системы позволяет нам полнее вскрыть многообразие социальных отношений в феодальном обществе. Во-первых, это антагонистические отношения между феодалами и зависимыми крестьянами. Во-вторых, это отношения внутри господствующего сословия шляхты, отношения зависимости мелкой шляхты от крупных землевладельцев. В-третьих, это отношения внутри более или менее однородных социальных групп людей внутри волости, города, ремесленного цеха, церковного прихода и т. д.

Анализ правовой системы Великого княжества Литовского позволяет показать насильственный, узкокласовый характер феодальных государственных органов и суда, призванного служить орудием насилия над трудящимися. Особенно четко это выступает при исследовании норм уголовного и гражданского права.

Вместе с тем земское право Белоруссии и Литвы в XVI в. было более гуманным, чем во многих странах Западной Европы, и базировалось в основном на местном обычном и писаном праве, а не на заимствовании чужих норм. Обзор правовой системы позволяет нам сделать вывод о том, что уровень развития права и его систематизации в Белоруссии и Литве несколько не уступал правовым системам стран Западной Европы, а по многим правовым институтам значительно их опережал. Все это свидетельствует об ошибочности утверждений некоторых буржуазных историков и юристов, писавших об отсталости народов Восточной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

К введению

¹ См.: *Новосельцев А. П., Пашута В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма. М., 1972. С. 299.

² См.: *Юхо И. А.* Пра назву «Беларусь» // *Польмя.* 1968. № 1. С. 175—182.

³ См.: *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. Т. 2, вып. 1. Западная Русь и Литовско-Русское государство. М., 1939. С. 7.

⁴ *Довнар-Запольский М. В.* Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Т. 1. Киев, 1901. С. 84.

⁵ См.: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Очерки из истории литовско-русского права. Киев, 1889—1890; *Дашкевич Н.* Заметки по истории Литовско-Русского государства. Киев, 1885; *Лаппо И. И.* Литовско-русский совет и его сеймик. Юрьев, 1911; *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915.

⁶ См.: *Скарына Ф.* Прадмовы і пасляслоўі. Мінск, 1969. С. 95.

⁷ *Budny S.* O urzędzie miecza używajacem. Łosk, 1583.

⁸ *Volan A.* O wolności Rzeczypospolitej albo szlacheckiej. Wilno, 1606.

⁹ *Гусоўскі М.* Песня пра зубра. Мінск, 1973.

¹⁰ *Михалон Литвин.* О нравах татар, литовцев и москвитян // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. В. Колачевым. Кн. 2. М., 1854.

¹¹ Nowicki A. Pięć fragmentów z dzieła «De non existentia Dei» Kazimierza Łyszczynskiego // Euhemer, Przegląd religioznawczy. Warszawa, 1957. Z. 1. N 1 ; Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. Минск, 1962. С. 270—304.

¹² Canega J. И. Посвящение и предисловие к Статуту 1588 г. // Временник императорского московского общества истории и древностей российских. Кн. 19. М., 1854. С. V—VII, X—XII.

¹³ Czacki T. O litewskich i polskich prawach, o ich duchu, źródłach, związku i o rzeczach zawartych w pierwszym statucie dla Litwy, 1529 roku wydanym. T. 1, 2. Kraków, 1861.

¹⁴ Ibid. p. 12—53 ; Czacki T. Czy prawo rzymskie było zasadą praw litewskich i polskich? I czy z północnymi narodami mieliśmy wiele wspólnych praw i zwyczajów? Rozprawa czytana w Krzemieńcu na otwarciu roku szkolnego 1808 w gimnazjum Wołyńskim. Wilno, 1809 ; Dresner Tomasz (Thoma Dresnero Leopolitano). Similium juris poloni, cum jure romano centuria una. Parisiis, 1602 ; Bukowska K. Tomasz Dresner polski romanista XVII wieku i jego znaczenie dla nauki prawa w Polsce. Warszawa, 1960. S. 87.

¹⁵ Linde S. B. O statucie litewskim, ruskim językiem i drukiem wydanym. Warszawa, 1816.

¹⁶ Rakowiecki I. B. Prawda Ruska, czyli prawa wielkiego Księcia Jarosława. T. 1, 2. Warszawa, 1820—1822.

¹⁷ См.: Данилович И. Н. Взгляд на литовское законодательство и литовские статуты // Юридические записки, издаваемые П. Редкиным. Т. 1. М., 1841. С. 1—46 ; Daniłowicz I. Opisanie bibliograficzne dotąd znanych egzemplarzy statutu litewskiego, rękopiśmiennych i edycyji drukowanych, tak w ruskim oryginalnym, jako też polskim i łacińskim języku // Dzennik wileński. T. 1, 2. Wilno, 1823 ; Daniłowicz I. Kodeks Napoleona w porównaniu z prawami polskimi i litewskimi. Warszawa, 1905.

¹⁸ Korowicki A. Proces cywilny litewski. Wilno, 1826 ; Korowicki A. Proces graniczny. Wilno, 1827 ; Korowicki A. Porządek sądenia spraw w Rządzącym senacie i radzie państwa. Wilno, 1827 ; Korowicki A. Porządek sądowy kryminalny. Wilno, 1831.

¹⁹ Владимирский-Буданов М. Ф. Очерки из истории литовско-русского права. Киев, 1889—1890 ; Он же. Немецкое право в Польше и Литве. СПб., 1868 ; Он же. Население Юго-Западной России от половины XV в. до Люблинской унии. Киев, 1891.

²⁰ Демченко Г. В. Наказание по литовскому статуту. Киев, 1894.

²¹ Довнар-Запольский М. В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901 ; Он же. Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI в. Киев, 1905.

²² Ланно И. И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569—1586). СПб., 1901 ; Он же. Литовский статут 1588 г. Т. 1, 2. Каунас, 1934—1938.

²³ *Леонтович Ф. И.* Очерки истории литовско-русского права. СПб., 1894.

²⁴ *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм. М., 1901; *Он же.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута. М., 1892.

²⁵ *Максимейко Н. А.* Источники уголовных законов литовского статута. Киев, 1894; *Он же.* Русская Правда и литовско-русское право. Киев, 1904.

²⁶ *Малиновский И. А.* Учение о преступлении по литовскому статуту. Киев, 1894; *Он же.* Рада Великого княжества Литовского в связи с Боярской думой древней России. Томск, 1903—1912.

²⁷ *Ясинский М. Н.* Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства. Киев, 1889; *Он же.* Очерки по истории судоустройства в Литовско-Русском государстве. Главный литовский трибунал, его происхождение, организация и компетенция. Киев, 1901.

²⁸ *Adamus J.* Z zagadnień prawa litewskiego. Pamiętnik historyczno-prawny. Lwów, 1926.

²⁹ *Bardach J.* Studia z ustroju i prawa Wielkiego księstwa Litewskiego XIV—XVII w. Warszawa, 1970.

³⁰ *Wolf J.* Kniaziowie Litewsko-Ruscy od końca XIV wieku. Warszawa, 1895.

³¹ *Kutrzeba S.* Historia ustroju Polski w narzysie. Cz. 2. Litwa. Warszawa, 1914.

³² *Łowmiański H.* Studia nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego. T. 1, 2. Wilno, 1931—1932.

³³ *Пичета В. И.* Разработка истории литовско-белорусского права XV—XVI вв. в историографии // В. И. Пичета. Белоруссия и Литва XV—XVI вв. М., 1961; *Он же.* Юридическое положение сельского населения на частновладельческих землях ко времени издания литовского Статута 1529 г. // Там же.

³⁴ *Бурдзейко А.* Зямляўласьнік і зямляроб па літоўскаму Статуту 1566 г. // Працы Бел. Дзярж. ун-ту. Минск, 1927. № 14—15; 1928. № 21.

³⁵ *Дружчыц В. Д.* Палажэнне Літоўска-Беларускай дзяржавы пасля Люблінскай вуніі // Працы Бел. Дзярж. ун-ту. Минск, 1925. № 6, 7; *Ён жа.* Войты і іх улада ў беларускіх месцах з майдеборскім правам // «Запіскі адз. гум. нав.». Кн. 3. Працы клясы гіст. Т. 2. Минск, 1928.

³⁶ *Забела Т. И.* Месца Берасцейскае у XVI ст. // «Запіскі адз. гум. нав. Бел. АН». Кн. 8. Минск, 1929.

³⁷ *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. М., 1966; *Гісторыя Беларускай ССР.* Т. 1. Мінск, 1972; *Грицкевич А. П.* Частновладельческие города Белоруссии в XVI—XVIII вв. Минск, 1975; *Игнатенко А. П.* Ремесленное производство в городах Белоруссии в XVII—XVIII вв. Минск, 1963; *Козловский П. Г.* Крестьяне Белоруссии во второй половине XVII—XVIII вв. Минск, 1969; *Копыцкий З. Ю.* Экономическое развитие городов Белоруссии (XVI—XVII вв.). Минск, 1966; *Он же.* Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XVI — первой половине XVII в. Минск, 1975; *Пашуто В. Т.* Образование Литовского госу-

дарства. М., 1959 ; *Похилевич Д. Л.* Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв. Львов, 1957 ; *Улащик Н. Н.* Кобринская экономия после проведения волочной померы // Учен. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. Т. 15. М., 1957. С. 246—268.

³⁸ *Юшков С. В.* История государства и права СССР. Ч. 1. М., 1950. С. 184—206 ; История государства и права СССР. Ч. 1 / отв. ред. К. С. Софроненко. М., 1967. С. 238—265 ; История государства и права СССР. Ч. 1 / под ред. Г. С. Калинина и А. Ф. Гончарова. М., 1972. С. 237—250, 284—295.

³⁹ *Volumina legum.* Т. 1—8. Petersburg, 1859—1860.

⁴⁰ Белоруссия в эпоху феодализма (БЭФ). Сборник документов и материалов в 3-х т. Минск, 1959—1961.

⁴¹ *Беларускі архіў.* Т. 1—3. Мінск, 1927—1930.

⁴² *Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах.* Т. 1. IX—XVIII ст. / склад. : В. К. Шчарбакоў, К. І. Кернажыцкі, Д. І. Даўгяла. Мінск, 1936.

К главе I

¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 211.

² См.: *Довнар-Запольский М. В.* Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901.

³ См.: *Копыцкий З. Ю.* Экономическое развитие городов Белоруссии (XVI—XVII вв.). Минск, 1966. С. 91.

⁴ См.: Экономическая история БССР. Минск, 1969. С. 33.

⁵ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 30. С. 262—263.

⁶ См.: Статут Великого княжества Литовского (Статут) 1588 г., разд. 1, ст. 29, 31; разд. 3, ст. 36, 51; разд. 9, ст. 21.

⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 408.

⁸ См.: *Копыцкий З. Ю.* Экономическое развитие городов Белоруссии (XVI—XVII вв.). С. 24, 34.

⁹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. 2. С. 353.

¹⁰ *Zbior praw litewskich od roku 1389 do 1529.* Poznan, 1841. S. 92—95.

¹¹ Хроника Быховца. М., 1966. С. 79—80.

¹² ЦГИА БССР, ф. 1755, оп. 1, ед. хр. 8, л. 209, 231.

¹³ См.: *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм. М., 1901. С. 48.

¹⁴ Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском, составленная старостою мстибоговским Григорием Богдановичем Волловичем. Вильно, 1867. С. 285—286.

¹⁵ См.: Статут 1529 г., разд. 3, ст. 11 ; Статут 1566 г., разд. 3, ст. 16 ; Статут 1588 г., разд. 3, ст. 19 ; ЦГИА БССР, ф. 1741, оп. 1, ед. хр. 3, л. 748 ; ф. 1755, оп. 1, ед. хр. 6, л. 76—78.

¹⁶ См.: Статут 1588 г., разд. 12, ст. 7.

¹⁷ См.: Статут 1566 г., разд. 3, ст. 20 ; Статут 1588 г., разд. 3, ст. 20, 25.

¹⁸ См.: Статут 1566 г., разд. 3, ст. 7, 8 ; разд. 4, ст. 1, 19 ; Статут 1588 г., разд. 3, ст. 10, 11 ; разд. 4, ст. 1, 29 ; разд. 12, ст. 22, 23.

¹⁹ См.: Статут 1566 г., разд. 3, ст. 25.

²⁰ *Zbiór praw litewskich od roku 1389 do 1529*. S. 442—443.

²¹ *Данилович И.* Взгляд на литовское законодательство и литовские стату-ты // Юридические записки, издаваемые П. Редкиным. Т. 1. М., 1841. С. 9.

²² *Дашкевич Н.* Заметки по истории Литовско-Русского государства. Киев, 1885. С. 115—116.

²³ *Czacki T.* O litewskich i polskich prawach, o ich duchu, źródłach, związku i o rzeczach zawartych w pierwszym statucie dla Litwy 1529 roku wydanym. Т. 1, 2. Kraków, 1861. S. 279.

²⁴ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Немецкое право в Польше и Литве. СПб., 1868. С. 6—7.

²⁵ *Любаевский М. К.* Литовско-русский сейм. С. 429.

²⁶ См.: Статут 1588 г., разд. 12, ст. 13.

²⁷ См.: БЭФ. Т. 1. Минск, 1959. С. 191—193.

²⁸ См.: Статут 1588 г., разд. 12, ст. 12.

²⁹ Там же, ст. 11, 19—21.

³⁰ Русская историческая библиотека (РИБ). Т. 27. СПб., 1910. С. 436, 540, 632, 738, 850, 814—817 ; Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств. Вильно, 1884. С. 62, 328, 331, 407, 503 и др.

³¹ См.: БЭФ. С. 191—193.

³² См.: Статут 1588 г., разд. 3, ст. 37. См. также: Областные привилеи (грамоты) Полоцкой, Витебской, Смоленской и Мстиславской землям // Акты Западной России (АЗР). Т. 1. СПб., 1846. № 204, 213 ; Т. 2, 1848. № 70 ; БЭФ. С. 197, 212.

³³ АЗР. Т. 2. № 203.

³⁴ См.: БЭФ. С. 188—189.

³⁵ См.: Статут 1588 г., разд. 12, ст. 1—5.

³⁶ *Zywot Lwa Sapiehy*. Sanok, 1855. S. 103.

³⁷ См.: *Шафарик П. И.* Славянские древности. Т. 2. Кн. 1. М., 1848. С. 192—229.

³⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 50.

³⁹ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Немецкое право в Польше и Литве. С. 6—7.

⁴⁰ *Хрэстаматыя па гісторыі беларускай мовы*. Ч. 1. Мінск, 1961. С. 47, 53.

⁴¹ БЭФ. С. 259.

⁴² См.: *Хрэстаматыя па гісторыі беларускай мовы*. С. 56.

⁴³ АЗР. Т. 2. № 13. С. 11.

⁴⁴ См.: Статут 1588 г., разд. 3, ст. 26.

⁴⁵ См.: Архив юго-западной России. Ч. 5. Т. 1. Киев, 1869. С. 57—59.

⁴⁶ *Бершадский С. А.* Литовские евреи. СПб., 1883. С. 249.

⁴⁷ *Копыцкий З. Ю.* Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XVI — первой половине XVII в. Минск, 1975. С. 73.

⁴⁸ Послания Гедимины. Вильнюс, 1966. С. 194.

⁴⁹ См.: Статут 1588 г., разд. 11, ст. 49.

⁵⁰ См.: Статут 1588 г., разд. 12, ст. 6.

К главе II

¹ См.: *Копыцкий З. Ю.* Экономическое развитие городов Белоруссии (XVI—XVII вв.). Минск, 1966 ; *Он же.* Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XVI — первой половине XVII в. Минск, 1975.

² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 37. С. 418.

³ *Скарына Ф.* Прадмовы і пасляслоўі. Минск, 1969. С. 95.

⁴ Статут 1588 г. Посвящение // *Временник императорского московского общества истории и древностей российских.* Кн. 19. М., 1854. С. V—VII.

⁵ *Groicki B.* Porządek sądów i spraw miejskich prawa majdeburskiego w koronie Polskiej. Warszawa, 1953. S. 25.

⁶ См.: *Смирнов М. П.* Ягелло Яков Владислав и первое соединение Литвы с Польшей. Одесса, 1868.

⁷ См.: БЭФ. Т. 1. Минск, 1959. С. 101—102.

⁸ *Skarbiec dyplomatów.* Т. 1. Wilno, 1860. N 540.

⁹ *Хрэстаматэя па гісторыі беларускай мовы.* Ч. 1. Мінск, 1961. С. 49—52.

¹⁰ См.: *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915. С. 318—323 ; БЭФ. С. 115—118.

¹¹ *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. Т. 2. М., 1939. С. 95.

¹² *Дашкевич Н.* Заметки по истории Литовско-Русского государства. Киев, 1885. С. 133—134.

¹³ *Пичета В. И.* Литовско-польские унии и отношение к ним литовско-русской шляхты // В. И. Пичета. Белоруссия и Литва (XV—XVI вв.). М., 1961. С. 529.

¹⁴ См.: *Дневник Люблинского сейма 1569 г.* СПб., 1869. С. 681.

¹⁵ *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. С. 191.

¹⁶ См.: *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. С. 97.

¹⁷ См.: *Хроника Быховца.* М., 1966. С. 80.

¹⁸ *Покровский М. Н.* Избранные произведения. Кн. 1. М., 1966. С. 457.

¹⁹ См.: *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. С. 328—334 ; *Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах.* Т. 1. Мінск, 1936. С. 220—225.

²⁰ См.: *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства. С. 334—336.

- ²¹ См.: Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. 2. СПб., 1865. № 146.
- ²² *Kutrzeba S., Semkowicz W.* Akta unji Polski z Litwą. Kraków, 1932. N 95.
- ²³ См.: *Якубовский И. В.* Земские привилегии Великого княжества Литовского // ЖМНП. 1903. № 6. С. 270 ; *Ясинский М. Н.* Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства. Киев, 1889. С. 53, 56.
- ²⁴ См.: Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2. С. 135—141.
- ²⁵ См.: *Якубовский И. В.* Земские привилегии... С. 296.
- ²⁶ АЗР. Т. 1. СПб., 1846. № 213. С. 359—362.
- ²⁷ АЗР. Т. 2. 1848. № 70. С. 89.
- ²⁸ Там же. С. 87.
- ²⁹ Цит. по: *Довнар-Запольский М. В.* Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI в. Киев, 1905. Приложение. № 14. С. 33—37.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ См.: БЭФ. С. 188—189.
- ³² АЗР. Т. 2. № 203.
- ³³ *Довнар-Запольский М. В.* Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI в. Приложение. С. 52—53.
- ³⁴ БЭФ. С. 197.
- ³⁵ Там же. С. 210.
- ³⁶ АЗР. 1848. Т. 3. № 125.
- ³⁷ *Kutrzeba S.* Historia źródeł dawnego prawa polskiego. Lwów, 1926. S. 72.
- ³⁸ См.: Очерки философской и социологической мысли Белоруссии. Минск, 1973.
- ³⁹ *Дашкевич Н.* Заметки по истории Литовско-Русского государства. С. 163.
- ⁴⁰ ЦГИА БССР, ф. 1755, оп. 1, ед. хр. 4, л. 344 (оборот)—346.
- ⁴¹ *Лаппо И. И.* Литовский статут 1588 г. Т. 1. Ч. 1. Каунас, 1934. С. 407, 421.
- ⁴² Статут 1588 г. // Временник императорского московского общества истории и древностей российских. Кн. 19. С. VI.
- ⁴³ Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов (АВАК). Т. 8. Вильно, 1875. С. 262.
- ⁴⁴ См.: *Лаппо И. И.* Литовский статут в московском переводе-редакции. Юрьев, 1916.
- ⁴⁵ См.: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Пг. ; Киев, 1915. С. 223 ; *Он же.* Уложение и литовский статут // Сборник государственных знаний. Т. 4. 1877.
- ⁴⁶ См.: *Латкин В. Н.* Лекции по внешней истории русского права. СПб., 1890. С. 123—124.
- ⁴⁷ См.: *Рене Давид.* Основные правовые системы современности. М., 1967. С. 81—84.
- ⁴⁸ РИБ. Т. 33. СПб., 1915. С. 7.

⁴⁹ Статут 1566 г. Приложение. С. 12.

⁵⁰ См.: Документы московского архива министерства юстиции. М., 1897. С. 185—186; *Лаппо И. И.* Литовско-русский повет и его сеймик. Юрьев, 1911. С. 165.

⁵¹ Статут 1588 г., разд. 3, ст. 6.

⁵² АЗР. Т. 2. № 165. С. 211.

К главе III

¹ БЭФ. Т. 1. Минск, 1959. С. 124—127.

² См.: Статут 1566 г., разд. 1, ст. 3; Статут 1588 г., разд. 1, ст. 3.

³ См.: Статут 1566 г., разд. 14, ст. 6; Статут 1588 г., разд. 14, ст. 2, 9.

⁴ См.: Холмская Русь. СПб., 1887. С. 82.

⁵ Статут 1588 г., разд. 1, ст. 4.

⁶ Там же, разд. 11, ст. 15.

⁷ Там же, ст. 23.

⁸ Там же, ст. 29.

⁹ Там же, ст. 39.

¹⁰ См.: Статут 1588 г., разд. 12, ст. 1.

¹¹ См.: Кардинальные права 1768 г. // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М., 1961. С. 785.

¹² См.: Статут 1588 г., разд. 11, ст. 10.

¹³ Там же, ст. 53.

¹⁴ См.: Статут 1566 г., разд. 11, ст. 29.

¹⁵ См.: Статут 1588 г., разд. 11, ст. 19—22.

¹⁶ Статут 1529 г., разд. 12, ст. 13.

¹⁷ См.: Статут 1566 г., разд. 1, ст. 3; Статут 1588 г., разд. 1, ст. 3.

¹⁸ См.: Статут 1566 г., разд. 4, ст. 39.

¹⁹ Там же, разд. 11, ст. 11.

²⁰ Статут 1588 г., разд. 11, ст. 38.

²¹ Там же, ст. 35.

²² См.: Статут 1529 г., разд. 7, ст. 18.

²³ См.: Привилей евреям 1388 г. // АЗР. Т. 1. СПб., 1846. № 9. С. 25; Статут 1566 г., разд. 14, ст. 6.

²⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 8. С. 530.

²⁵ См.: Статут 1588 г., разд. 11, ст. 27.

²⁶ Там же, разд. 14, ст. 11.

²⁷ Там же, разд. 2, ст. 6; разд. 3, ст. 28.

²⁸ Там же, разд. 12, ст. 24.

²⁹ Там же, разд. 11, ст. 7, 15.

³⁰ АВАК. Т. 15. 1888. № 83.

- ³¹ См.: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. СПб. ; Киев, 1915. С. 513.
- ³² ЦГИА БССР, ф. 1755, оп. 1, ед. хр. 8, л. 231—232.
- ³³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 730
- ³⁴ Там же. Т. 1. С. 347.
- ³⁵ РИБ. Т. 27. СПб., 1910. С. 375—376.
- ³⁶ Там же. С. 436.
- ³⁷ Там же. С. 814—817.
- ³⁸ См.: Акты Литовско-Русского государства, изданные М. В. Довнар-Запольским. М., 1899. № 132.
- ³⁹ Статут 1529 г., разд. 1, ст. 15.
- ⁴⁰ Там же, разд. 8, ст. 14 ; Статут 1566 г., разд. 9, ст. 14.
- ⁴¹ АЗР. Т. 2. СПб., 1848. № 70.
- ⁴² См.: Статут 1588 г., разд. 7, ст. 8.
- ⁴³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. С. 383.
- ⁴⁴ Статут 1566 г., разд. 5, ст. 2 ; Статут 1588 г., разд. 5, ст. 19 ; ЦГИА БССР, ф. 1755, оп. 1, ед. хр. 4, л. 285 (оборот) ; ед. хр. 6, л. 147—152.
- ⁴⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 27. С. 402.
- ⁴⁶ Хроника Быховца. М., 1966. С. 75—76.
- ⁴⁷ Статут 1566 г., разд. 5, ст. 1.
- ⁴⁸ См.: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Очерки из истории литовско-русского права. Черты семейной права западной России в половине XVI века. Киев, 1890. С. 59 ; *Левичкий О. І.* Невінчані шлюби на Україні в XVI—XVII ст. // Зап. Укр. наук. тов. в Київі. Кн. 3. Киев, 1908.
- ⁴⁹ См.: Статут 1529 г., разд. 3, ст. 12 ; Статут 1566 г., разд. 3, ст. 23.
- ⁵⁰ ЦГИА БССР, ф. 1755, оп. 1, ед. хр. 9, л. 596—602.
- ⁵¹ См.: АЗР. Т. 3. 1848. № 8. С. 20.
- ⁵² См.: АЗР. Т. 1. 1846. С. 191 ; РИБ. Т. 27. С. 747.
- ⁵³ АЗР. Т. 3. № 8. С. 116.
- ⁵⁴ Цит. по: Архив юго-западной России. Ч. 8. Т. 3. Киев, 1909. С. 46.
- ⁵⁵ См.: Статут 1566 г., разд. 5, ст. 8.
- ⁵⁶ См.: АЗР. Т. 1. № 213. С. 362.
- ⁵⁷ АВАК. Т. 17. 1888. № 30. С. 11 ; ЦГИА БССР, ф. 1755, оп. 1, ед. хр. 1, л. 4.
- ⁵⁸ ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 1, ед. хр. 161, л. 31 ; ед. хр. 165, л. 1 ; ф. 1741, оп. 1, ед. хр. 1, л. 36 ; ф. 1755, оп. 1, ед. хр. 3, л. 28, 54, 55, 72, 110 ; ед. хр. 4, л. 100, 178, 181, 191 и др.
- ⁵⁹ БЭФ. С. 123.
- ⁶⁰ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Спб. ; Киев, 1915. С. 451.
- ⁶¹ БЭФ. С. 128.
- ⁶² См.: Статут 1529 г., разд. 1, ст. 4 ; разд. 5, ст. 11 ; разд. 13, ст. 12 ; Статут 1566 г., разд. 1, ст. 3, 7 ; разд. 3, ст. 14, 32 ; разд. 5, ст. 2, 6.
- ⁶³ См.: Статут 1566 г., разд. 6, ст. 2.

- ⁶⁴ См.: Статут 1588 г., разд. 5, ст. 21.
- ⁶⁵ ЦГИА БССР, ф. 1711, оп. 1, ед. хр. 186, л. 1; ф. 1755, оп. 1, ед. хр. 3, л. 54, 55, 72, 110; ед. хр. 4, л. 81, 100, 178, 247, 253, 266, 273, 289 и др.
- ⁶⁶ АВАК. Т. 17. № 992. С. 413—414; ЦГИА БССР, ф. 1755, оп. 1, ед. хр. 10, л. 918—920.
- ⁶⁷ См.: Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном витебском архиве. Витебск, 1876. Вып. 7. С. 368; 1877. Вып. 8. С. 274, 294—296, 345—347, 375 и др.
- ⁶⁸ АЗР. Т. 3. № 2. С. 1, 2.
- ⁶⁹ *Левицкий О. И.* Акты о брачном праве и семейном быте в Юго-Западной Руси в XVI—XVII вв. Предисловие // Архив юго-западной России. Ч. 8. Т. 3. Киев, 1909. С. 2—3.
- ⁷⁰ *Леонтович Ф. И.* Источники русско-литовского права. Варшава, 1894.
- ⁷¹ *Левицкий О. И.* Акты о брачном праве и семейном быте в Юго-Западной Руси в XVI—XVII вв. Предисловие // Архив юго-западной России. С. 2—3.
- ⁷² *Bardach J.* Studia z ustroju i prawa Wielkiego księstwa Litewskiego XIV—XVII w. Warszawa, 1970. S. 261—315; *Czasopismo Prawno-histeryczne.* Т. 15. Cz. 1. Poznań, 1963. S. 85—147.
- ⁷³ *Kopyski Z.* Recenzja na artykuł J. Bardacha «Swiecki charakter zwyczojowego prawa małżeńskiego ludności ruskiej Wielkiego księstwa Litewskiego» // *Acta Baltico-slavica.* N 5. Białystok, 1967. S. 364—367.
- ⁷⁴ См.: Статут 1588 г., разд. 6, ст. 3.
- ⁷⁵ Там же, ст. 8.

К главе IV

- ¹ См.: АЗР. Т. 3. СПб., 1848. № 11.
- ² См.: БЭФ. Т. 1. Минск, 1959. С. 196.
- ³ См.: Статут 1529 г., разд. 6, ст. 5, 6.
- ⁴ См.: АЗР. Т. 2, 1848. № 222.
- ⁵ См.: Статут 1566 г., разд. 1, ст. 4, 9; разд. 3, ст. 8; разд. 4, ст. 18, 45; Статут 1588 г., разд. 1, ст. 4, 14; разд. 3, ст. 11, 32; разд. 4, ст. 83.
- ⁶ См.: Статут 1566 г., разд. 4, ст. 18; Статут 1588 г., разд. 4, ст. 28.
- ⁷ Statut Wielkiego księstwa Litewskiego. Wilno, 1786. S. 22—23.
- ⁸ См.: Статут 1588 г., разд. 3, ст. 32.
- ⁹ Там же, ст. 11.
- ¹⁰ БЭФ. Т. 1. Минск, 1959. С. 159.
- ¹¹ АЗР. Т. 1. № 175, 204.
- ¹² См.: Статут 1529 г., разд. 6, ст. 3; Статут 1566 г., разд. 4, ст. 21; Статут 1588 г., разд. 4, ст. 37.
- ¹³ См.: Статут 1588 г., разд. 4, ст. 30.

¹⁴ См.: АЗР. Т. 3. № 11.

¹⁵ См.: Статут 1566 г., разд. 4, ст. 1 ; Статут 1588 г., разд. 4, ст. 1.

¹⁶ ЦГИА БССР, ф. 1741, оп. 1, ед. хр. 2.

¹⁷ См.: Статут 1566 г., разд. 4, ст. 70 ; Статут 1588 г., разд. 9, ст. 1.

¹⁸ См.: АВАК. Т. 3. 1870. С. 310.

¹⁹ См.: Статут 1566 г., разд. 4, ст. 60 ; Статут 1588 г., разд. 4, ст. 85.

²⁰ См.: *Ланно И. И.* Земский суд в Великом княжестве Литовском в конце XIV в. СПб., 1897 ; *Он же.* Подкоморский суд в Великом княжестве Литовском в конце XVI и начале XVII в. СПб., 1899 ; *Леонтович Ф. И.* Суд господарей и их советников в Великом княжестве Литовском до и после Люблинской унии // ЖМЮ. 1909. № 6 ; 1910. № 2 ; *Он же.* Областные суды в Великом княжестве Литовском // ЖМЮ. 1910. № 10, 11 ; *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута. М., 1892.

БІБЛІЯГРАФІЯ ПУБЛІКАЦЫЙ ПРАФЕСАРА І. А. ЮХО*

МАНАГРАФІІ, ВЫДАННІ, ПАДРЫХТАВАННЯ Ў СААЎТАРСТВЕ, ЧАСТКІ Ў КАЛЕКТЫЎНЫХ МАНАГРАФІЯХ

1. *Юхо, И. А.* Законодательные акты об административных штрафах : сб. документов / И. А. Юхо, Н. А. Столяр, Л. И. Козляк ; Юрид. комиссия при Совете Министров Белорусской ССР. Минск : Беларусь, 1964. 219 с.
2. *Юхо, Я. А.* Уз'яднанне беларускага народа ў адзінай Савецкай дзяржаве — завяршаючы этап тэрытарыяльнай кансалідацыі беларускай сацыялістычнай нацыі / Я. А. Юхо // Фарміраванне і развіццё беларускай сацыялістычнай нацыі / З. У. Доктараў [і інш.] ; рэдкал. : П. Ф. Глебка [і інш.] ; Акад. навук БССР, Ін-т філасофіі. Мінск : АН БССР, 1958. С. 129—143.
3. *Галаўко, А. А.* Мясцовыя Саветы — арганізатары калгаснай вытворчасці : з вопыту работы мясцовых Саветаў Беларусі (1953—1956 гг.) / А. А. Галаўко, Я. А. Юхо. Мінск. : Дзяржвыд. БССР, 1957. 135 с.
4. *Юхо, И. А.* Установление советской власти в западных областях Белоруссии и воссоединение белорусского народа в едином советском социалистическом государстве / И. А. Юхо // Очерки истории государства и права БССР / редкол. : Б. Е. Бабицкий [и др.] ; И. А. Юхо (отв. ред.). Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1969. Вып. 2. Гл. 2. С. 71—97.
5. *Юхо, И. А.* Гражданское процессуальное право / И. А. Юхо // Очерки истории государства и права БССР / редкол. : Б. Е. Бабицкий [и др.] ; И. А. Юхо (отв. ред.). Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1969. Вып. 2. Гл. 6. С. 308—312.
6. *Юхо, И. А.* Законодательные акты / И. А. Юхо, С. Ф. Сокол // Очерки истории философской и социологической мысли Белоруссии (до 1917 г.) / Акад. наук БССР, Ин-т философии и права ; ред-

* Складальнікі: *Л. Л. Голубева, А. А. Пенязь, Ю. С. Тулейка, А. У. Шылінская.*

- кол. : К. П. Буслов (гл. ред.) [и др.]. Минск : Наука и техника, 1973. Гл. 2. С. 85—89.
7. *Юхо, И. А.* Социально-политические и правовые идеи / И. А. Юхо, С. Ф. Сокол // Очерки истории философской и социологической мысли Белоруссии (до 1917 г.) / Акад. наук БССР, Ин-т философии и права ; редкол. : К. П. Буслов (гл. ред.) [и др.]. Минск : Наука и техника, 1973. Гл. 2. С. 73—85.
 8. *Юхо, И. А.* Правовое положение населения Белоруссии в XVI веке / И. А. Юхо. Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1978. 144 с.
 9. *Юхо, Я. А.* За вольнасць нашу і вашу : Тадэвуш Касцюшка / Я. А. Юхо. Мінск : Навука і тэхніка, 1990. 52 с.
 10. *Юхо, Я. А.* Крыніцы беларуска-літоўскага права / Я. А. Юхо ; пад рэд. Т. Ф. Есіпенкі. Мінск : Беларусь, 1991. 238 с.
 11. *Юхо, Я. А.* «Нарадзіўся я ліцьвінам...» : Тадэвуш Касцюшка / Я. А. Юхо, У. Емяльянчык. Мінск : Навука і тэхніка, 1994. 68 с.
 12. *Юхо, Я.* Наш нацыянальны герой [Т. Касцюшка, 1745—1817] / Я. Юхо // Сыны і пасынкi Беларусі : зб. нарысаў / С. В. Барыс [і інш.]; уклад. С. В. Барыс. Мінск : Полымя, 1996. С. 95—134.
 13. *Юхо, И. А.* Правовая культура [XII—XIX вв.] / И. А. Юхо // Очерки истории науки и культуры Беларуси [IX — начало XX в.]. Минск, 1996. С. 129—145.
 14. *Юхо, Я. А.* Гістарыяграфія гісторыі дзяржавы і права феадальнай Беларусі [XII—XX стст.] / Я. А. Юхо ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі і права, Беларус. недзярж. ін-т правазнаўства. Мінск : Право и экономика, 1999. Ч. 1 : Дзяржаўнасць і права Беларусі са старажытных часоў да канца XVI стагоддзя. 99 с.
 15. *Юхо, И. А.* История юридической науки Беларуси / И. А. Юхо ; Беларус. негос. ин-т правоведения. Минск : НО ООО «БИП-С», 2000. 95 с.
 16. *Доўнар, Т. І.* Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т. І. Доўнар, У. М. Сатолін, Я. А. Юхо ; рэдкал. : Т. І. Доўнар [і інш.]. Мінск : Тэсей, 2003. 250 с.
 17. Гістарычны шлях беларускай нацыі і дзяржавы = The history of the belarusian Nation and State / М. Біч [і інш.]; рэдкал. : У. Арлоў [і інш.]; пер. на англ. А. Бурсава. Мінск : Выдавец Зміцер Колас, 2005. 440 с.
 18. Гістарычны шлях беларускай нацыі і дзяржавы = The history of the belarusian Nation and State / М. Біч [і інш.]; рэдкал. : У. Арлоў [і інш.]; пер. на англ. А. Бурсава. Мінск : Медисонт, 2006. 440 с.

**ПАДРУЧНІКІ, НАВУЧАЛЬНЫЯ ДАПАМОЖНІКІ
І ВУЧЭБНА-МЕТАДЫЧНЫЯ ПРАЦЫ І МАТЭРЫЯЛЫ**

19. *Юхо, И. А.* Программа по истории государства и права БССР / И. А. Юхо, Б. Е. Бабицкий. Минск : Выш. шк., 1964. 17 с.
20. *Юхо, И. А.* Общественно-политический строй и право Литовского государства (XIII—XVI вв.) / И. А. Юхо // История государства и права СССР : учеб. для студентов юрид. вузов и фак. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова ; К. А. Сафроненко (отв. ред.) [и др.]. М. : Юрид. лит., 1967. Ч. 1, гл. 10. С. 238—265.
21. *Юхо, И. А.* Воссоединение белорусского народа в едином государстве / И. А. Юхо // История государства и права Белорусской ССР : в 2 т. / редкол. : С. П. Маргунский, И. В. Шабанов, И. И. Потеружа. Минск : Наука и техника, 1973. Т. 2 : 1937—1970 гг. Гл. 1. С. 17—35.
22. *Юхо, И. А.* Воссоединение белорусского народа в едином государстве / И. А. Юхо // История государства и права Белорусской ССР : в 2 т. / Акад. наук БССР, Ин-т философии и права ; редкол. : С. П. Маргунский [и др.]. Минск : Наука и техника, 1976. Т. 2 : 1937—1975 гг. Гл. 1. С. 16—29.
23. *Юхо, И. А.* История гражданского процессуального права Белоруссии / И. А. Юхо // Гражданский процесс БССР : учеб. пособие для юрид. вузов : в 4 ч. / авт. кол. : Т. А. Белова [и др.] ; под ред. Н. Г. Юркевича, В. Г. Тихини. Минск : Выш. шк., 1979. Ч. 1, гл. 2. С. 28—38.
24. *Юхо, И. А.* Великое княжество Литовское (XIII в.—1569 г.) / И. А. Юхо // История государства и права СССР : учеб. для вузов по спец. «Правоведение» : в 2 ч. / Ф. Н. Ахмедов [и др.] ; под ред. О. И. Чистякова, И. Д. Мартысевича. М. : Изд-во МГУ, 1985. Ч. 1, гл. 9. С. 111—119.
25. *Довнар, Т. И.* Методические указания по выполнению контрольных работ и планы семинарских занятий по Истории государства и права БССР / Т. И. Довнар, И. А. Юхо. Минск : БГУ им. В. И. Ленина, 1988. 13 с.
26. *Юхо, И. А.* Методические рекомендации по истории Компартии Белоруссии и государства и права республики / И. А. Юхо, Т. И. Довнар, Л. П. Максимова. Минск : БГУ им. В. И. Ленина, 1989. 73 с.
27. *Юхо, Я. А.* Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі : вучэб. дапам. / Я. А. Юхо. Мінск : Універсітэцкае, 1992. 270 с.

28. *Юхо, И. А.* Великое княжество Литовское (XIII в.—1569 г.) / И. А. Юхо // История отечественного государства и права : учеб. для студентов вузов, обучающихся по спец. «Правоведение» / В. В. Абашмадзе [и др.] ; под ред. О. И. Чистякова. 2-е изд., перераб. М. : Изд-во МГУ, 1992. Ч. 1, гл. 9. С. 135—145.
29. Учебное пособие по истории государства и права Республики Беларусь / Союз юристов Респ. Беларусь, Белорус. ин-т правоведения, Каф. конституц. и фин. права ; авт.-сост. : И. А. Юхо, Л. К. Сокол. Минск : Выш. шк., 1994. Ч. 1. 83 с.
30. Учебное пособие по истории государства и права Республики Беларусь [1930—1945 гг.] / Белорус. негос. ин-т правоведения, Каф. конституц. и фин. права ; авт.-сост. : И. А. Юхо, Л. К. Сокол. Минск : Выш. шк., 1995. Ч. 2. 67 с.
31. *Юхо, И. А.* Великое княжество Литовское (XIII в.—1569 г.) / И. А. Юхо // История отечественного государства и права СССР : учебник / В. В. Абашмадзе [и др.] ; под ред. О. И. Чистякова, И. Д. Мартысевича. М. : Изд-во БЕК, 1996. Ч. 1, гл. 9. С. 131—140.
32. *Юхо, Я.* З гісторыі дзяржаўнасці / Я. Юхо // Беларусазнаўства : навуч. дапам. / пад рэд. П. Брыгадзіна. Мінск : Завігар, 1997. Раздз. III. С. 40—53.
33. *Юхо, Я.* З гісторыі дзяржаўнасці / Я. Юхо // Беларусазнаўства : навуч. дапам. / П. Брыгадзін [і інш.] ; пад рэд. П. Брыгадзіна ; Беларус. дзярж. ун-т. Мінск : Завігар, 1998. Раздз. III. С. 40—53.
34. *Юхо, Я. А.* Вучэбны дапаможнік па гісторыі дзяржавы і права Рэспублікі Беларусь : [1946—1985 гг.] : у 3 ч. / Я. А. Юхо, Л. К. Сокол ; Беларус. недзярж. ін-т правазнаўства, Каф. тэорыі і гісторыі права. Мінск : НА ТАА «БІП-С». 1998. Ч. 3. 100 с.
35. *Вішнеўскі, А. Ф.* Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах : (Са старажытных часоў да нашых дзён) : вучэб. дапам. / А. Ф. Вішнеўскі, Я. А. Юхо ; пад агул. рэд. А. Ф. Вішнеўскага ; М-ва ўнутр. спраў Беларусі, Акад. МУС. Мінск : Акад. МУС Рэсп. Беларусь, 1998. 310 с.
36. *Круталевіч, В. А.* Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (1917—1945 гг.) : вучэб. дапам. для студэнтаў юрыд. і гіст. спец. ВНУ / В. А. Круталевіч, Я. А. Юхо. Мінск : Беларус. навука, 1998. 237 с.
37. *Круталевіч, В. А.* Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (1917—1945 гг.) : вучэб. дапам. для студэнтаў юрыд. і гіст. спец. ВНУ / В. А. Круталевіч, Я. А. Юхо. 2-е выд. Мінск : Беларус. навука, 2000. 237 с.

38. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : вучэб. праграма для ВНУ / склад. : Т. І. Доўнар, Я. А. Юхо. Мінск : БДУ, 2000. 23 с.
39. Юхо, Я. Дагаворы і граматы як крыніцы беларускага феадальнага права : дапам. для студэнтаў юрыд. фак. / Я. Юхо [і інш.] ; Беларус. дзярж. ун-т ; Каф. тэорыі і гісторыі дзяржавы і права. Мінск : БДУ, 2000. 127 с.
40. Юхо, І. А. Праграма па гісторыі дзяржавы і права Беларусі : для студэнтаў юрыд. фак. / І. А. Юхо, Т. І. Доўнар. Мінск : БДУ, 2000. 22 с.
41. Юхо, Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : вучэб. дапам. : у 2 ч. / Я. А. Юхо. Мінск : РІВШ БДУ, 2000. Ч. 1. 352 с.
42. Юхо, И. А. Великое княжество Литовское (XIII—XVI вв.) / И. А. Юхо // История отечественного государства и права. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Изд-во МГУ, 2001. Ч. 1. С. 127—140.
43. Васілевіч, Р. А. Гісторыя канстытуцыйнага права Беларусі / Р. А. Васілевіч, Т. І. Доўнар, І. А. Юхо ; рэдкал. : В. М. Гадуноў [і інш.]. Мінск : ВТАА «Право и экономика», 2001. 363 с.
44. Юхо, Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : дапаможнік : у 2 ч. / Я. А. Юхо. Мінск : РІВШ БДУ, 2003. Ч. 2. 275 с.
45. Вішнеўскі, А. Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах са старажытных часоў да нашых дзён : вучэб. дапам. / А. Ф. Вішнеўскі, Я. А. Юхо ; пад агул. рэд. А. Ф. Вішнеўскага ; М-ва ўнутр. спраў Беларусі, Акад. МУС. 2-е выд. Мінск : Акад. МУС Рэсп. Беларусь, 2003. 320 с.
46. Юхо, І. А. Гісторыя дзяржавы і права Рэспублікі Беларусь : паслякастрычніцкі перыяд : вучэб. дапам. / І. А. Юхо, Л. К. Сокал ; Беларус. ін-т правазнаўства. Мінск : НА ТАА «БПІ-С», 2004. 139 с.

АРТЫКУЛЫ ў ЧАСОПСАХ

47. Юхо, І. Хто складаў Літоўскі Статут / І. Юхо // Беларусь. 1958. № 3. С. 31.
48. Карпик, В. С. К проекту Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик / В. С. Карпик, И. А. Юхо // Сов. гос-во и право. 1961. № 3. С. 116—117.
49. Юхо, И. А. Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и ГПК союзных республик / И. А. Юхо // Соц. законность. 1962. № 7. С. 38—43.
50. Юхо, І. 3 гісторыі права / І. Юхо // Беларусь. 1966. № 5. С. 28.

51. *Юхо, Я. А.* Статуты Вялікага княства Літоўскага / Я. А. Юхо // Польшча. 1966. № 11. С. 125—137.
52. *Юхо, И. А.* Гражданский процессуальный кодекс Польской Народной республики / И. А. Юхо, С. Курылев // Сов. юстиция. 1967. № 1. С. 27—28.
53. *Юхо, І.* Грамадскія і прававыя погляды Скарыны / І. Юхо // Польшча. 1967. № 6. С. 175—180.
54. *Юхо, І. А.* Уладзімір Пічэта / І. А. Юхо // Польшча. 1967. № 5. С. 251—252.
55. *Юхо, Я.* Беларусь у новай польскай энцыклапедыі / Я. Юхо // Польшча. 1968. № 4. С. 177—180.
56. *Юхо, Я.* Пра назву «Беларусь» / Я. Юхо // Польшча. 1968. № 1. С. 175—182.
57. *Александровіч, Я.* Міхайла Цішкевіч (Міхалон Літвін) «Аб нормах татар, літоўцаў і масквіцян» / Я. Александровіч, Я. А. Юхо // Польшча. 1968. № 4. С. 251—252.
58. *Юхо, Я. А.* Развіццё юрыдычнай навукі ў Беларускім дзяржаўным універсітэце [1926—1995 гг.] / Я. А. Юхо // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 1969. № 1. С. 3—6.
59. *Юхо, И. А.* Владимир Иванович Пичета — первый ректор Белорусского государственного университета / И. А. Юхо // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 1972. № 3. С. 18—22.
60. *Юхо, Я.* Уніі Вялікага княства Літоўскага з Польшчай / Я. Юхо // Польшча. 1972. № 1. С. 207—226.
61. *Юхо, И. А.* Развитие юридической науки в БГУ / И. А. Юхо // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 1978. № 3. С. 44—48.
62. *Юхо, И. А.* Юридическая наука БССР за 60 лет / И. А. Юхо // Правоведение. 1979. № 1. С. 3—10.
63. *Юхо, И. А. В. И.* Ленин — основоположник современной правовой науки / И. А. Юхо // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 1980. № 1. С. 65—66.
64. *Юхо, І. А.* Дакументы полацкага феадальнага права / І. А. Юхо // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1983. № 2. С. 28—32
65. *Юхо, И. А.* Кревская уния / И. А. Юхо // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1985. № 4. С. 34—39.

66. Юхо, И. А. Военное право Белоруссии и Литвы в XVI в. / И. А. Юхо // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 1987. № 3. С. 62—63.
67. Юхо, Я. А. Скарбніца прававой культуры : аб Статутах Вялікага княства Літоўскага / Я. А. Юхо // Польша. 1988. № 12. С. 166—179.
68. Юхо, І. «Языком власным права списанные маем...» : да 400-годдзя Статута Вялікага княства Літоўскага 1588 г. / І. Юхо, М. Прыгодзін // Беларусь. 1988. № 12. С. 18—19.
69. Юхо, Я. А. Скарына і прававая культура Беларусі / Я. А. Юхо // Спадчына. 1989. № 2. С. 52—54.
70. Юхо, Я. А. Паходжанне дзяржавы на Беларусі / Я. А. Юхо // Спадчына. 1990. № 4. С. 11—13.
71. Юхо, Я. Фармаванне тэрыторыі беларусаў / Я. Юхо // Спадчына. 1991. № 6. С. 2—11.
72. Юхо, Я. А. Беларускія ўрады 1918—1921 гг. і іх паўнамоцтвы : [БНР і БССР] / Я. А. Юхо // Беларус. гіст. часоп. 1993. № 4. С. 63—68.
73. Юхо, Я. А. Развіццё навукі гісторыі дзяржавы і права ў Беларускім дзяржаўным універсітэце / Я. А. Юхо // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 1995. № 1. С. 3—6.
74. Юхо, Я. А. Канстытуцыя Рэчы Паспалітай 3-га мая 1791 г. і Беларусь / Я. А. Юхо // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 1996. № 3. С. 85—89.
75. Юхо, Я. А. Будучыня належыць Льву Талстому / Я. А. Юхо // Res Nova. 1997. № 1. С. 8—9.
76. Юхо, Я. Узнікненне дзяржавы і яе сутнасць : [З гісторыі пытання] // Гутарку вялі : В. Кушнер і С. Барыс // Беларус. гіст. часоп. 1997. № 3. С. 44—50.
77. Юхо, Я. «... Каждому засобно нинешним и на потом будущим» : [Аб падрыхт. і сутнасці Статута ВКЛ 1566 г.] / Я. Юхо // Беларус. Мінчушына. 1997. № 2. С. 2—6 ; № 3. С. 7—11.
78. Юхо, Я. А. Непротивление злу / Я. А. Юхо // Всемирная литература. 1998. № 1. С. 153—161.
79. Юхо, Я. А. Новае паняцце дзяржавы і права / Я. А. Юхо // Res Nova. 1998. № 2, 3. С. 42.

80. *Юхо, Я.* Вялікая французская рэвалюцыя і Беларусь / Я. Юхо, В. Сажына // Беларус. гіст. часоп. 1999. № 2. С. 24—27.
81. *Юхо, Я.* Канстытуцыя Рэчы Паспалітай 3 мая 1791 г. і Канстытуцыя Францыі 3 верасня 1791 г. : вопыт параўнальнага даследавання / Я. Юхо, В. Сажына // Грамадзянская альтэрнатыва. 1999. № 2. С. 30—35.
82. *Юхо, Я. А.* Копныя суды старажытнай Беларусі / Я. А. Юхо // Юстыцыя Беларусі. 1999. № 4. С. 55—59.
83. *Юхо, И. А.* Против насилия и террора : Л. Толстой о нравственности в искусстве / И. А. Юхо // Всемирная литература. 2000. № 6. С. 148—165.
84. *Юхо, Я. А.* Вытокі дзяржаўнага права Беларусі / Я. А. Юхо // Беларус. гіст. часоп. 2001. № 3. С. 3—13.
85. *Юхо, Я. А.* Дынастыя Віценевічаў у Беларусі / Я. А. Юхо // Беларус. гіст. часоп. 2001. № 5. С. 46—47.
86. *Юхо, И. А.* Юридическая наука в БГУ за 80 лет / И. А. Юхо // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 2001. № 3. С. 98—99.
87. *Юхо, Я. А.* Вялікая дэмакратычная агульнаеўрапейская рэвалюцыя XX стагоддзя і Беларусь / Я. А. Юхо // Беларус. гіст. часоп. 2002. № 6. С. 3—8.
88. *Юхо, Я. А.* Канцэпцыі фарміравання Вялікага княства Літоўскага / Я. А. Юхо // Беларус. гіст. часоп. 2003. № 9. С. 10—12.
89. *Юхо, Я. А.* Старажытныя карані Беларусі / Я. А. Юхо // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2003. Вып. 14. С. 3—15.
90. *Юхо, Я. А.* Гістарычныя карані назвы Беларусь / Я. А. Юхо // Беларус. гіст. часоп. 2004. № 6. С. 39—43.
91. *Юхо, Я. А.* Міжнародныя дагаворы сярэднявечнай Беларусі / Я. А. Юхо // Беларус. гіст. часоп. 2004. № 11. С. 3—10.

АРТЫКУЛЫ З ЭНЦЫКЛАПЕДЫЙ

92. *Юхо, Я. А.* Актавыя кнігі / Я. А. Юхо // Беларуская Савецкая Энциклапедыя : у 12 т. Мінск : БелСЭ, 1969. Т. 1. С. 202—203.
93. *Юхо, Я. А.* Акты Літоўска-Рускай дзяржавы / Я. А. Юхо // Беларуская Савецкая Энциклапедыя : у 12 т. Мінск : БелСЭ, 1969. Т. 1. С. 204.

94. *Юхо, Я. А.* Артыкулы вайсковыя / Я. А. Юхо // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. Мінск : БелСЭ, 1969. Т. 1. С. 458.
95. *Юхо, Я. А.* Асабістая унія / Я. А. Юхо // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. Мінск : БелСЭ, 1969. Т. 1. С. 499.
96. *Юхо, Я. А.* Астрожскія / Я. А. Юхо // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. Мінск : БелСЭ, 1969. Т. 1. С. 541.
97. *Юхо, Я. А.* Белая Русь / Я. А. Юхо // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. Мінск : БелСЭ, 1969. Т. 2. С. 274—275.
98. *Юхо, Я. А.* Валюміна легум / Я. А. Юхо // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. Мінск : БелСЭ, 1970. Т. 2. С. 586.
99. *Юхо, Я. А.* Віленска-Радамская унія 1401 г. / Я. А. Юхо // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. Мінск : БелСЭ, 1971. Т. 3. С. 82.
100. *Юхо, Я. А.* Воласць / Я. А. Юхо // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. Мінск : БелСЭ, 1971. Т. 3. С. 150.
101. *Юхо, Я. А.* Вялікае княства Літоўскае / Я. А. Юхо // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. Мінск : БелСЭ, 1971. Т. 3. С. 232—240.
102. *Юхо, Я. А.* Гарadzельская унія 1413 г. / Я. А. Юхо // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. Мінск : БелСЭ, 1971. Т. 3. С. 345.
103. *Юхо, Я. А.* Звычайнае права / Я. А. Юхо // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. Мінск : БелСЭ, 1971. Т. 4. С. 547.
104. *Юхо, Я. А.* Казіміраў прывілей 1447 г. / Я. А. Юхо // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. Мінск : БелСЭ, 1972. Т. 5. С. 227.
105. *Юхо, Я. А.* Канстытуцыя 3 мая 1791 г. / Я. А. Юхо // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. Мінск : БелСЭ, 1972. Т. 5. С. 387—388.
106. *Юхо, Я. А.* Каптуровы суд / Я. А. Юхо // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. Мінск : БелСЭ, 1972. Т. 5. С. 414.
107. *Юхо, Я. А.* Копны суд / Я. А. Юхо // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. Мінск : БелСЭ, 1972. Т. 6. С. 72.
108. *Юхо, Я. А.* Крэўская унія 1385 г. / Я. А. Юхо // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. Мінск : БелСЭ, 1972. Т. 6. С. 162.
109. *Юхо, Я. А.* Люблінская унія 1569 г. / Я. А. Юхо // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. Мінск : БелСЭ, 1972. Т. 6. С. 459.
110. *Юхо, Я. А.* Маршалак / Я. А. Юхо // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. Мінск : БелСЭ, 1973. Т. 7. С. 47.
111. *Юхо, Я. А.* Мінскае ваяводства / Я. А. Юхо // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. Мінск : БелСЭ, 1973. Т. 7. С. 221.
112. *Юхо, Я. А.* Міхалон Літвін / Я. А. Юхо // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. Мінск : БелСЭ, 1973. Т. 7. С. 269.

113. *Юхо, Я. А.* Пагадненне 1408 г. / Я. А. Юхо // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. Мінск : БелСЭ, 1973. Т. 7. С. 593.
114. *Юхо, Я. А.* Падкаморскі суд / Я. А. Юхо // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. Мінск : БелСЭ, 1975. Т. 8. С. 7.
115. *Юхо, Я. А.* Падскарбі / Я. А. Юхо // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. Мінск : БелСЭ, 1975. Т. 8. С. 81.
116. *Юхо, Я. А.* Прывілеі / Я. А. Юхо // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. Мінск : БелСЭ, 1975. Т. 8. С. 594.
117. *Юхо, Я. А.* Рада Вялікага княства Літоўскага / Я. А. Юхо // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. Мінск : БелСЭ, 1973. Т. 9. С. 22.
118. *Юхо, Я. А.* Сейм / Я. А. Юхо // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. Мінск : БелСЭ, 1973. Т. 9. С. 466.
119. *Юхо, Я. А.* Служэбнікі / Я. А. Юхо // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. Мінск : БелСЭ, 1973. Т. 9. С. 591—592.
120. *Юхо, Я. А.* Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 г. / Я. А. Юхо // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. Мінск : БелСЭ, 1974. Т. 10. С. 58.
121. *Юхо, Я. А.* Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 г. / Я. А. Юхо // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. Мінск : БелСЭ, 1974. Т. 10. С. 58.
122. *Юхо, Я. А.* Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г. / Я. А. Юхо // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. Мінск : БелСЭ, 1974. Т. 10. С. 58.
123. *Юхо, Я. А.* Суд земскі / Я. А. Юхо // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. Мінск : БелСЭ, 1974. Т. 10. С. 104.
124. *Юхо, Я. А.* Судзэбнік 1468 г. / Я. А. Юхо // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. Мінск : БелСЭ, 1974. Т. 10. С. 108.
125. *Юхо, Я. А.* Унія / Я. А. Юхо // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. Мінск : БелСЭ, 1974. Т. 10. С. 474.
126. *Юхо, Я. А.* Юрыдычная навука / Я. А. Юхо // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. Мінск : БелСЭ, 1974. Т. 11. С. 514—515.
127. *Юхо, Я. А.* Юрыдычная навука / Я. А. Юхо // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. Мінск : БелСЭ, 1975. Т. 12. С. 438—439.
128. *Юхо, Я. А.* Актавыя кнігі / Я. А. Юхо // Беларуская ССР : Кароткая энцыклапедыя : у 5 т. Мінск : БелСЭ, 1978. Т. 1 : Гісторыя. Грамадскі і дзяржаўны лад. Заканадаўства і права. Адміністра-

- тыўна-тэрытарыяльнае дзяленне. Населеныя пункты. Міжнародныя сувязі. С. 61.
129. *Юхо, Я. А.* Белая Русь / Я. А. Юхо // Беларуская ССР : Кароткая энцыклапедыя : у 5 т. Мінск : БелСЭ, 1978. Т. 1 : Гісторыя. Грамадскі і дзяржаўны лад. Заканадаўства і права. Адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне. Населеныя пункты. Міжнародныя сувязі. С. 107—108.
130. *Юхо, Я. А.* Бужане / Я. А. Юхо // Беларуская ССР : Кароткая энцыклапедыя : у 5 т. Мінск : БелСЭ, 1978. Т. 1 : Гісторыя. Грамадскі і дзяржаўны лад. Заканадаўства і права. Адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне. Населеныя пункты. Міжнародныя сувязі. С. 126.
131. *Юхо, Я. А.* Вялікі князь / Я. А. Юхо // Беларуская ССР : Кароткая энцыклапедыя : у 5 т. Мінск : БелСЭ, 1978. Т. 1 : Гісторыя. Грамадскі і дзяржаўны лад. Заканадаўства і права. Адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне. Населеныя пункты. Міжнародныя сувязі. С. 183.
132. *Юхо, Я. А.* Гарадзельская унія 1413 г. / Я. А. Юхо // Беларуская ССР : Кароткая энцыклапедыя. Мінск : БелСЭ, 1978. Т. 1 : Гісторыя. Грамадскі і дзяржаўны лад. Заканадаўства і права. Адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне. Населеныя пункты. Міжнародныя сувязі. С. 186.
133. *Юхо, Я. А.* Дагавор 1229 г. / Я. А. Юхо // Беларуская ССР : Кароткая энцыклапедыя : у 5 т. Мінск : БелСЭ, 1978. Т. 1 : Гісторыя. Грамадскі і дзяржаўны лад. Заканадаўства і права. Адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне. Населеныя пункты. Міжнародныя сувязі. С. 229.
134. *Юхо, Я. А.* Дагавор 1338 г. / Я. А. Юхо // Беларуская ССР : Кароткая энцыклапедыя : у 5 т. Мінск : БелСЭ, 1978. Т. 1 : Гісторыя. Грамадскі і дзяржаўны лад. Заканадаўства і права. Адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне. Населеныя пункты. Міжнародныя сувязі. С. 229.
135. *Юхо, Я. А.* Дваранін / Я. А. Юхо // Беларуская ССР : Кароткая энцыклапедыя : у 5 т. Мінск : БелСЭ, 1978. Т. 1 : Гісторыя. Грамадскі і дзяржаўны лад. Заканадаўства і права. Адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне. Населеныя пункты. Міжнародныя сувязі. С. 231.
136. *Юхо, Я. А.* Дэкларацыі народнага сходу Заходняй Беларусі / Я. А. Юхо // Беларуская ССР : Кароткая энцыклапедыя : у 5 т. Мінск : БелСЭ, 1978. Т. 1 : Гісторыя. Грамадскі і дзяржаўны лад.

- Заканадаўства і права. Адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне. Населеныя пункты. Міжнародныя сувязі. С. 257.
137. Юхо, Я. А. Заканадаўчая ўлада / Я. А. Юхо // Беларуская ССР : Кароткая энцыклапедыя : у 5 т. Мінск : БелСЭ, 1978. Т. 1 : Гісторыя. Грамадскі і дзяржаўны лад. Заканадаўства і права. Адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне. Населеныя пункты. Міжнародныя сувязі. С. 273.
138. Юхо, Я. А. Закладнікі / Я. А. Юхо // Беларуская ССР : Кароткая энцыклапедыя : у 5 т. Мінск : БелСЭ, 1978. Т. 1 : Гісторыя. Грамадскі і дзяржаўны лад. Заканадаўства і права. Адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне. Населеныя пункты. Міжнародныя сувязі. С. 273.
139. Юхо, Я. А. Закупы / Я. А. Юхо // Беларуская ССР : Кароткая энцыклапедыя : у 5 т. Мінск : БелСЭ, 1978. Т. 1 : Гісторыя. Грамадскі і дзяржаўны лад. Заканадаўства і права. Адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне. Населеныя пункты. Міжнародныя сувязі. С. 273.
140. Юхо, Я. А. Замкавы суд / Я. А. Юхо // Беларуская ССР : Кароткая энцыклапедыя : у 5 т. Мінск : БелСЭ, 1978. Т. 1 : Гісторыя. Грамадскі і дзяржаўны лад. Заканадаўства і права. Адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне. Населеныя пункты. Міжнародныя сувязі. С. 273.
141. Юхо, Я. А. Земскі суд / Я. А. Юхо // Беларуская ССР : Кароткая энцыклапедыя : у 5 т. Мінск : БелСЭ, 1978. Т. 1 : Гісторыя. Грамадскі і дзяржаўны лад. Заканадаўства і права. Адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне. Населеныя пункты. Міжнародныя сувязі. С. 281.
142. Юхо, Я. А. Канстытуцыя 3 мая 1791 г. / Я. А. Юхо // Беларуская ССР : Кароткая энцыклапедыя : у 5 т. Мінск : БелСЭ, 1978. Т. 1 : Гісторыя. Грамадскі і дзяржаўны лад. Заканадаўства і права. Адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне. Населеныя пункты. Міжнародныя сувязі. С. 313.
143. Юхо, Я. А. Копны суд / Я. А. Юхо // Беларуская ССР : Кароткая энцыклапедыя : у 5 т. Мінск : БелСЭ, 1978. Т. 1 : Гісторыя. Грамадскі і дзяржаўны лад. Заканадаўства і права. Адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне. Населеныя пункты. Міжнародныя сувязі. С. 338.
144. Юхо, Я. А. Крымінальнае ўлажэнне 1903 / Я. А. Юхо // Беларуская ССР : Кароткая энцыклапедыя : у 5 т. Мінск : БелСЭ, 1978. Т. 1 : Гісторыя. Грамадскі і дзяржаўны лад. Заканадаўства і права.

- Адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне. Населеныя пункты. Міжнародныя сувязі. С. 345.
145. *Юхо, Я. А.* Крэўскае княства / Я. А. Юхо // Беларуская ССР : Кароткая энцыклапедыя : у 5 т. Мінск : БелСЭ, 1978. Т. 1 : Гісторыя. Грамадскі і дзяржаўны лад. Заканадаўства і права. Адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне. Населеныя пункты. Міжнародныя сувязі. С. 347.
146. *Юхо, Я. А.* Крэўская унія 1385 г. / Я. А. Юхо // Беларуская ССР : Кароткая энцыклапедыя : у 5 т. Мінск : БелСЭ, 1978. Т. 1 : Гісторыя. Грамадскі і дзяржаўны лад. Заканадаўства і права. Адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне. Населеныя пункты. Міжнародныя сувязі. С. 348.
147. *Юхо, Я. А.* Люблінская унія 1569 г. / Я. А. Юхо // Беларуская ССР : Кароткая энцыклапедыя : у 5 т. Мінск : БелСЭ, 1978. Т. 1 : Гісторыя. Грамадскі і дзяржаўны лад. Заканадаўства і права. Адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне. Населеныя пункты. Міжнародныя сувязі. С. 348.
148. *Юхо, Я. А.* Міравы суд / Я. А. Юхо // Беларуская ССР : Кароткая энцыклапедыя : у 5 т. Мінск : БелСЭ, 1978. Т. 1 : Гісторыя. Грамадскі і дзяржаўны лад. Заканадаўства і права. Адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне. Населеныя пункты. Міжнародныя сувязі. С. 424.
149. *Юхо, Я. А.* Падкаморы / Я. А. Юхо // Беларуская ССР : Кароткая энцыклапедыя : у 5 т. Мінск : БелСЭ, 1978. Т. 1 : Гісторыя. Грамадскі і дзяржаўны лад. Заканадаўства і права. Адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне. Населеныя пункты. Міжнародныя сувязі. С. 449.
150. *Юхо, Я. А.* Прывілеі / Я. А. Юхо // Беларуская ССР : Кароткая энцыклапедыя : у 5 т. Мінск : БелСЭ, 1978. Т. 1 : Гісторыя. Грамадскі і дзяржаўны лад. Заканадаўства і права. Адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне. Населеныя пункты. Міжнародныя сувязі. С. 581.
151. *Юхо, Я. А.* Прывілей 1447 / Я. А. Юхо // Беларуская ССР : Кароткая энцыклапедыя : у 5 т. Мінск : БелСЭ, 1978. Т. 1 : Гісторыя. Грамадскі і дзяржаўны лад. Заканадаўства і права. Адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне. Населеныя пункты. Міжнародныя сувязі. С. 581.
152. *Юхо, Я. А.* Руская праўда / Я. А. Юхо // Беларуская ССР : Кароткая энцыклапедыя : у 5 т. Мінск : БелСЭ, 1978. Т. 1 : Гісторыя. Грамадскі і дзяржаўны лад. Заканадаўства і права. Адміністра-

- тыўна-тэрытарыяльнае дзяленне. Населеныя пункты. Міжнародныя сувязі. С. 610.
153. *Юхо, Я. А.* Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 г. / Я. А. Юхо // Беларуская ССР : Кароткая энцыклапедыя : у 5 т. Мінск : БелСЭ, 1978. Т. 1 : Гісторыя. Грамадскі і дзяржаўны лад. Заканадаўства і права. Адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне. Населеныя пункты. Міжнародныя сувязі. С. 660.
154. *Юхо, Я. А.* Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 г. / Я. А. Юхо // Беларуская ССР : Кароткая энцыклапедыя : у 5 т. Мінск : БелСЭ, 1978. Т. 1 : Гісторыя. Грамадскі і дзяржаўны лад. Заканадаўства і права. Адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне. Населеныя пункты. Міжнародныя сувязі. С. 660.
155. *Юхо, Я. А.* Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г. / Я. А. Юхо // Беларуская ССР : Кароткая энцыклапедыя : у 5 т. Мінск : БелСЭ, 1978. Т. 1 : Гісторыя. Грамадскі і дзяржаўны лад. Заканадаўства і права. Адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне. Населеныя пункты. Міжнародныя сувязі. С. 660—661.
156. *Юхо, Я. А.* Судзэбная рэформа 1864 г. / Я. А. Юхо // Беларуская ССР : Кароткая энцыклапедыя : у 5 т. Мінск : БелСЭ, 1978. Т. 1 : Гісторыя. Грамадскі і дзяржаўны лад. Заканадаўства і права. Адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне. Населеныя пункты. Міжнародныя сувязі. С. 665.
157. *Юхо, Я. А.* Харунжы / Я. А. Юхо // Беларуская ССР : Кароткая энцыклапедыя : у 5 т. Мінск : БелСЭ, 1978. Т. 1 : Гісторыя. Грамадскі і дзяржаўны лад. Заканадаўства і права. Адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне. Населеныя пункты. Міжнародныя сувязі. С. 678.
158. *Юхо, Я. А.* Дзяржаўнае кіраванне / Я. А. Юхо // Францыск Скарына і яго час : энцыкл. давед. / рэдкал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелСЭ, 1988. С. 321—323.
159. *Юхо, Я. А.* Полацкае права / Я. А. Юхо // Францыск Скарына і яго час : энцыкл. давед. / рэдкал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелСЭ, 1988. С. 453—455.
160. *Юхо, Я. А.* «Рыцарскае права» / Я. А. Юхо // Францыск Скарына і яго час : энцыкл. давед. / рэдкал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелСЭ, 1988. С. 475.
161. *Падокшын, С. А.* Светапогляд Ф. Скарыны / С. А. Падокшын, У. М. Конан, Я. А. Юхо // Францыск Скарына і яго час : энцыкл. давед. / рэдкал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелСЭ, 1988. С. 482—487.

162. *Юхо, Я. А.* Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 / Я. А. Юхо // Францыск Скарына і яго час : энцыкл. давед. / рэдкал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелСЭ, 1988. С. 509.
163. *Юхо, Я. А.* Суды / Я. А. Юхо // Францыск Скарына і яго час : энцыкл. давед. / рэдкал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелСЭ, 1988. С. 512—513.
164. *Юхо, И. А.* Государственное управление / И. А. Юхо // Франциск Скорина и его время : энцикл. справ. / Беларус. Сов. Энцикл. ; редкол. : И. П. Шамякин (гл. ред.) [и др.]. Минск : БелСЭ, 1990. С. 299—301.
165. *Падокшин, С. А.* Мировоззрение Ф. Скорины / С. А. Падокшин, В. М. Конон, И. А. Юхо // Франциск Скорина и его время : энцикл. справ. / Беларус. Сов. Энцикл. ; редкол. : И. П. Шамякин (гл. ред.) [и др.]. Минск : БелСЭ, 1990. С. 421—425.
166. *Юхо, И. А.* Полоцкое право / И. А. Юхо // Франциск Скорина и его время : энцикл. справ. / Беларус. сов. энцикл. ; редкол. : И. П. Шамякин (гл. ред.) [и др.]. Минск : БелСЭ, 1990. С. 468—469.
167. *Юхо, И. А.* «Рыцарское право» / И. А. Юхо // Франциск Скорина и его время : энцикл. справ. / Беларус. Сов. Энцикл. ; редкол. : И. П. Шамякин (гл. ред.) [и др.]. Минск : БелСЭ, 1990. С. 494.
168. *Юхо, И. А.* Статут Великого княжества Литовского 1529 / И. А. Юхо // Франциск Скорина и его время : энцикл. справ. / Беларус. Сов. Энцикл. ; редкол. : И. П. Шамякин (гл. ред.) [и др.]. Минск : БелСЭ, 1990. С. 525.
169. *Юхо, И. А.* Суды / И. А. Юхо // Франциск Скорина и его время : энцикл. справ. / Беларус. Сов. Энцикл. ; редкол. : И. П. Шамякин (гл. ред.) [и др.]. Минск : БелСЭ, 1990. С. 528—529.
170. *Юхо, Я. А.* Статут і развіццё прававой думкі / Я. А. Юхо // Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелСЭ, 1989. С. 28—38.
171. *Юхо, Я. А.* Акты Літоўска-Рускай дзяржавы / Я. А. Юхо // Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелСЭ, 1989. С. 458.
172. *Юхо, Я. А.* Белая Русь / Я. А. Юхо // Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелСЭ, 1989. С. 464.
173. *Юхо, Я. А.* Валюміна легум / Я. А. Юхо // Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелСЭ, 1989. С. 467.

174. *Юхо, Я. А.* Гарадзельская унія 1413 / Я. А. Юхо // Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелСЭ, 1989. С. 474.
175. *Юхо, Я. А.* Звычайнае права / Я. А. Юхо // Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелСЭ, 1989. С. 486—488.
176. *Юхо, Я. А.* Люблінская унія 1569 / Я. А. Юхо // Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелСЭ, 1989. С. 498.
177. *Юхо, Я. А.* Маршалак / Я. А. Юхо // Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелСЭ, 1989. С. 501.
178. *Юхо, Я. А.* Падкаморы / Я. А. Юхо // Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелСЭ, 1989. С. 509.
179. *Юхо, Я. А.* Падскарбі / Я. А. Юхо // Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелСЭ, 1989. С. 509.
180. *Юхо, Я. А.* Полацкае права / Я. А. Юхо // Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелСЭ, 1989. С. 514—515.
181. *Юхо, Я. А.* Пратэстацыя / Я. А. Юхо // Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелСЭ, 1989. С. 517—518.
182. *Юхо, Я. А.* Прывілеі / Я. А. Юхо // Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелСЭ, 1989. С. 518.
183. *Юхо, Я. А.* Рада Вялікага княства Літоўскага / Я. А. Юхо // Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелСЭ, 1989. С. 520.
184. *Юхо, Я. А.* Русіны / Я. А. Юхо // Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелСЭ, 1989. С. 521—522.
185. *Юхо, Я. А.* Рыцарскае права / Я. А. Юхо // Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелСЭ, 1989. С. 522.
186. *Юхо, Я. А.* Сейм / Я. А. Юхо // Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелСЭ, 1989. С. 525.

187. *Юхо, Я. А.* Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 / Я. А. Юхо // Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелСЭ, 1989. С. 529—530.
188. *Юхо, Я. А.* Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 / Я. А. Юхо // Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелСЭ, 1989. С. 530.
189. *Юхо, Я. А.* Судзэбнік 1468 / Я. А. Юхо // Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелСЭ, 1989. С. 532—533.
190. *Юхо, Я. А.* Унія / Я. А. Юхо // Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелСЭ, 1989. С. 538.
191. *Юхо, Я. А.* Абласныя прывілеі / Я. А. Юхо // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : М. В. Біч [і інш.] ; праф. М. Ткачова. Мінск : БелЭн, 1993. Т. 1 : А — Беліца. С. 14.
192. *Юхо, Я. А.* Агульназемскія прывілеі / Я. А. Юхо // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : М. В. Біч [і інш.] ; праф. М. Ткачова. Мінск : БелЭн, 1993. Т. 1 : А — Беліца. С. 41—42.
193. *Юхо, Я. А.* Акты паўстання Касцюшкі / Я. А. Юхо // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : М. В. Біч [і інш.] ; праф. М. Ткачова. Мінск : БелЭн, 1993. Т. 1 : А — Беліца. С. 87.
194. *Юхо, Я. А.* Астрожскія / Я. А. Юхо, В. Л. Насевіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : М. В. Біч [і інш.] ; праф. М. Ткачова. Мінск : БелЭн, 1993. Т. 1 : А — Беліца. С. 223.
195. *Юхо, Я. А.* Астроўскі Тодар / Я. А. Юхо // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : М. В. Біч [і інш.] ; праф. М. Ткачова. Мінск : БелЭн, 1993. Т. 1 : А — Беліца. С. 225.
196. *Юхо, Я. А.* Белая Русь / Я. А. Юхо // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : М. В. Біч [і інш.] ; праф. М. Ткачова. Мінск : БелЭн, 1993. Т. 1 : А — Беліца. С. 492—493.
197. *Юхо, Я. А.* Валыняне / Я. А. Юхо // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелЭн, 1994. Т. 2 : Беліцк — Гімн. С. 216.

198. *Юхо, Я. А.* Віленска-Радамская унія 1401 / Я. А. Юхо // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.].* Мінск : БелЭн, 1994. Т. 2 : Беліцк — Гімн. С. 274—275.
199. *Юхо, Я. А.* Віцебскае права / Я. А. Юхо // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.].* Мінск : БелЭн, 1994. Т. 2 : Беліцк — Гімн. С. 321.
200. *Юхо, Я. А.* Гарадзельская унія 1413 г. / Я. А. Юхо // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.].* Мінск : БелЭн, 1994. Т. 2 : Беліцк — Гімн. С. 470.
201. *Юхо, Я. А.* Гарадзельскі прывілей 1413 / Я. А. Юхо // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.].* Мінск : БелЭн, 1994. Т. 2 : Беліцк — Гімн. С. 470.
202. *Юхо, Я. А.* «Гаспадар» / Я. А. Юхо // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.].* Мінск : БелЭн, 1994. Т. 2 : Беліцк — Гімн. С. 496—497.
203. *Юхо, Я. А.* Гісторыя дзяржавы і права Беларусі / Я. А. Юхо // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.].* Мінск : БелЭн, 1996. Т. 3 : Гімназіі — Кадэнцыя. С. 37—38.
204. *Юхо, Я. А.* Глякоўскі Станіслаў / Я. А. Юхо // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.].* Мінск : БелЭн, 1996. Т. 3 : Гімназіі — Кадэнцыя. С. 54.
205. *Юхо, Я. А.* Граматы / Я. А. Юхо // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.].* Мінск : БелЭн, 1996. Т. 3. С. 114.
206. *Юхо, Я. А.* Грамата на Магдэбургскае права / Я. А. Юхо // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.].* Мінск : БелЭн, 1996. Т. 3 : Гімназіі — Кадэнцыя. С. 115.
207. *Юхо, Я. А.* Дагавор 1229 / Я. А. Юхо // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.].* Мінск : БелЭн, 1996. Т. 3 : Гімназіі — Кадэнцыя. С. 191—192.
208. *Юхо, Я. А.* Дагавор 1338 / Я. А. Юхо // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал.*

- рэд.) [і інш.]. Мінск : БелЭн, 1996. Т. 3 : Гімназіі — Кадэнцыя. С. 192.
209. *Юхо, Я. А.* Дагаворныя граматы / Я. А. Юхо // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.].* Мінск : БелЭн, 1996. Т. 3 : Гімназіі — Кадэнцыя. С. 192—193.
210. *Юхо, Я. А.* Дзяржава / Я. А. Юхо // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.].* Мінск : БелЭн, 1996. Т. 3 : Гімназіі — Кадэнцыя. С. 237—238.
211. *Юхо, Я. А.* Дзяржаўны суверэнітэт Вялікага княства Літоўскага / Я. А. Юхо // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.].* Мінск : БелЭн, 1996. Т. 3 : Гімназіі — Кадэнцыя. С. 248.
212. *Юхо, Я. А.* Звычайнае права / Я. А. Юхо // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.].* Мінск : БелЭн, 1996. Т. 3 : Гімназіі — Кадэнцыя. С. 433—434.
213. *Юхо, Я. А.* Мацяёвіцкая бітва 1794 / Я. А. Юхо // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.].* Мінск : БелЭн, 1999. Т. 5 : М — Пуд. С. 100.
214. *Юхо, Я. А.* Міравы суд / Я. А. Юхо // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.].* Мінск : БелЭн, 1999. Т. 5 : М — Пуд. С. 205.
215. *Юхо, Я. А.* Падкаморы / Я. А. Юхо // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.].* Мінск : БелЭн, 1999. Т. 5 : М — Пуд. С. 372—373.
216. *Юхо, Я. А.* Полацкае права / Я. А. Юхо // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.].* Мінск : БелЭн, 1999. Т. 5 : М — Пуд. С. 527—528.
217. *Юхо, Я. А.* Пратэстацыя / Я. А. Юхо // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.].* Мінск : БелЭн, 1999. Т. 5 : М — Пуд. С. 568.
218. *Юхо, Я. А.* Прывілеі / Я. А. Юхо // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.].* Мінск : БелЭн, 1999. Т. 5 : М — Пуд. С. 579.
219. *Юхо, Я. А.* Рада Вялікага княства Літоўскага / Я. А. Юхо // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. :*

- Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелЭн, 2001. Т. 6, кн. 1 : Пузыны — Усяя. С. 48.
220. Юхо, Я. А. Радца / Я. А. Юхо // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелЭн, 2001. Т. 6, кн. 1 : Пузыны — Усяя. С. 70.
221. Юхо, Я. А. Руская Праўда / Я. А. Юхо // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелЭн, 2001. Т. 6, кн. 1 : Пузыны — Усяя. С. 141.
222. Юхо, Я. А. Рыцарскае права / Я. А. Юхо // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелЭн, 2001. Т. 6, кн. 1 : Пузыны — Усяя. С. 160.
223. Юхо, Я. А. Служэбнікі / Я. А. Юхо // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелЭн, 2001. Т. 6, кн. 1 : Пузыны — Усяя. С. 345.
224. Юхо, Я. А. Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 / Я. А. Юхо // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелЭн, 2001. Т. 6, кн. 1 : Пузыны — Усяя. С. 414—415.
225. Юхо, Я. А. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 / Я. А. Юхо // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелЭн, 2001. Т. 6, кн. 1 : Пузыны — Усяя. С. 415—416.
226. Юхо, Я. А. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / Я. А. Юхо // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелЭн, 2001. Т. 6, кн. 1 : Пузыны — Усяя. С. 416—417.
227. Юхо, Я. А. Судзебнік 1468 / Я. А. Юхо // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелЭн, 2001. Т. 6, кн. 1 : Пузыны — Усяя. С. 441.
228. Юхо, Я. А. Трыбунал Вялікага княства Літоўскага / Я. А. Юхо // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелЭн, 2001. Т. 6, кн. 1 : Пузыны — Усяя. С. 526—527.
229. Юхо, Я. А. Юрыдычная школа / Я. А. Юхо // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелЭн, 2003. Т. 6, кн. 2 : Усвея — Яшын. С. 281.

230. *Юхо, Я. А.* Касцюшка Андрэй Тадэвуш Банавентура (30.11.1745—15.10.1817) / Я. А. Юхо // *Асветнікі зямлі Беларускай : энцыкл. давед. / рэдкал. : Г. П. Пашкоў [і інш.].* Мінск : БелЭн, 2001. С. 218—223.
231. *Конан, У. М.* Скарына (Скарыніч) Францішак (Француск; 1490?—1551?) / У. М. Конан, С. А. Падокшын, Я. А. Юхо // *Асветнікі зямлі Беларускай : энцыкл. давед. / рэдкал. : Г. П. Пашкоў [і інш.].* Мінск : БелЭн, 2001. С. 389—398.
232. *Юхо, Я. А.* Абласныя прывілеі / Я. А. Юхо // *Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. / Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.].* Мінск : БелЭн, 2005. Т. 1 : Абаленскі — Кадэнцыя. С. 196.
233. *Юхо, Я. А.* Агульназемскія прывілеі / Я. А. Юхо // *Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. / Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.].* Мінск : БелЭн, 2005. Т. 1 : Абаленскі — Кадэнцыя. С. 204.
234. *Юхо, Я. А.* «Акты паўстання Касцюшкі» / Я. А. Юхо // *Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. / Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.].* Мінск : БелЭн, 2005. Т. 1 : Абаленскі — Кадэнцыя. С. 215.
235. *Юхо, Я. А.* Віленскі прывілей 1563 / Я. А. Юхо // *Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. / Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.].* Мінск : БелЭн, 2005. Т. 1 : Абаленскі — Кадэнцыя. С. 434.
236. *Юхо, Я. А.* Віцебскае права / Я. А. Юхо // *Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. / Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.].* Мінск : БелЭн, 2005. Т. 1 : Абаленскі — Кадэнцыя. С. 452.
237. *Юхо, Я. А.* Гарадзельская унія 1413 / Я. А. Юхо // *Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. / Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.].* Мінск : БелЭн, 2005. Т. 1 : Абаленскі — Кадэнцыя. С. 495.
238. *Юхо, Я. А.* Гарадзельскі прывілей 1413 / Я. А. Юхо // *Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. / Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.].* Мінск : БелЭн, 2005. Т. 1 : Абаленскі — Кадэнцыя. С. 495—496.
239. *Юхо, Я. А.* Гаспадарскі суд / Я. А. Юхо // *Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. / Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.].* Мінск : БелЭн, 2005. Т. 1 : Абаленскі — Кадэнцыя. С. 516.
240. *Юхо, Я. А.* Дагавор 1338 / Я. А. Юхо // *Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. / Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.].* Мінск : БелЭн, 2005. Т. 1 : Абаленскі — Кадэнцыя. С. 568—569.
241. *Юхо, Я. А.* Земскі суд / Я. А. Юхо // *Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. / Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.].* Мінск : БелЭн, 2005. Т. 1 : Абаленскі — Кадэнцыя. С. 656.

242. *Юхо, Я. А.* Мацяёвіцкая бітва 1794 / Я. А. Юхо // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. / Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелЭн, 2006. Т. 2 : Кадэцкі корпус — Яцкевіч. С. 282.
243. *Юхо, Я. А.* Падкаморы / Я. А. Юхо // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. / Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелЭн, 2006. Т. 2 : Кадэцкі корпус — Яцкевіч. С. 383—384.
244. *Юхо, Я. А.* Пратэстацыя / Я. А. Юхо // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. / Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелЭн, 2006. Т. 2 : Кадэцкі корпус — Яцкевіч. С. 465.
245. *Юхо, Я. А.* Прывілеі / Я. А. Юхо // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. / Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелЭн, 2006. Т. 2 : Кадэцкі корпус — Яцкевіч. С. 468
246. *Юхо, Я. А.* Рада Вялікага княства Літоўскага / Я. А. Юхо // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. / Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелЭн, 2006. Т. 2 : Кадэцкі корпус — Яцкевіч. С. 483.
247. *Юхо, Я. А.* Радца / Я. А. Юхо // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. / Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелЭн, 2006. Т. 2 : Кадэцкі корпус — Яцкевіч. С. 505.
248. *Юхо, Я. А.* Служэбнікі / Я. А. Юхо // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. / Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелЭн, 2006. Т. 2 : Кадэцкі корпус — Яцкевіч. С. 589.
249. *Юхо, Я. А.* Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 / Я. А. Юхо // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. / Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелЭн, 2006. Т. 2 : Кадэцкі корпус — Яцкевіч. С. 630—632.
250. *Юхо, Я. А.* Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 / Я. А. Юхо // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. / Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелЭн, 2006. Т. 2 : Кадэцкі корпус — Яцкевіч. С. 632—633.
251. *Юхо, Я. А.* Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / Я. А. Юхо // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. / Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелЭн, 2006. Т. 2 : Кадэцкі корпус — Яцкевіч. С. 633—634.
252. *Юхо, Я. А.* Судзебнік 1468 / Я. А. Юхо // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. / Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелЭн, 2006. Т. 2 : Кадэцкі корпус — Яцкевіч. С. 641—642.

253. *Юхо, Я. А.* Трыбунал Вялікага княства Літоўскага / Я. А. Юхо // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. / Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелЭн, 2006. Т. 2 : Кадэцкі корпус — Яцкевіч. С. 673—674.

**АРТЫКУЛЫ ў ЗБОРНИКАХ НАВУКОВЫХ ПРАЦ, ДАКЛАДАЎ,
МАТЭРЫЯЛАЎ І ТЭЗІСАЎ КАНФЕРЭНЦЫЙ**

254. *Юхо, И. А.* История развития правовой культуры и науки в Белоруссии в период раннего феодализма / И. А. Юхо // Актуальные вопросы развития советского государства и права : тез. докл. науч. конф. проф.-препод. состава юрид. фак., Минск, 26 дек. 1985 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : В. Г. Тихиня, В. Н. Бибило, Г. А. Воробей. Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1985. С. 23—24.
255. *Юхо, И. А.* Из истории национальной политики в Белорусской ССР в середине 20-х годов / И. А. Юхо // Тенденции и перспективы развития права и укрепления социалистической законности : материалы науч. конф. проф.-препод. состава юрид. фак. Белорус. гос. ун-та им. В. И. Ленина, Минск, 28 дек. 1988 г. / Бел. гос. ун-т ; редкол. : В. Г. Тихиня [и др.]. Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1988. Вып. 2. С. 5—6.
256. *Юхо, И. А.* Создание Белорусской Советской Социалистической республики — важнейший рубеж в истории белорусского народа / И. А. Юхо // Право и демократия / редкол. : В. Г. Тихиня (гл. ред.) [и др.]. Минск : Университетское, 1989. Вып. 2. С. 3—11.
257. *Юхо, Я.* Пра назву «Беларусь» / Я. Юхо // Імя тваё Белая Русь : зб. артыкулаў сучас. гісторыкаў / уклад. Г. М. Сагановіч. Мінск : Полымя, 1991. С. 87—101.
258. Беларуская ідэя і Вялікае княства Літоўскае : [Фрагмент гутаркі за «круглым сталом», які быў сабраны па ініцыятыве Міжнароднага беларусістаў у Мінску па праблеме гісторыі ВКЛ] / удзельнічалі : М. Ткачоў, М. Ермаловіч, Я. Юхо [і інш.] ; падрыхт. Т. Якаўлева // Беларус. думка. 1992. № 10. С. 62—72.
259. *Юхо, И. А.* Местные органы государственного управления и самоуправления / И. А. Юхо // Концепция Конституции БССР и формирование правовых основ гражданского общества и государства : тез. докл. Респ. науч.-практ. конф., Минск, 27—28 февр. 1991 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : А. А. Головки (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 1991. Т. 2. С. 15—18.

260. *Юхо, Я.* Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г. і еўрапейскае заканадаўства / Я. Юхо // Беларусіка = Albaruthenica. Мінск : БДУ, 1997. Кн. 6, ч. 2 : 480 год беларускага кнігадрукавання : матэрыялы Трэціх Скарын. чытанняў. С. 21—24.
261. *Юхо, Я. А.* Суды для мяшчан феадальнай Беларусі / Я. А. Юхо // Магдэбургскае права на Беларусі : матэрыялы навук. канф., прысвеч. 500-годдзю выдачы гораду Мінску граматы на магдэбургскае права / Бел. дзярж. ун-т ; Акад. МУС Рэсп. Беларусь ; Беларус. недзярж. ін-т правазнаўства ; рэдкал. : У. М. Хоміч, Т. І. Доўнар, Я. А. Юхо. Мінск : Право и экономика, 1999. С. 10—14.
262. Гісторыя развіцця ідэі фарміравання прававой дзяржавы на Беларусі / Я. А. Юхо [і інш.] // Конституционные основы социального государства : сб. ст. / Белорус. гос. ун-т ; науч. ред. : А. А. Головкин, Г. А. Василевич. Минск : Право и экономика, 2000. С. 15—21.
263. *Юхо, И. А.* Критика политической системы царского самодержавия Львом Толстым / И. А. Юхо // Конституционный процесс и развитие политической системы общества : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17—18 окт. 2002 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : Г. А. Василевич (гл. ред.) [и др.]. Минск : ФУСТ БГУ, 2002. С. 152—154.
264. *Юхо, Я. А.* Палітычныя і прававыя погляды Андрэя Тадэвуша Банавентуры Касцюшкі / Я. А. Юхо // Беларусь і Тадэвуш Касцюшка : спадчына, час, здабыткі : матэрыялы Міжнар. семінара. Сустрэча другая, Мінск, 28—29 лістап. 2000 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал. : Я. А. Юхо, К. І. Козак (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск : НАН РБ, 2002. С. 13—15.
265. *Юхо, Я. А.* Государство и право Киевской Руси / Я. А. Юхо // Право и демократия : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. Минск : БДУ, 2004. Вып. 15. С. 82—107.

АЎТАРЭФЕРАТЫ ДЫСЕРТАЦЫЙ

266. *Юхо, И. А.* Установление Советской власти в Западной Белоруссии в 1939 году : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / И. А. Юхо ; Акад. наук СССР, Ин-т философии и права. Минск, 1954. 16 с.

267. *Юхо, И. А.* Общественно-политический строй и право Белоруссии в XVI веке : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / И. А. Юхо ; М-во высш. и сред. спец. образования УССР ; Киев. гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко. Киев, 1980. 47 с.

РЭЦЭНЗІ

268. Древние белорусские города / И. А. Юхо // ЛіМ. 1966. № 86. С. 14—15. Рец. на кн. : Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI—XVII в. / З. Ю. Копыцкий. Минск : Наука и техника, 1966. 227 с.
269. [Рецензия] / И. А. Юхо // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 1969. № 3. С. 89. Рец. на кн. : Деятельность Советов Белоруссии по осуществлению экономической политики в деревне в 1927—1936 годах / А. А. Головки. Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1968. 128 с.
270. [Рецензия] / И. А. Юхо // Неман. 1970. № 7. С. 182—183. Рец. на кн. : Крестьяне Белоруссии во второй половине XVII—XVIII вв. / П. Г. Козловский ; под ред. Н. Н. Улащика ; Акад. наук Белорус. ССР, Ин-т истории. Минск : Наука и техника, 1969. 201 с.
271. Фундаментальное исследование / И. А. Юхо // Звязда. 1971. № 61. Рец. на кн. : История государства и права Белорусской ССР : в 2 т. / Акад. наук БССР ; С. П. Маргунский, Ю. В. Шабанов, И. И. Потержа. Минск : Наука и техника, 1970. Т. 1 : 1917—1936 гг. 540 с.

ПРАЦА Ў РЭДАКЛЕГІ

272. Юрыдычны энцыклапедычны слоўнік / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал. : С. В. Кузьмін [і інш.]. Мінск : БелЭн, 1992. 636 с.
273. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 : Тэксты. Давед. Камент. / Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелСЭ, 1989. 573 с.
274. Францыск Скарына і яго час : энцыкл. давед. / рэдкал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелСЭ, 1988. 608 с.
275. Францыск Скорина и его время : энцыкл. справ. / Беларус. Сов. Энцыкл. ; редкол. : И. П. Шамякин (гл. ред.) [и др.]. Минск : БелСЭ, 1990. 631 с.
276. Магдэбургскае права на Беларусі : матэрыялы навук. канф., прысвеч. 500-годдзю выдачы гораду Мінску граматы на магдэбург-

- скае права, 26 сак. 1999 г. / Бел. дзярж. ун-т ; Акад. МУС Рэсп. Беларусь ; Беларус. недзярж. ін-т правазнаўства ; рэдкал. : У. М. Хоміч, Т. І. Доўнар, Я. А. Юхо. Мінск : Право и экономика, 1999. 258 с.
277. Беларусь і Тадэвуш Касцюшка : спадчына, час, здабыткі : матэрыялы Міжнар. семінара. Сустрэча другая, Мінск, 28—29 лістап. 2000 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал. : Я. А. Юхо, К. І. Козак (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск : НАН РБ, 2002. 208 с.
278. *Доўнар, Т. І.* Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т. І. Доўнар, У. М. Сатолін, Я. А. Юхо ; рэдкал. : Т. І. Доўнар [і інш.]. Мінск : Тэсей, 2003. 250 с.

АРТЫКУЛЫ ў ГАЗЕТАХ

279. *Юхо, Я. А.* Пастаянныя сельскагаспадарчыя камісіі мясцовых Саветаў / Я. А. Юхо // За Радзіму. 1955. С. 13.
280. *Юхо, Я. А.* Статут 1529 года — першы збор законаў у феадальнай Еўропе. Помнік прававой культуры і мовы / Я. А. Юхо // Голас Радзімы. 1979. № 42. С. 8.
281. *Юхо, І. А.* Памятнік прававой культуры і языка / І. А. Юхо // Голас Радзімы. 1979. № 42. С. 25—27.
282. *Юхо, І. А.* Литва — Белоруссия : к вопросу о территориях // Сов. Белоруссия. 1990. 25 авг. С. 16
283. *Юхо, І. А.* Перекроим Союз? : [Рассказ проф. БГУ им. В. И. Ленина] / Записал И. Гуковский // 7 дней. 1991. № 37. С. 3.
284. *Юхо, І. А.* Польские псевдонимы в стране Гордарики : [Рассказ проф. БГУ им. В. И. Ленина] / Записал И. Гуковский // 7 дней. 1991. 30 сент. — 6 окт. (№ 40). С. 3.
285. *Юхо, І.* Полацкае старадаўняе права / І. Юхо // Полацк. 1991. № 1. С. 3—7.
286. *Юхо, І.* Уніі Вялікага княства Літоўскага / І. Юхо // Полацк. 1991. № 6/7. С. 6—10.
287. *Юхо, Я.* Скарыне, аўтару «Статута...» : [Аб удзеле Ф. Скарыны ў падрыхтоўцы Статута Вялікага княства Літоўскага 1529 г. на беларускай мове] / Я. Юхо // ЛіМ. 1991. 24 мая (№ 21). С. 15.
288. *Юхо, Я.* Прававая культура Беларусі і нацыянальная самасвядомасць народа : [3 гісторыі] / Я. Юхо // Культура. 1992. № 10 (18). С. 7.

289. *Юхо, Я. А.* «Мы не ведаем сапраўднай гісторыі [беларускай дзяржаўнасці]» : Гутарка з гісторыкам старажытнага права / Запісаў А. Карлюкевіч // Во славу Родины. 1992. 25 июля. С. 1.
290. *Юхо, Я.* Усталяванне дзяржаўнасці ўсходніх славян : [Карткі нарыс па гісторыі дзяржавы і права на Беларусі] / Я. Юхо // Полацк (Кліўленд). 1992. № 6. С. 17—21.
291. *Юхо, Я. А.* Вытокі нашай дзяржавы (XII—XVIII стст.) : Гутарка з вучоным / Запісаў А. Карлюкевіч // Наша слова. 1992. № 33. С. 1—2.
292. *Юхо, Я.* «Скідаем з роднага краю апошняе ярмо» : да 75-годдзя ўтварэння БНР / Я. Юхо // Фемида. 1993. № 13. С. 3.
293. *Юхо, Я.* Што такое Крэўская унія [1385 г.]? : Гісторыя Беларусі ў пытаннях і адказах / Я. Юхо // Наша слова. 1993. № 26. С. 6
294. *Юхо, Я.* Што такое магдэбургскае права? : Гісторыя Беларусі [XIV—XVIII стст.] : у пытаннях і адказах / Я. Юхо // Наша слова. 1993. № 33. С. 6.
295. *Юхо, Я.* Калі была створана першая беларуская канстытуцыя? : [III Статут ВКЛ 1588 г.] : Гісторыя Беларусі ў пытаннях і адказах / Я. Юхо // Наша слова. 1993. № 35. С. 6.
296. *Юхо, Я.* Хто такі Тадэвуш Касцюшка? / Я. Юхо // Наша слова. 1993. № 3. С. 6.

**НАВУКОВАЯ ШКОЛА
ПРАФЕСАРА І. А. ЮХО***

**ДЫСЕРТАЦЫІ НА СМІСКАННЕ
НАВУКОВАЙ СТУПЕНІ
ДОКТАРА ЮРЫДЫЧНЫХ НАВУК**

С. Ф. СОКАЛ

*«Політычная і правая мысль в Беларусіі
XVI — першай паловіны XVII стагоддзя».*

Абаронена ў 1986 г.

Т. І. ДОЎНАР

*«Развіццё агульназемскага права
Беларусі ў XV—XVI стагоддзях».*

Абаронена ў 1997 г.

**ДЫСЕРТАЦЫІ НА СМІСКАННЕ
НАВУКОВАЙ СТУПЕНІ
КАНДЫДАТА ЮРЫДЫЧНЫХ НАВУК**

М. Р. ПЕТАЧЭНКА

*«Местныя органы дзяржаўнай улады
Беларускай ССР в борьбе за ўстаноўленне
сельскага гаспадарства (1921—1925 гг.)».*

Абаронена ў 1968 г.

* Складальнікі: Л. Л. Голубева, Н. М. Хаткевіч, В. Т. Малец.

В. А. ШАЛКАПЛЯС

«Местные органы государственного управления в Белоруссии в конце XVIII — начале XIX века».

Абаронена ў 1972 г.

А. У. МАРЫСКІН

«Судебная реформа 1864 года и особенности ее проведения в Белоруссии».

Абаронена ў 1985 г.

В. М. СІКОРСКІ

«Прогрессивная общественно-политическая и правовая мысль в Белоруссии в первой половине XIX века».

Абаронена ў 1985 г.

Т. І. ДОЎНАР

«Преимственность в историческом развитии Конституции Белорусской ССР».

Абаронена ў 1986 г.

М. А. ДЗЕНІСЕНКА

«Развитие государственного права Белорусской ССР в условиях новой экономической политики (1921—1927 гг.)».

Абаронена ў 1988 г.

Т. І. МАКАРАВА

«Присоединение Белоруссии к России в конце XVII века (государственно-правовой аспект)».

Абаронена ў 1992 г.

А. Я. ЛЯСКОЎ

«Прававыя і палітычныя ідэі ў Беларусі ў канцы XVIII стагоддзя».

Абаронена ў 1999 г.

Ю. П. ДОЎНАР

«Судовая рэформа XVI стагоддзя ў Вялікім княстве Літоўскім».

Абаронена ў 2004 г.

**ДЫСЕРТАЦЫЯ НА СМІСКАННЕ
НАВУКОВАЙ СТУПЕНІ
КАНДЫДАТА ФІЛАСОФСКІХ НАВУК**

С. Ф. СОКАЛ

«Социологическая и политическая мысль в Белоруссии во II половине XVI века».

Абаронена ў 1972 г.

ЗМЕСТ

MEMORIA ET GLORIA. ПАМЯЦЬ І СЛАВА.....	3
ПРАДМОВА	4
ЖЫЦЦЁ І ДЗЕЙНАСЦЬ ІОСІФА АЛЯКСАНДРАВІЧА ЮХО	7
УСПАМІНЫ ПРА ІОСІФА АЛЯКСАНДРАВІЧА ЮХО.....	11
И. А. ЮХО. ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССИИ В XVI в.....	45
БІБЛІЯГРАФІЯ ПУБЛІКАЦЫЙ ПРАФЕСАРА І. А. ЮХО	145
НАВУКОВАЯ ШКОЛА ПРАФЕСАРА І. А. ЮХО.....	172

Навуковае выданне

Серыя «Memoria et Gloria»

ПАМЯЦЬ І СЛАВА:

Юсіф Аляксандравіч ЮХО

**Да 90-годдзя
з дня нараджэння**

Рэдактар *Т. С. Петрачэнка*

Мастак вокладкі *Т. Ю. Таран*

Мастацкі рэдактар *Т. Ю. Таран*

Тэхнічны рэдактар *Г. М. Раманчук*

Карэктары: *В. І. Багдановіч, А. А. Заяш*

Камп'ютарная вёрстка *А. А. Мікулевіча,
Л. Л. Мартынавай*

Падпісана да друку 10.03.2011.
Фармат 70×90/16. Папера афсетная.
Гарнітура SchoolBook. Друк афсетны.
Ум. друк. арк. 12,87+1,31 укл.
Ул.-выд. арк. 13,10+1,30 укл.
Тыраж 100 экз. Зак. 126.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт.
ЛВ № 02330/0494425 ад 08.04.2009.
Пр. Незалежнасці, 4, 220030, Мінск.

Надрукавана з арыгінала-макета заказчыка.
Рэспубліканскае ўнітарнае прадпрыемства
«Выдавецкі цэнтр
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта».
ЛП № 02330/0494178 ад 03.04.2009.
Вул. Чырвонаармейская, 6, 220030, Мінск.